

Экономические и социально-гуманитарные исследования 3(7)'2015

Учредитель:

Национальный
исследовательский
университет «МИЭТ»

Редакционный совет:

Чаплыгин Ю. А.
(председатель)
Анискин Ю. П.
Гаврилов С. А.
Инфанте Д.
Кучуради И.
Моисеева Н. К.
Ницевич В. Ф.
Пирогов А. И.
Чистоходова Л. И.

Редакционная коллегия:

Пирогов А. И. (гл. ред.)
Анискин Ю. П. (зам. гл. ред.)
Алексеева И. Ю.
Гриценко Н. Ф.
Гуськова Н. Д.
Зызыкин В. Г.
Инфанте Д.
Кучуради И.
Лаце Н.
Лукичева Л. И.
Мамедов Н. М.
Миронов А. В.
Моисеева Н. К.
Ницевич В. Ф.
Просперини Я.
Растимешина Т. В.
Салимова Т. А.
Смирнова Ж. В.
Сушкова Ю. И.
Чистоходова Л. И.

Адрес редакции: 124498,
Москва, Зеленоград,
пл. Шокина, д. 1, МИЭТ
Тел.: 8-499-729-76-02
E-mail: esgi.miet@yandex.ru
<http://esgi-miet.ru>

Научный журнал

Издается с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-57671 от 18 апреля 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Организационно-экономические аспекты инновационного развития

- Анискин Ю. П., Греков О. А.* Планирование активности использования инновационного потенциала компании. 3
Мыльник В. В., Мыльник А. В. Модернизация промышленного производства на базе новых идей и инноваций через «долину смерти» 8

Корпоративное управление финансово-экономической деятельностью

- Короткова Т. Л.* Целевая модель проекта повышения рентабельности капитала 13

Маркетинг и международный бизнес

- Маршова Т. Н., Истомин В. И.* Структурная перестройка производственного потенциала национальной экономики: опыт развивающихся стран и задачи для России 19

Духовно-нравственные проблемы бытия

- Романенко В. П.* Этика отношения к природе в эпосе и фольклоре Кавказа и современность 33

Проблемы общественного развития и образования

- Кнэхт Н. П.* Проблема единства бытия у досократиков: античность и современность 37
Коржуев А. В., Баксанский О. Е. Адекватность восприятия и интериоризация содержания текста: «академическое письмо» 53
Королёв В. Г., Бардушкин В. В. Анализ эквивалентности нормативов для оценки уровня физической подготовленности студентов и военнослужащих 63
Короткова Т. Л. Специфика и факторы эффективного внедрения интерактивных форм обучения в вузе. 71
Хайдов С. К., Апелькова Е. В. Применение нарративного анализа в судебно-психологической экспертизе при анализе аудиовидеофайлов. 78

Заведующая редакцией

Т. В. Растимешина

Редактор

Ю. В. Лункина

Научный редактор

Т. В. Растимешина

Корректор

Л. Ф. Бородина

Компьютерный дизайн, верстка

Ю. В. Лункина

Подписано в печать 30.09.2015.

Формат бумаги 60×84 1/8.

Цифровая печать.

Объем 18,6 усл. печ. л.,

12 уч.-изд. л.

Заказ № 71.

Отпечатано

в типографии ИПК МИЭТ

124498, Москва, Зеленоград,

пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации

ПИ № ФС77-57671

выдано Комитетом РФ по печати

18.04.2014.

Входит в Российский индекс
научного цитирования.

Личность. Общество. Государство

<i>Василенко Л. А., Колесникова Л. А.</i> Научная рациональность в социальном познании	81
<i>Епифанов А. С., Растимешина Т. В.</i> Эффективность влияния политических партий России на процессы политического управления	94
<i>Ефимов А. А.</i> Электронное правительство Японии в контексте внутренней и внешней политики государства	101
<i>Ильин В. В.</i> Символическая объективация: конституирование онтологии (часть 2)	108
<i>Петров А. В.</i> Принципы синергетики в исследовании социокультурной интеграции личности в социум	119
<i>Пирогов А. И., Бирюков Д. А.</i> Особенности функционирования политических режимов в арабском мире	123
<i>Растимешина Т. В.</i> Памятники культуры и культурные ценности в российском и советском законодательстве: понятие, социально-политическая сущность, содержание . . .	132

Информация

XV Конгресс по логике, методологии и философии науки (CLMPS 2015)	141
Книжные новинки	143
Contents	145
Abstracts	146
К сведению авторов	159

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно:

- по каталогу «Газеты. Журналы»
агентства «Роспечать»
в любом отделении почты России
- на сайте агентства «Роспечать»:
 - ссылка для физических лиц
[http://www.presscafe.ru/
Subs/?RubricID=22&letter=%DD](http://www.presscafe.ru/Subs/?RubricID=22&letter=%DD)
 - ссылка для юридических лиц
(корпоративная подписка)
[http://pressa.rospress.ru/tvr.asp?
tvr_code=80114](http://pressa.rospress.ru/tvr.asp?tvr_code=80114)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

УДК 65.011 + 330.341

Планирование активности использования инновационного потенциала компании¹

Ю. П. Анискин, О. А. Греков

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Представлены результаты многолетних исследований проблем инновационного развития наукоемких предприятий, в частности, планирования инновационной активности предприятий — участников программ развития. В целях создания механизма сбалансированного планирования инновационной активности наукоемких компаний выработаны методические положения, выполнение которых повысит эффективность управления инновационным потенциалом предприятий. В рамках формирования механизма управления инновационным потенциалом систематизированы внешние и внутренние факторы воздействия на активность инновационной деятельности, а также рассмотрены основные проблемы управления инновационным циклом.

Ключевые слова: наукоемкие предприятия; инновационный потенциал; сбалансированное планирование; упорядочение организационного взаимодействия.

Инновационное развитие экономики требует формирования соответствующего потенциала компаний и повышения активности его использования в целях последовательного развития всех видов деятельности для ускорения экономического роста и повышения конкурентоспособности продукции.

Каждое наукоемкое предприятие имеет инновационный потенциал, позволяющий обеспечить выполнение плановых решений с соблюдением заданных требований. Это предполагает, что во всех видах деятельности, обеспечивающих жизнедеятельность компании, помимо текущей (рутинной) работы периодически вводятся новшества, создающие условия для развития того или иного вида деятельности.

Для осуществления каждого из них необходим свой локальный потенциал, использование которого позволяет компании функционировать эффективно.

Гармоничное развитие компании невозможно без соблюдения экономических пропорций в изменениях каждого вида деятельности, поскольку практика показывает, что чрезмерная инновационная активность по отдельным направлениям нарушает сбалансированность работы всей компании и приводит к негативным последствиям и кризисным ситуациям. Это означает, что необходимо планировать разумные темпы инновационной активности, согласованные со скоростью развития основных и обеспечивающих процессов.

© Анискин Ю. П., Греков О. А.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-02-00510.

Обеспечить эффективное функционирование наукоемкой компании может механизм сбалансированного планирования инновационной активности локальных потенциалов ее совокупной деятельности. В этом случае принимается, что *инновационный потенциал компании* представляет собой совокупность локальных потенциалов, взаимодействующих в процессе текущего функционирования и создающих условия для инновационного развития [1]. Отсюда состояние инновационного потенциала компании определяется уровнем активности развития локальных потенциалов всех видов деятельности.

Планирование инновационной активности наукоемкой компании следует начинать с координации принятия инновационных решений по взаимодействующим видам деятельности в программе развития научно-промышленного комплекса.

Разработка механизма планирования инновационной активности научно-промышленного комплекса требует учета изложенных ниже основных методических положений.

1. При появлении нововведений в каждом виде деятельности возникают противоречия между вносимыми изменениями и стремлением бизнес-системы к устойчивости и целостности. Это состояние вызывает необходимость обеспечения *опережающей готовности объекта к реализации инновационных изменений* в объемах, согласованных с взаимодействующими структурами.

2. Каждое предприятие в определенный плановый период, как правило, одновременно находится в режимах текущего функционирования (при серийном выпуске) и последовательного развития (при обновлении продукции) [2], что обуславливает потребность в механизме распределения производственной мощности на выпуск серийной продукции (для обеспечения платежеспособности

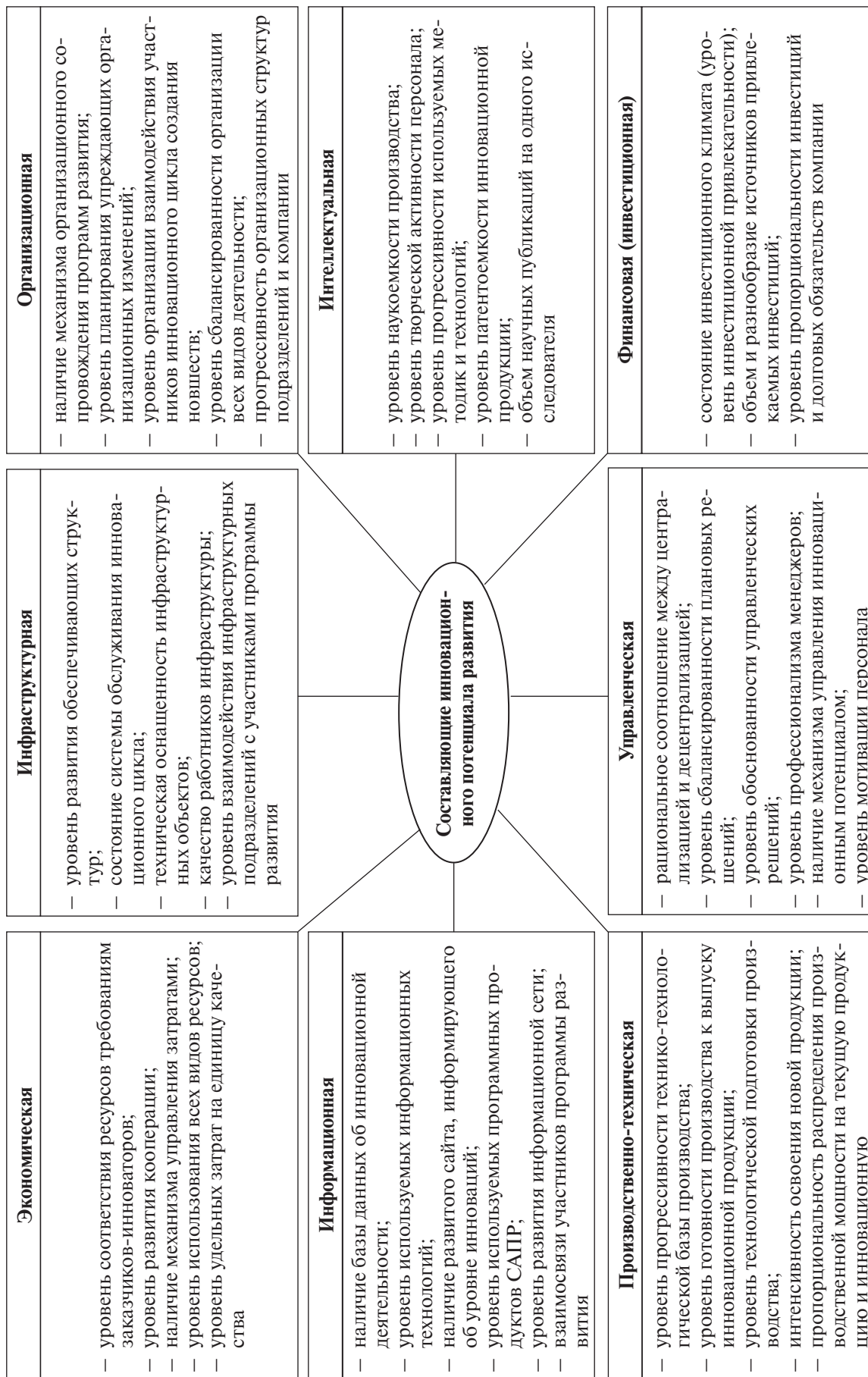
компании) и на подготовку производства и освоения новой продукции (для роста добавленной стоимости). Следовательно, в каждый плановый период нужно *определять разумный уровень инновационной активности* в целях сохранения финансовой устойчивости в переходный период обновления продукции.

3. Введение технологических новаций в действующий производственный процесс нарушает достигнутое относительное экономическое равновесие и установившиеся производственные связи, способствуя созданию условий для неравновесного состояния в переходный период развития компании. Отсюда механизм планирования должен *учитывать повышение уровня неопределенности получения конечного результата*, что требует определения пороговых значений для уровня активности производственной и инновационной деятельности.

4. Инновационный потенциал компании отражает результат взаимодействия комплекса локальных потенциалов по различным направлениям деятельности в период развития компании (см. рисунок). Это означает, что механизм планирования инновационной активности должен *учитывать состояние и возможности локальных потенциалов различных видов деятельности*.

5. При планировании инновационной активности в качестве ключевых критериев успешности развития принимаются уровень финансовой устойчивости в переходный период и величина добавленной стоимости капитала после реализации инноваций. Это позволит *обеспечить приемлемую финансовую устойчивость* в неравновесном состоянии и достигнуть повышения уровня капитализации компании на основе развития.

6. Планировать инновационные процессы необходимо с учетом вероятного воздействия на эффективность развития внешних и внутренних факторов.

Локальные составляющие инновационного потенциала развития компании [1]

К *внешним* факторам следует отнести:

- степень динамичности изменения условий функционирования внешней среды;
- уровень развития интеграционных и кооперационных связей в научно-производственной деятельности;
- конкуренцию инновационной продукции в выбранном направлении развития;
- уровень потребительского спроса на новую продукцию;
- источники инвестирования и государственной финансовой поддержки программы развития;
- наличие широкого круга стейкхолдеров — сторон, заинтересованных в появлении инноваций.

Внешние факторы, как правило, плохо поддаются управлению со стороны предприятия, при принятии плановых решений нужно только учитывать их возможное влияние.

К совокупности *внутренних* факторов относятся:

- уровень финансового потенциала компании;
- обеспеченность ресурсами текущей деятельности комплекса и его развития;
- наличие механизма организованного сопровождения программы развития;
- состояние и прогрессивность технологической базы (платформы) и оборудования для реализации инновационного цикла;
- уровень инфраструктурного обеспечения всех видов деятельности в период развития;
- состояние готовности производства к освоению выпуска инновационной продукции;
- необходимый кадровый потенциал для достижения целей инновационного развития.

Перечисленными и другими внутренними факторами менеджмент компании может управлять при условии разработанности соответствующих механизмов.

Активизация инновационного развития экономики приводит к интенсивной интеграции наукоемких компаний с различными структурами для реализации задач программ развития. Одной из форм интеграции является формирование кластеров определенной целевой направленности. В этом случае актуальной становится разработка механизма управления совместной деятельностью предприятий — участников программ развития, необходимого не только для упорядочения организационного взаимодействия, но и для обмена компетенциями и организации мотивационной взаимосвязи участников и заинтересованных сторон.

Поскольку уровень *инновационных потенциалов* участников различен, первоочередной задачей является их *выравнивание*: если эту задачу не решить, то, в соответствии с *законом наименьших* (по А. А. Богданову [3]), темпы реализации программы развития будут определяться возможностями самого слабого звена в цепи предприятий-участников.

В целях организации эффективного взаимодействия участников программ инновационного развития необходимо создать условия для решения следующих основных проблем, выявленных при исследовании реальных объектов:

- неритмичность финансовых поступлений для целей развития (требует создания специального механизма привлечения инвестиций и распределения финансов между участниками);
- недостаточность использования результатов форсайт-исследований в программах развития для повышения конкурентоспособности инноваций на мировых рынках;

— несбалансированность планирования из-за несоблюдения экономических пропорций в исследовательской и производственной деятельности (влияет на финансовую устойчивость компаний);

— несоблюдение интересов различных групп стейкхолдеров при реализации программ развития, затрудняющее своевременное и качественное выполнение технических заданий (организация эффективного взаимодействия со стейкхолдерами требует применения соответствующих механизмов — например, использование модели Митчела [4] позволит идентифицировать значимость заинтересованных сторон, сформировать сетевую модель взаимоотношений и построить их ресурсную модель);

— методическая неотработанность применения дорожных карт при планировании инновационных процессов (снижает качество управления развитием);

— неразвитость механизма контроллинга инновационной деятельности (влияет на своевременность и эффективность реализации программ развития);

— отсутствие эффективного механизма мотивации совместной деятельности участников программ развития (уменьшает результативность кадрового потенциала, тогда как специалисты [5] установили четкую связь между эффективностью деятельности и уровнем мотивационного воздействия).

Выполнение предложенных нами и других методических положений создаст условия для эффективного управления инновационным потенциалом наукоемких компаний, что приведет к росту инновационной активности и стимулирует развитие экономики страны.

Литература

1. Корпоративное управление деловой активностью в неравновесных условиях: монография / Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Международная академия менеджмента, Международная академия науки и практики организации производства; под ред. Ю. П. Анискина. М.: Омега-Л, 2015. 299 с.: ил. (Деловая активность).
2. Управление инвестиционной активностью: монография / Ю. П. Анискин, А. Ю. Бударов и др.; под ред. Ю. П. Анискина. М.: Омега-Л, 2002. 272 с.: ил. (Деловая активность).
3. **Богданов А. А.** Тектология: всеобщая организационная наука: [в 2 кн.] / Под ред. Л. И. Абалкина и др. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 303 с.: портр.
4. **Mitchell R., Agle B., Wood D.** Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts // The Academy of Management Review. 1997. Vol. 22. P. 853—886.
5. **Сурков С. А., Бойко Ю. П., Лукашев А. М.** Особенности мотивации персонала в период проведения изменений // Мотивация и оплата труда. 2005. № 4. С. 46—52.

Анискин Юрий Петрович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента (ЭиМ) МИЭТ. E-mail: anisk@mail.ru

Греков Олег Андреевич — аспирант кафедры ЭиМ МИЭТ. E-mail: fmn@miec.ru

Модернизация промышленного производства на базе новых идей и инноваций через «долину смерти»

В. В. Мыльник¹, А. В. Мыльник²

¹ *Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)*

² *Саморегулируемая организация Некоммерческое партнерство «ЭСМО» (Москва)*

Рассматриваются проблемы развития новых идей и инноваций с учетом воздействия на эти процессы так называемой долины смерти. Анализируются понятия промышленной организации, коучинга и стрелы времени. Поэтапно представлен процесс организации и реализации инновационно-инвестиционных проектов. Исследуются причины сопротивления внедрению инноваций на производстве и предлагается один из путей его преодоления: создание креативных команд-проводников, посредников между руководством и работниками промышленных организаций.

Ключевые слова: промышленная организация; модернизация; «долина смерти»; стрела времени; коучинг; креативная команда — проводник новых идей и инноваций.

Современная российская экономика функционирует в основном за счет природной ренты, т. е. интенсивной добычи нефти и газа, экспорта древесины и других полезных ископаемых, относящихся к так называемым невозполнимым ресурсам. Но сохранение этой ориентации в дальнейшем приведет к разбалансировке экономики страны и невозможности поддерживать социальные условия для обеспечения достойного уровня жизни граждан. Одним из основных путей повышения эффективности экономики в будущем является модернизация промышленных организаций на базе реализации новых идей и инноваций. Под *промышленной организацией*, согласно определению Р. С. Голова, понимается «производственное предприятие с интегрированными в его организационной структуре высокоразвитыми научно-исследовательскими подразделениями, реализующими необходимый объем работ, связанных с разработкой инновационно-инвестиционных проектов,

способное к эффективному сотрудничеству с коммерческими и сбытовыми организациями и сетями, обеспечивающими реализацию инновационной продукции на рынке» [1, с. 9]. В коллективном сознании современного социума инновация предстает как рождение нового через появление научной идеи, переходящей в новшество, а затем в форму нововведения. Понятие «инновация» имплицитно и влечет за собой ряд исторических протосмыслов (скрытых и явных), побочных смыслов (коннотаций), а сегодня активно трансформируется в связи с проблемой креативности человека. Оно взаимосвязано с одной из вечных философских проблем диалектического развития природы и социума и с попытками решить так называемый парадокс диалектического развития: объяснить причины возникновения в высшем нового, актуального содержания, отсутствовавшего в низшем. Так, инновации невозможны без обращения к прежнему опыту и смыслам.

В последние десятилетия экономика российских промышленных организаций опирается в основном на созданную в советское время организационно-технологическую базу, которую рано или поздно придется полностью менять. По различным оценкам ученых, на модернизацию организационно-технологической базы промышленных организаций в целом по стране требуется от 400 до 600 млрд долл. Процесс модернизации предполагает вложение «длинных денег», которые позволили бы постепенно обновить и усовершенствовать организационно-технологическую базу промышленности. В связи с этим идет постоянный и не всегда успешный поиск источников финансирования долгосрочных проектов. Другим немаловажным фактором, препятствующим модернизации промышленных организаций, выступает сопротивление новым идеям и инновациям, способным повысить эффективность работы промышленных организаций. Согласно различным источникам, из всей совокупности инновационных идей в России реализуются всего 8—10 %.

Инноваторы, стремящиеся к продвижению своих замыслов, должны быть настойчивы в достижении своих целей при их реализации через «долину смерти» новых идей и инноваций, использовать особые состояния социальной среды, т. е. периоды ее неустойчивости, когда она чувствительна даже к малым, незначительным воздействиям, способным привести к становлению нового культурного или социального образа жизни. Метафорой «долина смерти» мы обозначаем начало процесса реализации в пространстве и во времени новых идей и инноваций в промышленности по жизненному циклу инновационно-инвестиционных проектов, на котором они встречают сопротивление социума, вызванное желанием людей защищать свои интересы.

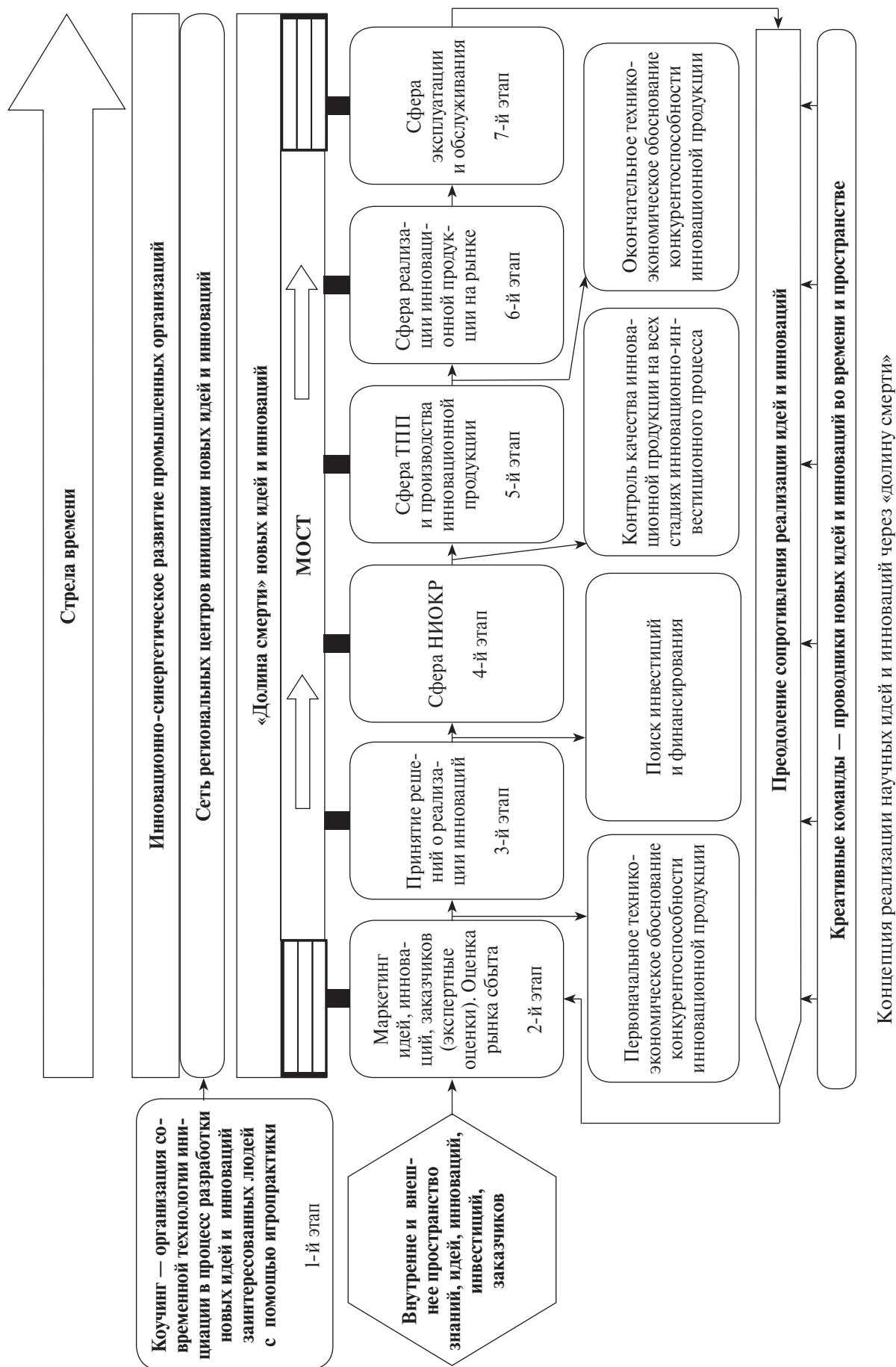
Появление новых идей и инноваций требует помимо активности природных инноваторов (людей, обладающих врожденными интеллектуальными и творческими способностями к эффективному изобретательству) и рационализаторов применения *коучинга* [2], т. е. привлечения современных технологий инициации личности в систему активного инновационного экономического мышления путем точных вопросов и интерактивных деловых игр.

Единого определения термина «коучинг» пока не выработано, что позволяет применять обозначаемый им метод в большем спектре возможных ситуаций, чем предполагалось изначально, при формировании его первичной структуры как нового направления практической бизнес-психологии.

Все процессы реализации новых идей и инноваций, а также сопротивления ей взаимосвязаны во времени и пространстве «стрелой времени» (термин введен английским физиком А. Эддингтоном). Академик В. Н. Топоров задается вопросом: «Если будущее каким-то образом содержится в настоящем, в котором заключено и прошлое, то что, собственно, означает стрела времени? Стрела времени является проявлением того факта, что будущее не задано, т. е. того, что... время есть конструкция» [3, с. 69]. Следовательно, при проведении экономических расчетов эффективности от реализации новых идей и инноваций следует обязательно учитывать инфляционные процессы и риски (см. рисунок).

Процесс организации и реализации инновационно-инвестиционных проектов в промышленных организациях можно представить в виде следующих этапов:

- 1) разработка и внедрение современной технологии инициации появления новых идей и инноваций через коучинг;

2) маркетинговые исследования во внутренней и внешней среде промышленных организаций как организационно-технологических систем в целях поиска новых эффективных идей и инноваций;

3) принятие руководством промышленных организаций решений о реализации новых идей и инноваций на основе данных, полученных в результате предварительных исследований их социально-экономической эффективности;

4) проведение фундаментальных и прикладных НИОКР;

5) промышленное производство инновационной продукции (включая технологическую подготовку производства (ТПП) этой продукции и освоение выпуска новой);

6) реализация конкурентоспособной инновационной продукции на рынке;

7) обслуживание инновационной продукции в сфере эксплуатации.

На каждом этапе развития и реализации новых идей и инноваций возникает множество факторов, препятствующих их воплощению в промышленном производстве и в конечном итоге появлению у потребителя: первый этап связан с множеством факторов ($1 \div \alpha$), второй — с множеством ($1 \div \beta$), третий — ($1 \div \gamma$), четвертый — ($1 \div n$), пятый — ($1 \div m$), шестой — ($1 \div l$) и седьмой — с множеством факторов ($1 \div k$). На каждом этапе участники реализации идей и инноваций должны действовать с целью преодолеть негативные факторы как во внутренней, так и во внешней среде промышленных организаций. Это требует быстрой реакции всего коллектива людей, участвующих в продвижении новых идей и инноваций во времени и пространстве. Например, мотивационные факторы могут стать негативными, если нововведения затрагивают:

1) личные интересы работников (вызывают страх потерять работу; сокращение прав; расширение обязанностей;

ухудшение шансов на достойное будущее; неполное использование знаний и потенциала; сокращение возможностей улучшения благосостояния работника и его семьи);

2) психологический климат в коллективе (ухудшают отношения руководства и подчиненных; не соответствуют сложившимся коллективным традициям, целям и ценностям);

3) характер и содержание труда (в результате внедрения инновации работа делается менее интересной или ее режим менее удобным).

Однако если цели руководства промышленной организации не совпадают с интересами ее работников, то последние, в том числе и рабочие, будут сопротивляться применению новых идей и инноваций, сдерживать их внедрение, что в свою очередь приведет к снижению эффективности деятельности промышленной организации. Особенно это касается рабочих, готовых, подобно британским луддитам XVIII — XIX вв., *сломать новую технику* в целях сохранения своих рабочих мест и устоявшейся заработной платы как средств обеспечения необходимых социальных условий для своей жизни и благосостояния своих семей.

На практике конфликт между реализуемыми новшествами и интересами работников промышленных организаций возникает постоянно. В целях его разрешения, с нашей точки зрения, следует формировать *временные* креативные команды — *проводники* новых идей и инноваций. Численность их участников может варьироваться в зависимости от масштабов проекта. В состав таких команд должны входить специалисты высокого класса. По завершении очередного этапа проектных работ команды распускаются и затем создаются снова по мере необходимости. Таким образом можно избежать потерь времени при реализации инновационно-инвестиционных проектов

в промышленных организациях. Как отмечал К. Маркс, потеря времени — это потеря эффекта [4].

Основные принципы формирования *креативных команд-проводников*:

- высокая компетентность в определенной области реализации проекта;
- добровольность вхождения в команду;
- повышенная исполнительская дисциплина;
- эффективное взаимодействие участников при коллективном исполнении порученной им работы;
- единая для всей команды система мотивации и формирования интеллектуальной инициативы;
- разумные методы нацеливания команды на конечный результат;
- коллективная ответственность за качество;
- умение правильно формулировать цели и решать поставленные в рамках проекта задачи, владение приемами и методами их решения;
- адаптивность к постоянно изменяющимся оперативным и локальным целям интеллектуальной работы;
- умение оценивать результаты реализации проектов в условиях инфляционных процессов, рисков и неопределенности.

В своих действиях команды должны руководствоваться целями высокоэффективного инновационно-синергетического развития промышленных организаций. Синергетический подход, основанный на методах самоорганизации, при реализации новых идей и инноваций помогает ответить на важнейшие методологические вопросы управления финансово-хозяйственной деятельностью промышленных организаций. Команды, сформированные в целях преодоления негативных

факторов модернизации, рассматривают их с позиции общесистемного видения повышения эффективности деятельности промышленных организаций, затем лидеры команд на этой основе вырабатывают рекомендации для руководителей промышленных организаций, а остальные участники — заранее планируют, контролируют и регулируют по происходящим процессам перечень мероприятий, направленных на преодоление сопротивления новым идеям и инновациям.

Литература

1. **Голов Р. С.** Управление инновационно-инвестиционной деятельностью промышленной организации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. М., 2009. 48 с.: ил.
2. **Дауни М.** Эффективный коучинг. 2-е изд. М.: Добрая книга, 2008. 288 с.
3. **Топоров В. Н.** Судьба и случай // Понятие судьбы в контексте разных культур: Сб. ст. / РАН. Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 39—74.
4. **Маркс К.** Капитал: критика политической экономии. Т. 1. М.: Эксмо, 2011. 1196 с. (Капитал Карла Маркса).
5. **Князева Е. Н., Курдюмов С. П.** Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Вступ. ст. Г. Г. Малинецкого. М.: Ком-Книга, 2007. 268 с. (Синергетика: от прошлого к будущему).
6. **Коно Т.** Стратегия и структура японских предприятий. М.: Прогресс, 1987. 384 с.
7. **Бердник Т.** Ветер перемен // Управление персоналом. 2010. № 1 (227). С. 68—71.

Мыльник Владимир Владимирович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Финансовый менеджмент» Московского авиационного института (национального исследовательского университета).
E-mail: vvm9@yandex.ru

Мыльник Алексей Владимирович — кандидат экономических наук, заместитель исполнительного директора саморегулируемой организации НП «ЭСМО». E-mail: vint215@yandex.ru

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

УДК 658.14.012

Целевая модель проекта повышения рентабельности капитала

Т. Л. Короткова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Поиск путей повышения рентабельности капитала — одна из важных задач менеджмента организации, как финансовых, так и экономических. Наиболее успешным подходом к ее решению в современных условиях является проектный менеджмент. Автор предлагает инструмент повышения рентабельности капитала и финансовой устойчивости бизнеса на основе модели Дюпона, используя ее как дерево целей проекта. Модель позволяет провести глубокий и достоверный анализ исследуемой проблемы и разработать комплексный проект совершенствования финансово-хозяйственной деятельности организации.

Ключевые слова: менеджмент организации; проект; целевая модель; алгоритм Дюпона.

В целях создания в России экономики инновационного типа с участием предприятий малого бизнеса необходимо активнее совершенствовать концептуальные подходы к обеспечению финансовой устойчивости и рентабельности бизнеса. Актуальность проблемы повышения последнего показателя для капитала определяется тем, что ее решение — часть процесса придания компании финансовой устойчивости: при этом оцениваются структура и потоки собственного и заемного капитала, нацеленного на извлечение максимальной прибыли и обеспечение платежеспособности бизнеса.

В современных условиях наиболее успешным подходом к решению данной задачи признан проектный менеджмент, использующий программно-целевой метод. Особое внимание при разработке проекта обеспечения высоких финансовых показателей следует уделить постановке целей. Главное при этом — построение такой целевой модели, которая бы:

1) отражала взаимосвязи финансовых и экономических показателей, участвующих в оценке финансового состояния организации;

2) выявляла факторы, влияющие на них;

3) способствовала разработке мероприятий по улучшению данных показателей.

По нашему мнению, всем этим требованиям отвечает компактная схема Дюпона, представляющая собой многофакторную модель в виде древовидной структуры, направленную на определение показателя рентабельности собственного капитала (*return on equity*, ROE), в расчете которого участвуют факторы производственной и финансовой деятельности предприятия. На рисунке (см. с. 15) показано, как можно использовать модернизированный вариант схемы Дюпона для построения целевой модели проекта повышения не только рентабельности капитала, но и, например, показателей финансовой устойчивости

© Короткова Т. Л.

и хозяйственной деятельности компании. Сгруппированные на основе комплексного подхода в единую методологическую систему, в этой модели они дают возможность глубоко и достоверно анализировать исследуемую проблему.

Из рисунка видно, что рентабельность собственного капитала зависит от трех факторов: рентабельности продаж, оборачиваемости активов и структуры авансированного капитала. Значимость выделенных факторов обусловлена их влиянием на все стороны финансово-хозяйственной деятельности компании. Так, первый из них отражает результаты, полученные из формы № 2 бухгалтерского учета («Отчет о прибылях и убытках»), второй и третий — соответственно активы и пассива баланса.

Очевидным преимуществом предлагаемого нами подхода является то, что, воздействуя на указанные факторы, можно планировать мероприятия по улучшению деятельности компании в намеченном направлении и прогнозировать динамику ROE — одного из основных показателей эффективности менеджмента. Верхняя часть схемы представляет дерево целей, нижняя — комплекс мероприятий, направленных на достижение основной цели — улучшение финансовых результатов деятельности компании. Далее приводится описание дерева целей проекта, начиная с элементов нижнего уровня.

Переменные издержки — часть издержек, меняющаяся в зависимости от уровня выпуска продукции. Они противоположны постоянным издержкам, не зависящим от объема выпуска и необходимым для того, чтобы выпуск стал в принципе возможен.

Сбытовые издержки — непосредственно связаны с реализацией готовой продукции: упаковка, транспортные расходы, издержки оптовой и розничной торговли.

Издержки производства — затраты, связанные с производством товаров. В бухгалтерской и статистической отчетности отражаются в виде себестоимости. Включают в себя материальные затраты, расходы на оплату труда, амортизацию и содержание оборудования.

Управленческие расходы — не связанные с производственной или коммерческой деятельностью компании, т. е. затраты на содержание отделов кадров и юридического, организации труда и заработной платы, службы информационной поддержки (или IT); расходы на освещение и отопление сооружений непроизводственного назначения, командировки, услуги связи и т. д.

Денежные средства — наиболее ликвидная часть оборотного капитала. К ним относятся деньги в кассе, на расчетных, текущих, специальных, валютных и депозитных счетах.

Дебиторская задолженность — сумма долгов компании от юридических или физических лиц в итоге хозяйственных взаимоотношений с ними. Обычно долги образуются от продаж в кредит.

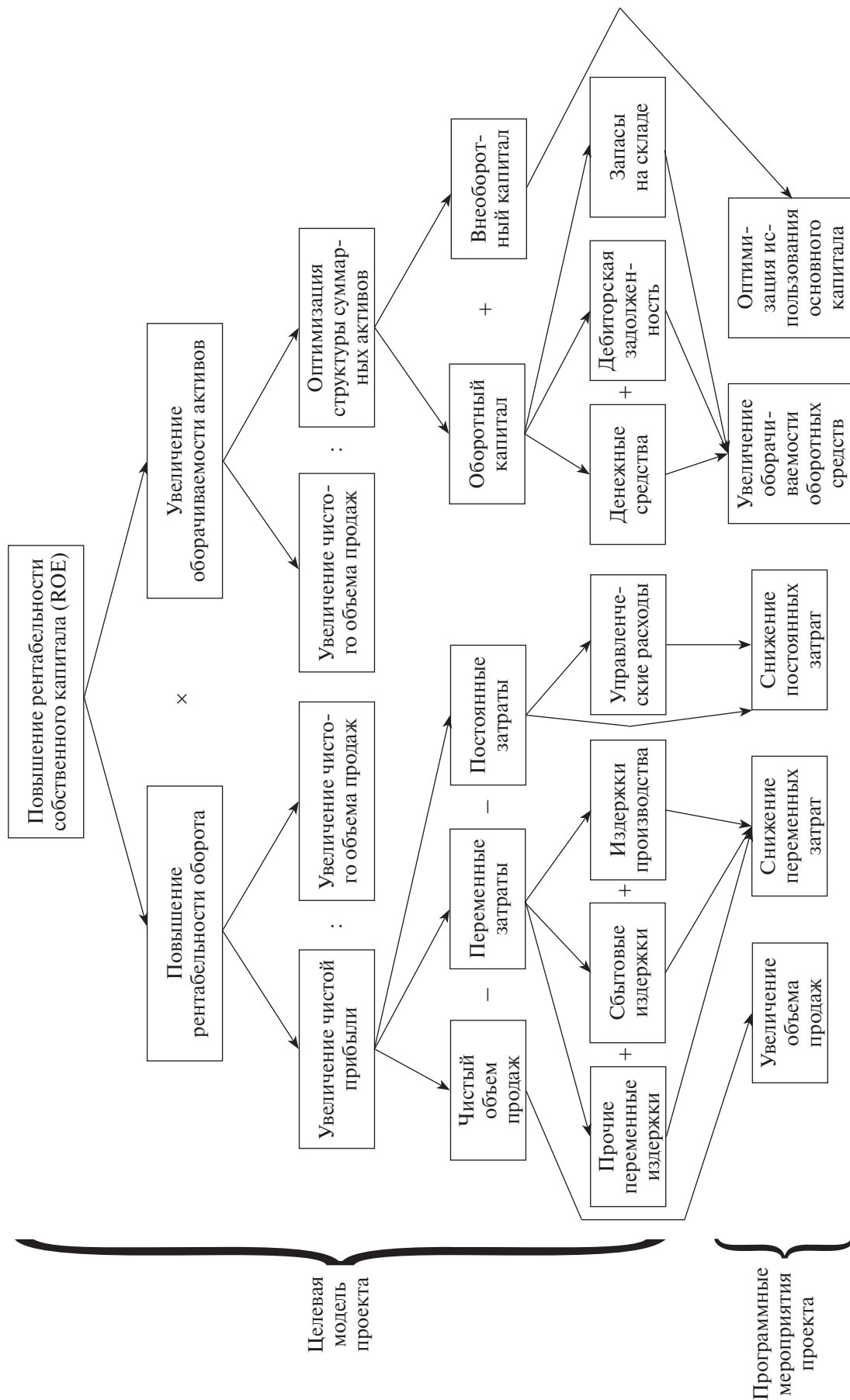
Запасы на складе — количество товаров в денежном выражении, находящихся на складах на определенную дату.

Чистый объем продаж — общая стоимость реализованных предприятием товаров и услуг за вычетом стоимости товара, проданного в кредит.

Переменные затраты — такие, величина которых зависит от объема выпуска продукции. При остановке производства они исчезают.

Постоянные затраты — расходы предприятия, не зависящие от объема производимой продукции (на содержание зданий, долгосрочную аренду помещений, оплату труда административно-управленческого персонала).

Внеоборотный (основной) капитал — основные средства, вложенные в совокупность материально-вещественных объектов, многократно используемых в процессе производства.

Целевая модель и программа мероприятий проекта обеспечения рентабельности собственного капитала на основе модели Дюпона

Оборотный капитал — участвующий и полностью расходуемый в одном производственном цикле. К этой части капитала относятся материальные оборотные средства, денежные средства, краткосрочные финансовые вложения и средства в текущих расчетах.

Чистая прибыль — часть балансовой прибыли предприятия, остающаяся в его распоряжении после уплаты налогов, сборов, отчислений и других обязательных платежей в бюджет. Используется для увеличения оборотных средств предприятия, формирования фондов и резервов и реинвестиций в производство.

Суммарный капитал — сумма основного и оборотного капитала.

Рентабельность оборота — удельный вес чистой прибыли в общей сумме капитала.

Оборачиваемость капитала — финансовый коэффициент, показывающий интенсивность использования активов и служащий показателем деловой активности предприятия. Исчисляется как частное от деления чистого объема продаж на средний суммарный капитал за год.

Рентабельность собственного капитала (ROE) — показатель чистой прибыли в сравнении с собственным капиталом организации, характеризующий эффективность использования вложенного в дело капитала (см. [1]). В отличие от похожего показателя «рентабельность активов» относится не ко всему капиталу (или активам) организации, а только к его части, которая принадлежит собственникам предприятия.

В случае применения концептуальной схемы, показанной на рисунке, в качестве целевой модели увеличения ROE в проект должны быть включены работы, повышающие значение участвующих в ее расчете показателей. Пример декомпозиции программы мероприятий на работы приводится в таблице. Для каждого конкретного приложения структуризация целей на мероприятия

может меняться в зависимости от экономического и финансового состояния бизнеса, от факторов, наиболее сильно влияющих на хозяйственную деятельность компании, а также от значимости поставленных целей.

Дальнейшая работа над создаваемым проектом повышения рентабельности капитала должна строиться по этапам, описанным в действующих отечественных и мировых стандартах [2—4].

Таким образом, алгоритм Дюпона может служить целевой моделью будущего проекта, направленного на повышение рентабельности капитала. Предложенная нами на этой основе концепция выгодно отличается от традиционных методологий обеспечения эффективной финансовой политики бизнеса. Во-первых, комплексный подход, положенный в ее основу, дает возможность учитывать всю совокупность факторов, влияющих на финансово-хозяйственные показатели компании, что обуславливает целесообразность ее применения для выработки стратегии и тактики проекта достижения намеченных целей. Во-вторых, обращение к модели Дюпона придает ей ряд преимуществ:

1) *принцип системности* подразумевает рассмотрение финансовой и хозяйственной деятельности как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных мероприятий, работ и показателей, оказывающих синергетическое воздействие на результаты реализации проекта;

2) *многоцелевой характер* позволяет планировать целенаправленные мероприятия, не только повышающие рентабельность капитала, но и в целом улучшающие финансовое состояние (в первую очередь финансовую устойчивость) организации;

3) *универсальность* дает возможность рекомендовать проектную деятельность по совершенствованию финансовых и экономических показателей для компаний разных отраслей и видов деятельности.

Условный пример структурной декомпозиции целей проекта на работы

Работы в рамках групп мероприятий	Исполнители	Сроки, недели	Трудоемкость работ, чел./час
<i>Снижение переменных затрат:</i>			
– пересмотр в пользу предприятия условий контрактов с действующими поставщиками;	менеджер отдела снабжения	4	48
– внедрение ресурсосберегающих технологических процессов, позволяющих экономить на стоимости сырья и заработной платы	инженер-технолог	9	216
<i>Снижение постоянных затрат:</i>			
– оптимизация арендных платежей;	топ-менеджер	3	24
– экономия на услугах коммунальных служб;	менеджер АХО	4	32
– уменьшение простоев из-за ремонта и обслуживания оборудования	инженер-механик	2	32
<i>Увеличение объема продаж:</i>			
– интенсификация рекламной кампании;	рекламист	6	48
– формирование клиентской базы и последующая работа с ней;	специалист по CRM-системам*	4	32
– совершенствование бонусной системы (подарки, дисконтные карты);	маркетолог		16
– проведение политики концентрации маркетинговых мероприятий на целевых сегментах		2	32
<i>Развитие основных фондов:</i>			
– финансовые инвестиции и доходные вложения в материальные ценности;	главный экономист	6	48
– долговременные вложения в основные фонды для развития бизнеса	менеджер по развитию	12	192
<i>Увеличение оборачиваемости оборотных средств:</i>			
– развитие ассортимента для целевых потребителей;	маркетолог	6	48
– оптимизация производственных запасов;	менеджер по продажам	6	48
– снижение оборотных средств в сфере обращения	менеджер отдела снабжения	6	48

* *Примечание:* CRM-система (*customer relationship management*) — это стратегия ведения бизнеса, направленная на изучение и понимание потребностей существующих и потенциальных клиентов.

Наконец, еще одно преимущество программно-целевого планирования, состоит в том, что с помощью данной концепции реализуется методология одна из самых эффективных в области менеджмента.

Литература

1. **Бланк И. А.** Финансовый менеджмент. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Эльга: Ника-Центр, 2004. 653 с.
2. Managing Successful Projects with PRINCE2. 5th ed. Norwich: Office of Government Commerce, 2009. 342 p. (Stationery Office Books).
3. Руководство к своду знаний по управлению проектами (Руководство PMBOK®). 4-е изд. М.: Project Management Institute, 2010. 496 с.
4. Управление проектами. Основы профессиональных знаний. Национальные требования к компетентности специалистов / А. В. Алешин, В. И. Воропаев, С. М. Любкин и др. М.: Консалтинговое агентство «КУБС Групп-Кооперация, Бизнес-Сервис», 2001. 265 с.: ил.
5. **Афанасьева А. Н.** Анализ эффективности использования собственного и заемного капитала. Расширенная модель «Дюпон» // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. № 8 (44). URL: <http://www.uecs.ru/teoriya-upravleniya/item/1480--1r> (дата обращения: 15.09.2015).
6. **Короткова Т. Л.** Исследования в менеджменте. М.: Курс: ИНФРА-М, 2013. 256 с.
7. **Короткова Т. Л.** Концепция проекта повышения рентабельности капитала на основе модели Дюпона: доклад на Междунар. науч. конф. «Современные тенденции интенсивного развития общественных отношений и актуальных методик их эффективного регулирования» (26—31 августа 2015 г.) // **Global International Scientific Analytical Project (GISAP)** [Web source] / **International Academy of Science and Higher Education**. URL: <http://gisap.eu/ru/node/76248/> (дата обращения: 15.09.2015).

Короткова Татьяна Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Международной академии науки и практики организации производства (МАОП), международный научный эксперт в области маркетинга, ведущий профессор кафедры маркетинга и управления проектами (МиУП) МИЭТ. E-mail: fmr@miee.ru

Структурная перестройка производственного потенциала национальной экономики: опыт развивающихся стран и задачи для России

Т. Н. Маршова, В. И. Истомин

Институт макроэкономических исследований (ИМЭИ) Минэкономразвития России

Проанализирована отраслевая структура производственного потенциала отечественной промышленности, ярко иллюстрирующая значительную топливно-сырьевую ориентацию экономики. Показано, что в современных условиях устойчивое и успешное экономическое развитие возможно только на основе высокотехнологичной обрабатывающей промышленности. Принимая во внимание опыт зарубежных стран по трансформации отраслевой промышленной структуры, определены основные направления структурных преобразований в России с учетом сформированной производственной базы.

Ключевые слова: отраслевая структура; производственные мощности; инвестиции в основной капитал; инвестиционная деятельность; эффективность инвестиций; промышленная политика.

Сегодня даже в странах, вступивших в постиндустриальный период экономического развития, основой экономики, во многом обеспечивающей устойчивый экономический рост, конкурентоспособность и экономическую безопасность страны, остается промышленность. Современная и высокоразвитая промышленность определяет способность экономики мобильно перестраиваться в соответствии с изменениями конъюнктуры рынка, адекватно реагировать на меняющиеся макроусловия хозяйствования, эффективно встраиваться в систему международного разделения труда.

В России в постреформенный период произошла столь существенная деградация производственного потенциала промышленности, что ее последствия полностью не преодолены и сегодня. Так, в 2014 г. объем промышленного производства составил лишь 91 % от уровня

1991 г., при этом добыча полезных ископаемых увеличилась на 12 % по сравнению с уровнем 1991 г. (в том числе топливно-энергетических — на 26 %), тогда как объем обрабатывающей промышленности сократился на 9 % (в частности, выпуск продукции текстильного и швейного производства составил 35 % от уровня 1991 г., производства обуви, кожи и изделий из нее — 31 %, обработки древесины и производства изделий из дерева — 51 %, производства прочих неметаллических минеральных продуктов — 56 %, машин и оборудования — 50 %, транспортных средств и оборудования — 75 %).

Деградация производственной базы промышленных отраслей нарушила нормальный режим воспроизводства основного капитала. Ухудшались качественные характеристики производственного аппарата: сильно снижалась

доля новых машин и оборудования, увеличивались уровень износа и доля полностью изношенных основных фондов. Основной тенденцией структурных изменений в промышленности было

сохранение высокой доли добывающих производств: в этом виде экономической деятельности производится 1/3 от объема добавленной стоимости, создаваемой в промышленности (табл. 1).

Таблица 1

Структура промышленности в 2000—2014 гг., %

Виды экономической деятельности	2002 г.	2014 г.
Добыча полезных ископаемых	33,2	31,2
Обрабатывающие производства	55,3	59,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	11,4	9,1

Источники: Росстат, расчеты авторов.

При незначительном росте удельного веса обрабатывающих производств существенная часть производственного потенциала приходится на базовые виды деятельности, характеризующиеся низкой долей добавленной стоимости (производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов, металлургическое и готовых металлических изделий, продуктов базовой химии) — суммарно объем соответствующих производственных мощностей составляет почти 40 % от объема мощностей обрабатывающего сектора. При этом удельный вес высокотехнологичных производств (в том числе машин и оборудования; электрооборудования, электронного и оптического) остается крайне низким. Более того, суммарная доля производственных мощностей этих секторов снизилась за рассматриваемые годы с 16 до 14 %. Фактически это означает, что отечественная промышленность по-прежнему не может быть обеспечена собственным инновационным оборудованием, а значительная часть спроса на технологичную продукцию удовлетворяется за счет импорта. Такое состояние отечественного машиностроения не только не позволяет провести широкомасштабную

модернизацию промышленных отраслей, но и подрывает экономическую безопасность страны, ставя ее в зависимость от складывающейся в мире политической ситуации.

За последние полтора десятилетия существенных прогрессивных сдвигов в структуре производственных мощностей российской промышленности не произошло. Сохранение прежней структуры мощностей в совокупности с низкими техническими характеристиками производственного аппарата и отсталыми технологиями не позволяет отечественной промышленности стать конкурентоспособной, работать по-современному, поднять коэффициент использования установленных мощностей до экономически эффективного уровня, сопоставимого с таковым других стран.

Между тем нарастающая в мире глобализация обуславливает все большую актуальность проблемы конкурентоспособности отечественной экономики. К сожалению, в России, в отличие от развитых стран, задача повышения конкурентоспособности в условиях жесткой конкурентной среды еще не стала приоритетной, о чем свидетельствуют

продолжающиеся процессы утечки умов и капитала, снижения инновационного потенциала и доли страны на мировом рынке наукоемкой продукции, старения основных фондов.

Кризисные явления в мировой экономике показали неустойчивость и низкую надежность экономического развития, ориентированного преимущественно на топливно-энергетическую составляющую, и актуализировали проблему структурной сбалансированности отечественной экономики. Без существенной структурной переориентации промышленности решить серьезные проблемы, стоящие перед российской экономикой, невозможно. В связи с этим встает вопрос о сроках и условиях таких структурных изменений. Анализ опыта зарубежных стран, в которых произошли значительные структурные сдвиги, дает возможность осуществить этот процесс наиболее эффективно и с меньшими негативными последствиями.

Остановимся на опыте отдельных стран в структурной перестройке

экономики. За полвека после окончания Второй мировой войны серьезные изменения претерпела *промышленная структура Японии*. Как отмечает К. Мочизуки [1], в первые послевоенные годы она проводила политику создания «системы приоритетного производства» с целью сформировать мощную базу для экономической самодостаточности страны. Национальные инвестиции были сконцентрированы в угольной, сталелитейной и электроэнергетической отраслях. В результате инвестирования значительных средств в импорт технологий и оборудования заметно выросло производство в сталелитейной, нефтехимической и машиностроительной отраслях. В 1970-х гг. приоритеты промышленной политики (под влиянием, среди прочего, повышения цен на нефть и усиления негативного воздействия промышленного роста на загрязнение окружающей среды) были переориентированы с тяжелой промышленности на высокотехнологические и наукоемкие отрасли (табл. 2).

Таблица 2

Изменение структуры обрабатывающих производств Японии, % от ВВП

Вид экономической деятельности	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986— 1990 гг.	1991— 1995 гг.
Производство продуктов питания и напитков	16,3	16,2	14,9	11,3	10,2
Текстильное производство и производство одежды	7,6	7,2	6,1	4,8	3,6
Производство кожи, изделий из меха и прочих изделий из кожи	0,6	0,5	0,5	0,4	0,3
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,3	2,1	1,8	1,4	1,1
Целлюлозно-бумажное производство и издательско-полиграфическая деятельность	9,2	7,8	7,8	7,5	7,0
Химическое производство	3,5	4,5	6,3	7,6	8,6
Производство резиновых изделий	0,9	1,3	1,2	1,2	1,2
Нефтепереработка и производство угольной продукции	13,3	11,5	6,2	3,9	3,4

Вид экономической деятельности	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986— 1990 гг.	1991— 1995 гг.
Производство неметаллических минеральных продуктов	5,7	4,3	3,9	3,8	3,5
Черная металлургия	8,7	8,2	6,8	6,2	5,8
Цветная металлургия	2,1	2,5	2,1	1,9	1,7
Производство металлоизделий	6,2	5,1	5,6	5,9	6,0
Производство машин	7,7	8,5	11,8	12,5	11,7
Производство электромашин, оборудования и материалов	1,6	3,5	7,7	13,6	19,2
Производство транспортного оборудования	8,0	9,6	9,7	9,9	9,5
Производство точных инструментов	0,8	1,2	1,7	1,8	1,6
Производство мебели	2,0	2,1	1,8	1,5	1,2
Прочие производства	3,6	3,8	4,1	4,8	4,5

Источник: Economic and Social Research Institute, Cabinet Office, Government of Japan.

Следующий этап наступил в начале 1980-х гг., с принятием в 1983 г. «Закона о временных мерах по структурному изменению отдельных отраслей промышленности», направленного на содействие развитию технологий в новых сферах и освобождению традиционных отраслей от неиспользуемых мощностей¹.

Как указывается в работе Мочизуки, в дальнейшем Япония реализовывала Стратегию создания двух групп новых отраслей промышленности, включающую 7 базовых направлений, основанных на применении нано-, био-, информационных и экологических технологий. В их числе:

- группа А —
- 1) топливные батареи,
- 2) бытовые информационные электроприборы,
- 3) роботы,
- 4) программное обеспечение (кинофильмы, анимация и компьютерные игры);

¹ Так, в результате проведения в жизнь этого закона (путем закрытия или интегрирования предприятий) годовой объем производства этилена в нефтехимической отрасли за 1983—1985 гг. снизился до 4,7 млн т, хотя ранее составлял 6,2 млн т.

— группа Б (новые направления индустриального развития в соответствии со вновь возникающими потребностями рынка) —

- 5) здоровье и благосостояние,
- 6) экологичные и энергосберегающие машины и услуги,
- 7) услуги по поддержке бизнеса.

Банк Японии до конца марта 2014 г. выделял специальные низкопроцентные кредиты для поддержки «растущих отраслей», таких как связанные с охраной окружающей среды, здравоохранение и освоение альтернативных источников энергии.

Проводимая японским правительством политика существенно изменила структуру национальной экономики. Данные таблицы 3 хорошо иллюстрируют смену различных этапов успешного развития страны. На фоне резкого снижения доли добывающих производств и последовательного повышения с 1960 г. доли сектора услуг выделяются 2 этапа в развитии вторичного сектора: первый (1955—1970 гг.) — индустриализация, с высокой нормой валового накопления (до 30%), и второй (1970—2010 гг.) — переход к экономике знаний, с постепенным

понижением нормы валового накопления (до 20 %) и доли обрабатывающих производств (динамика структуры которых приведена в табл. 2).

Таблица 3

Изменения в структуре промышленности Японии, % от ВВП

Год	Отрасли		
	первичные	вторичные	третичные
1955	19,2	33,7	47,0
1960	12,8	40,8	46,4
1965	9,5	40,1	50,3
1970	5,9	43,1	50,9
1975	5,3	38,8	55,9
1980	3,5	36,2	60,3
1985	3,0	34,9	62,0
1990	2,4	35,4	62,2
1995	1,8	30,4	67,8
2000	1,7	28,5	69,8
2005	1,2	25,8	73,0
2010	1,2	25,2	73,6

Источник: Statistics Bureau, MIC, Cabinet Office.

Опыт Японии является показательным примером того, как правильная промышленная политика дает возможность за сравнительно короткий временной отрезок значительно изменить отраслевую структуру экономики. И он не единственный.

В Республике Корея с начала 1960-х гг. более чем в 3 раза сократился удельный вес сельского хозяйства: с 37,0 % в 1962 г. до 10,8 в 1988 г. и 6,6 % в 1995 г. Доля сферы услуг, напротив, обнаруживала тенденцию к росту — с 46,7 % в 1962 г. до 56,9 в 1988 г. и 66,2 % в 1995 г. Но наибольшие сдвиги произошли в приросте промышленного производства: его удельный вес изменился особенно резко, прежде всего за счет обрабатывающей промышленности, доля которой в производстве ВВП увеличилась с 14,4 % в 1962 г. до 30,1 % в 1988 г.

Значительные изменения претерпела и область внедрения новых высокотехнологичных производств: их доля возросла за период 1970—2000 гг. более чем в 3,5 раза (табл. 4). При этом примерно в 3 раза снизилась доля низкотехнологичных производств. Суммарная доля высоко- и средне-высокотехнологичных производств увеличилась более чем в 2 раза, существенно изменив структуру экономики.

Таблица 4

Технологическая структура обрабатывающей промышленности Республики Корея, %

Производства	1970 г.	2000 г.
Всего	100	100
Высокотехнологичные	6,7	24,4
Средне-высокотехнологичные	19,0	26,8
Средне-низкотехнологичные	14,7	28,1
Низкотехнологичные	59,6	20,7

Источник: [2].

Кардинально трансформировалась структура экономики и в Сингапуре. В период догоняющего развития 1980—1990-х гг. в 2,5 раза (с 17 до 42 %) выросла доля электротехнической промышленности, в 3 раза — химической (табл. 5).

Таблица 5

Структура промышленного производства в Сингапуре, %

Виды экономической деятельности	1981 г.	1998 г.
Электронные продукты и компоненты	17,4	42,3
Химия и химические продукты	4,3	13,1
Транспортное оборудование	13,1	6,9

Продолжение таблицы 5

Виды экономической деятельности	1981 г.	1998 г.
Машины и оборудование	12,9	6,2
Готовые металлические изделия	4,9	5,9
Производство нефтепродуктов	18,2	5,1
Производство резиновой и пластмассовой продукции	2,2	2,6
Металлургия	1,5	0,4
Производство пищи, напитков и табака	5,2	2,9
Текстильное производство	1,3	0,2
Прочие производства	19,0	14,4

Источник: [3].

Впоследствии Сингапур, стремясь к совершенствованию технологической базы промышленности, сосредоточил внимание на развитии нескольких отраслей: так, за последние два десятилетия доля электронной промышленности в добавленной стоимости увеличилась с 18 % в 1993 г. до 48 % в 2010 г.

Существенными структурными сдвигами сопровождалось развитие *Китая* (табл. 6). Доля первичного сектора снизилась с 50 % ВВП в 1950-х гг. до 15 % в 2005 г., при этом доля вторичного сектора динамично росла, увеличившись с 20 % в 1950 г. до половины ВВП (50—53 %) в последние годы. Доля третичного сектора в китайской экономике довольно стабильна и колеблется около 25—35 %. Иными словами, структура экономики современного Китая во многом определяется продолжающимся в стране быстрым развитием промышленности, а также определенным ростом сферы услуг. При этом доля продукции высокотехнологичных отраслей в валовой промышленной продукции Китая достигла 21,4 % в 2003 г. по сравнению с 10,7 % в 1996 г.

Таблица 6

Структура экономики Китая, %

Год	Секторы		
	первичный	вторичный	третичный
1950	50,5	20,9	28,6
1960	23,4	44,5	32,1
1970	35,2	40,5	24,3
1980	30,1	48,5	21,4
1990	27,0	41,6	31,3
2000	16,4	50,2	33,4

Источники: расчеты авторов, [4].

В *Индии* в рамках первой пятилетки (1951—1956 гг.) создавалась инфраструктура для будущего развития промышленности: приоритетными отраслями были сельское хозяйство, ирригация, энергетика и транспорт. В рамках второй (1956—1961 гг.) таковыми стали отрасли тяжелой промышленности. В 90-х гг. наиважнейшим считалось привлечение прямых иностранных инвестиций в отрасли производственной инфраструктуры (энергетику, связь, порты), в машиностроение всех видов, химическую промышленность и фармацевтику. Поощрялось развитие отраслей, связанных с сельским хозяйством.

В *Таиланде* большая часть стимулируемых отраслей промышленности относится к общему машиностроению, автомобилестроению, электронике и сталелитейной промышленности. Четыре других вида экономической деятельности, являющиеся объектами стимулирования (их набор может со временем корректироваться), — сельское хозяйство и сельскохозяйственные продукты; проекты, непосредственно связанные с развитием технологий и человеческого ресурса; инфраструктура (сфера коммунальных услуг и базовые услуги) и охрана окружающей среды.

Бразилия еще в 1970-е гг. превратилась в индустриально-аграрную страну со значительным комплексом современных отраслей промышленности. Доля обрабатывающей промышленности в конце 1980-х гг. достигала 30 % ВВП. Ведущими ее отраслями стали нефтепереработка и химическая промышленность, различные отрасли машиностроения. Одна из наиболее крупных и хорошо оснащенных отраслей хозяйственного комплекса Бразилии — автомобильная промышленность: ее доля в ВВП страны вместе с тракторостроением и сельскохозяйственным машиностроением составила в 2006 г.

12 %. В структуре автомобилестроения преобладает производство легковых автомобилей, до 15 % которых экспортируется.

Приведенные примеры показывают, что в последние десятилетия значительные структурные сдвиги произошли как в экономике в целом, так и в промышленном производстве.

В таблице 7 приведены данные, характеризующие изменение структуры экономики основных промышленно развитых и ряда развивающихся стран в период 1970—2010 гг. в разрезе основных видов экономической деятельности.

Таблица 7

Структура ВВП по основным видам экономической деятельности, %

Виды экономической деятельности	1971—1975 гг.	1976—1980 гг.	1981—1985 гг.	1986—1990 гг.	1991—1995 гг.	1996—2000 гг.	2001—2005 гг.	2006—2010 гг.
США								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	3,4	2,8	2,2	1,9	1,7	1,3	1,0	1,0
Промышленность	27,9	28,3	27,3	23,7	21,8	19,6	16,8	16,4
в т. ч. обрабатывающие производства	23,3	22,6	20,1	18,8	17,5	16,3	13,8	12,8
Строительство	5,0	4,8	4,2	4,6	3,9	4,4	4,7	4,5
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	19,0	18,7	18,1	17,8	17,6	16,8	15,5	14,8
Транспорт, складское хозяйство и связь	7,2	7,1	6,9	6,6	6,6	6,4	6,0	5,7
Другие виды деятельности	37,5	38,2	41,3	45,4	48,3	51,5	55,9	57,6
Великобритания								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	2,8	2,4	1,9	1,8	1,8	1,3	0,9	0,7
Промышленность	33,7	33,6	33,4	29,6	25,8	23,7	18,5	16,1
в т. ч. обрабатывающие производства	29,0	26,2	24,0	23,2	20,8	19,2	14,6	11,9
Строительство	6,8	6,5	5,8	6,5	5,3	5,1	5,9	6,3

Виды экономической деятельности	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986— 1990 гг.	1991— 1995 гг.	1996— 2000 гг.	2001— 2005 гг.	2006— 2010 гг.
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	13,3	12,6	12,5	13,3	13,9	14,6	14,9	14,1
Транспорт, складское хозяйство и связь	8,4	7,5	6,7	7,7	7,9	7,8	7,5	7,0
Другие виды деятельности	35,1	37,4	39,6	41,1	45,4	47,6	52,3	55,8
Германия								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	3,2	2,8	2,2	1,7	1,3	1,3	1,1	0,9
Промышленность	36,3	34,5	32,6	32,2	27,4	25,0	24,8	24,8
в т. ч. обрабатывающие производства	32,1	30,5	28,6	28,6	24,6	22,5	22,6	21,9
Строительство	8,3	7,2	6,7	5,9	6,6	5,7	4,4	4,1
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	12,5	12,5	11,9	11,6	12,1	12,4	12,1	11,8
Транспорт, складское хозяйство и связь	6,1	6,1	5,8	5,6	5,8	5,5	5,7	5,7
Другие виды деятельности	33,6	36,9	40,9	42,9	46,8	50,1	51,8	52,8
Италия								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	7,7	6,5	5,2	4,0	3,4	3,1	2,5	2,0
Промышленность	30,0	31,2	28,5	26,8	24,6	24,1	21,7	20,4
в т. ч. обрабатывающие производства	27,7	29,2	26,2	24,3	21,9	21,4	19,3	17,8
Строительство	8,7	7,3	7,0	6,0	5,9	5,0	5,6	6,1
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	15,1	16,0	17,2	17,4	17,0	16,8	15,9	15,0
Транспорт, складское хозяйство и связь	5,8	6,4	6,8	6,9	6,9	7,2	7,7	7,3
Другие виды деятельности	32,7	32,6	35,2	38,9	42,2	43,8	46,5	49,2
Франция								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	6,9	5,3	4,6	3,9	3,3	3,1	2,6	2,0
Промышленность	26,3	25,3	23,6	20,9	18,8	18,1	16,0	13,6
в т. ч. обрабатывающие производства	24,3	23,3	21,1	18,7	16,7	16,2	14,2	11,8

Виды экономической деятельности	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986— 1990 гг.	1991— 1995 гг.	1996— 2000 гг.	2001— 2005 гг.	2006— 2010 гг.
Строительство	8,4	7,9	6,8	6,7	6,5	5,2	5,4	6,4
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	12,8	12,3	12,3	13,1	13,3	12,8	13,1	12,4
Транспорт, складское хозяйство и связь	6,5	6,3	6,6	6,5	6,3	6,1	6,4	6,4
Другие виды деятельности	39,1	43,0	46,0	48,9	51,8	54,5	56,6	59,1
Япония								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	5,8	4,8	3,3	2,7	2,1	1,8	1,6	1,4
Промышленность	35,6	32,0	30,3	29,1	26,6	24,5	22,8	21,7
в т. ч. обрабатывающие производства	33,0	29,0	27,0	26,0	23,8	21,8	20,2	19,6
Строительство	8,7	9,1	8,0	8,7	8,9	7,5	6,5	6,0
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	14,2	14,5	13,4	12,4	13,8	14,1	13,2	13,1
Транспорт, складское хозяйство и связь	6,8	7,0	6,4	6,6	6,7	6,7	6,6	6,4
Другие виды деятельности	28,9	32,6	38,6	40,6	41,9	45,4	49,3	51,5
Южная Корея								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	27,6	21,7	14,7	10,2	6,9	5,1	3,8	2,8
Промышленность	23,6	27,1	29,9	32,2	28,9	29,2	29,5	30,3
в т. ч. обрабатывающие производства	21,2	24,2	25,9	28,6	26,2	26,6	26,8	28,1
Строительство	4,3	6,6	7,1	7,5	10,6	8,8	7,6	7,1
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	19,2	16,5	15,5	15,8	14,1	12,8	12,8	12,2
Транспорт, складское хозяйство и связь	6,3	7,0	8,2	7,1	6,8	7,2	7,9	7,4
Другие виды деятельности	19,0	21,0	24,6	27,2	32,7	36,8	38,5	40,3
Гонконг								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	0,8	0,8	0,6	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1

Виды экономической деятельности	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986— 1990 гг.	1991— 1995 гг.	1996— 2000 гг.	2001— 2005 гг.	2006— 2010 гг.
Промышленность	21,9	22,0	22,4	20,4	11,8	7,9	6,6	4,6
в т. ч. обрабатывающие производства	20,1	20,2	19,9	17,7	9,5	5,1	3,4	2,1
Строительство	7,0	7,0	6,3	4,8	4,8	5,3	3,7	2,9
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	19,5	19,6	20,4	23,5	24,4	24,0	26,5	27,3
Транспорт, складское хозяйство и связь	8,3	8,3	8,8	10,0	10,4	10,4	11,5	10,1
Другие виды деятельности	42,4	42,4	41,5	41,0	48,4	52,2	51,6	55,0
Сингапур								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	2,3	1,8	1,2	0,5	0,2	0,1	0,1	0,0
Промышленность	23,2	26,8	25,0	27,7	27,1	25,9	27,7	24,6
в т. ч. обрабатывающие производства	20,8	24,6	22,9	25,3	25,3	24,0	25,7	23,0
Строительство	7,4	6,7	10,1	6,0	6,3	7,4	4,1	4,1
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	24,7	22,9	17,2	15,8	16,1	15,5	17,2	19,7
Транспорт, складское хозяйство и связь	14,7	14,9	13,9	14,5	13,9	13,4	14,3	13,1
Другие виды деятельности	27,7	26,9	32,5	35,6	36,3	37,7	36,6	38,5
Индонезия								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	35,8	27,3	21,6	20,3	16,0	15,8	14,7	14,4
Промышленность	24,0	31,2	32,7	32,2	34,3	38,3	38,8	38,5
в т. ч. обрабатывающие производства	10,5	12,0	15,4	21,0	25,0	28,4	28,3	26,7
Строительство	3,7	5,2	5,4	4,7	6,0	6,1	6,3	8,8
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	17,7	16,3	16,1	17,4	17,0	16,2	16,3	14,2
Транспорт, складское хозяйство и связь	4,1	4,3	5,1	6,0	6,5	5,3	5,7	6,5
Другие виды деятельности	14,7	15,7	19,0	19,5	20,1	18,3	18,1	17,6
Малайзия								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	28,9	25,4	16,5	18,3	13,4	10,5	8,6	9,7

Виды экономической деятельности	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986— 1990 гг.	1991— 1995 гг.	1996— 2000 гг.	2001— 2005 гг.	2006— 2010 гг.
Промышленность	26,6	33,2	36,6	35,0	33,7	37,2	42,6	42,9
в т. ч. обрабатывающие производства	16,3	19,8	20,5	21,1	24,5	27,2	28,9	26,5
Строительство	4,3	4,2	4,5	3,4	5,1	5,1	3,5	2,9
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	12,4	10,5	11,6	11,6	14,4	13,7	12,7	13,5
Транспорт, складское хозяйство и связь	5,2	5,1	6,1	6,4	6,8	7,0	7,0	6,5
Другие виды деятельности	22,6	21,5	24,7	25,2	26,6	26,5	25,7	24,6
Таиланд								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	26,1	24,6	18,7	15,8	11,5	9,6	9,9	11,4
Промышленность	21,3	23,4	25,8	28,8	31,9	36,0	40,1	41,4
в т. ч. обрабатывающие производства	18,8	20,7	22,2	24,6	28,0	31,4	34,2	35,1
Строительство	3,6	4,1	5,0	5,5	7,6	4,7	3,0	2,8
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	23,4	23,7	23,4	22,5	16,3	22,4	20,7	18,8
Транспорт, складское хозяйство и связь	5,4	5,2	6,4	7,9	8,3	7,8	7,8	7,1
Другие виды деятельности	20,1	18,9	20,7	19,5	24,4	19,5	18,4	18,5
Филиппины								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	26,9	24,5	20,9	20,2	18,8	15,7	13,0	12,7
Промышленность	32,0	31,5	31,7	31,9	30,1	28,3	29,2	27,2
в т. ч. обрабатывающие производства	28,5	27,8	26,8	26,9	25,7	24,0	24,4	22,4
Строительство	5,4	9,4	9,8	6,0	5,7	6,1	5,0	5,5
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	10,8	11,8	13,5	15,0	14,9	15,0	16,0	17,0
Транспорт, складское хозяйство и связь	3,8	4,4	5,2	5,3	5,4	5,4	7,4	7,1
Другие виды деятельности	21,1	18,5	18,9	21,5	25,0	29,5	29,4	30,4
Китай								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	33,4	30,4	31,7	26,0	21,0	17,5	13,3	10,6

Виды экономической деятельности	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.	1986— 1990 гг.	1991— 1995 гг.	1996— 2000 гг.	2001— 2005 гг.	2006— 2010 гг.
Промышленность	39,2	43,0	39,8	37,8	39,4	40,8	40,4	41,1
в т. ч. обрабатывающие производства	39,2	43,0	39,8	37,8	39,4	40,8	40,4	32,6
Строительство	3,9	4,1	4,3	4,8	5,6	5,9	5,5	6,0
Оптовая и розничная торгов- ля, рестораны и гостиницы	8,8	8,4	9,1	11,0	10,6	10,0	10,3	10,3
Транспорт, складское хозяй- ство и связь	3,8	3,7	3,9	5,2	6,3	5,6	6,0	5,3
Другие виды деятельности	10,9	10,4	11,1	15,3	17,3	20,2	24,5	26,7
Индия								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	41,8	36,8	33,9	30,4	28,9	25,7	20,5	18,1
Промышленность	17,1	19,5	21,2	21,9	21,8	21,2	20,3	19,8
в т. ч. обрабатывающие производства	14,8	16,3	16,3	16,8	16,6	16,2	15,4	15,4
Строительство	4,0	4,4	4,6	5,2	5,0	5,4	6,6	8,2
Оптовая и розничная торгов- ля, рестораны и гостиницы	9,4	10,8	12,2	12,5	12,9	14,0	15,6	16,6
Транспорт, складское хозяй- ство и связь	3,9	4,5	5,0	6,2	7,0	7,5	8,1	7,8
Другие виды деятельности	23,7	24,0	23,1	23,9	24,4	26,3	28,9	29,5
Бразилия								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	11,7	10,4	9,3	9,1	10,2	5,5	6,5	5,8
Промышленность	32,8	33,1	33,4	31,1	24,7	20,5	23,2	22,4
в т. ч. обрабатывающие производства	30,1	31,0	29,9	26,7	20,9	16,5	17,9	16,5
Строительство	5,9	6,8	6,1	7,0	6,8	5,8	5,1	4,9
Оптовая и розничная торгов- ля, рестораны и гостиницы	15,3	11,5	9,6	7,1	8,7	17,1	18,0	20,0
Транспорт, складское хозяй- ство и связь	3,3	4,7	4,9	4,6	5,1	6,2	8,5	8,7
Другие виды деятельности	30,9	33,4	36,7	41,2	44,5	44,9	38,7	38,1
Россия (в 1971—1990 гг. СССР)								
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство, рыболовство	14,2	12,5	13,6	16,3	9,2	7,1	6,0	4,4

Виды экономической деятельности	1971—1975 гг.	1976—1980 гг.	1981—1985 гг.	1986—1990 гг.	1991—1995 гг.	1996—2000 гг.	2001—2005 гг.	2006—2010 гг.
Промышленность	38,5	38,2	35,8	30,8	34,6	32,2	29,4	30,2
в т. ч. обрабатывающие производства	38,5	38,2	35,8	30,8	22,9	21,5	17,8	16,8
Строительство	8,1	8,0	7,6	9,1	8,7	7,5	6,0	5,8
Оптовая и розничная торговля, рестораны и гостиницы	8,7	11,0	13,2	11,7	21,3	21,4	22,2	20,4
Транспорт, складское хозяйство и связь	4,4	4,4	4,5	4,4	9,3	11,0	10,3	9,6
Другие виды деятельности	26,0	25,8	25,3	27,7	16,8	20,8	26,1	29,5

Источники: данные Статистического отдела ООН (<http://unstats.un.org>), расчеты авторов.

Примечание: *светлым курсивом* в таблице обозначено долговременное понижение доли отрасли в ВВП, *полужирным* — долговременное повышение доли отрасли в ВВП.

Как свидетельствуют данные таблицы 7, в *развитых странах* удельный вес отраслей финансов и услуг (другие виды деятельности) имел тенденцию к росту. Удельный вес в ВВП сельского хозяйства и промышленности (в том числе обрабатывающих производств) последовательно снижался, а таких секторов, как строительство, торговля и транспорт (за рядом исключений), — оставался практически неизменным. Стоит отметить некоторое повышение доли строительства в период с 1995 по 2010 г.

В *развивающихся странах* картина несколько иная: при почти повсеместном снижении доли сельского хозяйства остальные тенденции имели разнонаправленный по странам характер. Доля промышленного сектора (в том числе обрабатывающих производств) росла в Южной Корее, Китае, Индонезии, Малайзии и Таиланде, притом что в последнее время наметилась тенденция к снижению доли обрабатывающих производств в Китае, Индии и Индонезии. Рост доли сферы услуг отмечается в Корее, Сингапуре, Китае, Индии и на Филиппинах, строительства — в Китае, Индии и Индонезии, транспорта — в Гонконге, Индии, Бразилии

и на Филиппинах; повышение доли торговли было характерно для Гонконга, Филиппин, Индии и Бразилии, понижение — для Южной Кореи и Таиланда.

Таким образом, как в промышленно развитых, так и в развивающихся странах промышленность продолжает оставаться важнейшим элементом экономической структуры. В промышленно развитых странах — США, Великобритании, Германии, Японии и др. — относительное снижение удельного веса промышленности происходило при достижении высокого уровня технологичности производства и производительности труда. Во многих развивающихся странах наблюдается рост удельного веса промышленного производства при одновременном существенном изменении его структуры.

Анализ опыта стран, прошедших период значительных структурных трансформаций, и стоящих сегодня перед российской экономикой проблем позволяет сделать следующие выводы:

— при снижении во многих, прежде всего промышленно развитых, странах доли промышленности в структуре ВВП она продолжает оставаться ключевым элементом отраслевой структуры,

обеспечивающим развитие других отраслей экономики, во многом определяет темпы и качество экономического роста, обеспечивает национальную, в первую очередь экономическую, безопасность страны;

— успешная реализация экономической стратегии трансформации отраслевой структуры возможна только при проведении продуманной, целенаправленной и последовательной государственной промышленной политики, ориентированной на стимулирование инвестиций в высокотехнологичные, передовые промышленные отрасли и производства;

— основными целями государственной промышленной политики должны быть стимулирование ускоренного обновления, модернизации, повышение технико-технологического уровня действующих и создание новых мощностей; совершенствование структуры промышленного потенциала, увеличение доли современных, инновационных мощностей, структурные сдвиги в пользу производственных мощностей, создающих продукцию с высокой добавленной стоимостью;

— при проведении промышленной политики, учитывая ограниченность инвестиционных ресурсов и масштабность задач развития производственной базы промышленности, должна быть выстроена четкая система приоритетов, ориентированная на преимущественное стимулирование развития определенных отраслей и направлений;

— в первую очередь необходимо способствовать развитию промышленных отраслей, имеющих значительный потенциал роста конкурентоспособности, расширения сбыта своей продукции на внешних рынках, или производств, являющихся сегодня «узкими

местами» (недостаточное развитие которых тормозит прогресс смежных отраслей).

Структурные преобразования сегодня — необходимое условие успешного экономического развития России. Эффективная трансформация промышленного производства, повышение доли современных, высокотехнологичных отраслей, восстановление и развитие отечественного инвестиционного машиностроения возможны только на основе проведения согласованной макроэкономической и инвестиционной политики, предусматривающей активное участие государства в регулировании структурных сдвигов. Структурная модернизация производственного потенциала страны создаст надежную основу для динамичного и устойчивого развития.

Литература

1. **Мочизуки К.** Экономическая политика России и Японии: сравнительный анализ // Человек и труд. 2005. № 7. С. 76—80.
2. Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Рос. акад. наук, Ин-т Африки, Центр цивилизационных и региональных исследований; отв. ред.: Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 296 с.
3. **Mun Heng Toh, Wai Choong Ng.** Efficiency of Investments in Asian Economies: Has Singapore Over-Invested // Journal of Asian Economics. 2002. Vol. 13. Issue 1. P. 52—71.
4. **Holz C. A.** Measuring Chinese Productivity Growth, 1952—2005 // Social Science Research Network [Web source] / Social Science Electronic Publishing. 2006. July 22. URL: <http://ssrn.com/abstract=928568> (accessed: 14.09.2015).

Маршова Татьяна Николаевна — кандидат экономических наук, заведующая сектором ФБНУ «Институт макроэкономических исследований» (ИМЭИ) Минэкономразвития России. E-mail: Marshovat@yandex.ru

Истомин Вячеслав Иванович — старший научный сотрудник ФБНУ «ИМЭИ». E-mail: ivisky@rambler.ru

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЫТИЯ

УДК 17:57 + 398

Этика отношения к природе в эпосе и фольклоре Кавказа и современность

В. П. Романенко

Союз писателей РФ

Проблема отношений человека с окружающей природой обозначилась практически с началом развития цивилизации. Осознание необходимости бережного отношения к природе происходило крайне медленно через обожествление природы и ее объектов до первых устойчивых этических норм взаимодействия с окружающей средой. Автор делает попытку проследить этот процесс, определить, в какой мере эти нормы сохранились до нынешнего времени, и констатирует, что современная рыночная эпоха породила и рыночное отношение к природе, когда в деятельности человека доминируют идеи не природосбережения, а максимального извлечения прибыли, что неминуемо приведет к экологическим кризисам и катастрофам.

Ключевые слова: природа; экология; кавказский эпос; мифология; этика.

Когда мы говорим о проблемах отношений человека с миром природы, то чаще всего словом «природа» обозначаем часть окружающей нас естественной среды обитания. Но понятие это — глубоко философское, а в значении сущего в целом Космоса оно сыграло важнейшую роль в развитии философии, причем еще в эпоху античности.

Как известно, начиная с Сократа в философии зарождается линия понимания нравственности и добродетели как заложенных в самой природе и затем постигаемых естественным разумом человека. Этот взгляд позднее особенно последовательно развили стоики, для которых выражения «жить по природе», «жить в гармонии с природой» и «жить добродетельно, нравственно» были синонимами.

На ранних этапах развития цивилизации сознание людей было связано с образами языческих богов и сверхъестественных существ, предметами верований

и суеверий выступали практически все природные объекты — представители животного мира, родники и деревья, скалы и водопады. Предметы и явления природы обретали облик и свойства живых разумных существ, способных разговаривать, действовать и чувствовать подобно людям. Другими словами, происходило олицетворение отдельных явлений природы и ее материальных объектов, а их божественное происхождение не подлежало сомнению. Так, среди адыгов, например, существовало верование, согласно которому вода в реках и ручьях «засыпает», чтобы отдохнуть; живыми и священными существами считались также ветер и огонь. То же характерно и для верований карачаевцев, балкарцев и других кавказских этносов. По этой причине их нравственный кодекс запрещал осквернять каким-либо образом воду в естественных источниках, огонь костра, скалы, рубить

отдельно стоящие деревья и т. п. Творцы эпических произведений античных эпох также видели в силах природы добрых или разгневанных богов, что прослеживается в мифологии Древнего Египта, древних эллинов, кельтов, кавказских и других народов. В фольклоре кавказского Средневековья образы природных феноменов отождествлялись с персонажами сверхъестественных существ (эпос «Нарты», народные сказания и песни).

Если выразить отношение наших предков к природе одним словом, более всего, вероятно, подойдет термин «поклонение». Народы, населявшие Северный Кавказ, объединяет то, что такое отношение к отдельным элементам природы переносилось на весь ее мир в целом и представляло собой один из самых серьезных нравственных поведенческих аспектов жизни.

Однако отношения естественной природы и человека никогда не были идеальными, а противоречия между ними начали проявляться уже на ранних этапах развития цивилизации. Вспомним, что древние собиратели практически не знали земледелия, а сбор плодов и корней не мог полностью решить продовольственные проблемы, поэтому столь широкое распространение получила охота. Но совершенствование ее орудий и приемов нередко приводило к массовому истреблению наиболее крупных (и, как правило, самых беззащитных) животных, что вновь становилось причиной существенных проблем с питанием, своего рода экологических кризисов. По-видимому, уничтожение животных — исторически первая экологическая проблема, связанная с хозяйственной деятельностью человека. Масштабы их умерщвления на самом деле были поразительны: только на одной из стоянок среднего палеолита — в Ильской пещере в Прикубанье — обнаружены кости не менее чем 2400 зубров [1, с. 31].

Не случайно эта эпоха породила эпос о боге охоты Апсаты (Афсати) и безжалостном охотнике. Апсаты и другие подобные ему божества были символами умеренного потребления и бережного отношения к природе, хотя этот мотив впервые появился в эпической форме тысячелетия назад. Сравнительный анализ мифов и эпических источников разных народов показывает, что почти в каждом из древних эпосов существует сюжет о том, как некий охотник тем или иным образом обижает бога (богиню) охоты и несет за это наказание: так, в эллинском культурном наследии юноша Актеон, «нарушивший покой богини Дианы», был превращен ею в оленя и растерзан собственными собаками; в кавказском эпосе Великий охотник Бийнюгер случайно убил дочь бога Апсаты, за что тот сбросил его со скалы. И в том, и в другом случае главная функция божества охоты — следить за сохранением ареала животных, за соблюдением принципа умеренности. Таким образом, именно в мифологии впервые прозвучала тема сохранения природной среды. Необходимость соблюдения меры в использовании даров природы стала через мифологию строгим нравственным началом, за пренебрежение которым грозное божество могло покарать смертельным наказанием.

Таким образом, в древнейших текстах языческого периода запечатлен феномен экологического кодекса, выступавшего чрезвычайно действенным регулятором человеческого поведения в хрупкой среде социально-природного общежития, что свидетельствует о глубоко экологическом мировоззрении, внутренне присущем мифологии Северного Кавказа.

У народов, населяющих этот регион, философия восприятия природы гор была основана на диалектическом единстве духовного мира человека и мира окружающей его природы.

Природа и ее сокровища были всегда неразрывны с жизнью народов, а их значимость неизмеримо высока из-за ограниченности пригодных для жизни территорий и крайней уязвимости горных экосистем для неосторожного и неосмотрительного воздействия цивилизации.

К сожалению, экологические традиции, идущие из далеких эпических эпох, сегодня почти полностью утрачены. Так называемое рыночное общество породило не только рыночную экономику, но и рыночные психологию, культуру и отношение к природе. Сегодня ее в большинстве случаев рассматривают исключительно как источник всемерного обогащения.

Во имя извлечения прибыли еще быстрее вырубают леса, загрязняют реки, истощают фауну, а их восстановление объявляют нерентабельным — в памяти невольно всплывает образ чеховского вишневого сада, гибнущего под топором оборотистого предпринимателя.

Обогащение любой ценой стало не только делом больших финансовых групп. Отнюдь не украшает местность и деятельность коренного населения, которое, казалось бы, должно заботиться о красоте и чистоте среды обитания. В результате хаотической, бездумной застройки стихийно вырастают бесконечные ряды неряшливо сколоченных ветхих торговых сараев — всякого рода шашлычных и хычинных, где процесс приготовления пищи происходит с грубым нарушением технологий и норм, в антисанитарных условиях. В районе Софийских водопадов в летние месяцы не только открывают многочисленные заведения «кулинарной экзотики», но и устраивают дискотеки, из-за чего давно исчезли встречавшиеся на горной территории Архыз кавказские туры. Все это создает, мягко говоря, неприглядную картину, малопривлекательную для искушенного туриста, тем более зарубежного. В такие места люди едут

не за городским комфортом, а за чистой и красотой первозданной природы, которая здесь была и которой уже нет. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих ситуацию в Архызе.

Здесь по-прежнему идет вырубка леса. Когда одному из тех, кто этим занимается, задали вопрос: «Что же вы будете делать, когда лес закончится?» — он дал поразительный по цинизму ответ: «Камни будем продавать». Вот яркий результат «рыночного воспитания» экологического мышления.

Настоящим бедствием для мира природы некоторых регионов Северного Кавказа стал воистину хищнический, ничем и никем не ограниченный сбор грибов. Сегодня он перестал быть делом любителей-одиночек. В грибной период, например, в лесах Архыза можно видеть во многих местах, особенно в долине р. Псыш, по несколько стоящих в ряд автобусов, рядом с которыми дымят кострами импровизированные грибоварни явно коммерческого назначения. Это привело к заметному сокращению численности представителей некоторых видов фауны (белок, ежей и др.), для которых грибы являются важной составляющей запасаемого на зиму питания.

Альпийские луга всегда радовали многоцветьем, разнообразием видов флоры, многие из которых входят в Красную книгу. В районе Специальной астрофизической обсерватории РАН весной обычно расцветали шахматные рябчики, розовые примулы, многие виды горечавок — редкие растения, эндемики Северного Кавказа. Возросшие активность и частота экскурсий уже привели к тому, что эти цветы стало невозможно увидеть на прежних местах произрастания. Многие годы туристы увозят с собой сотни букетов, причем запреты и уговоры, как правило, не оказывают никакого воздействия. Для сравнения: в странах, находящихся

в альпийской зоне Европы, не только подобные «промыслы», но даже уничтожение одного (!) цветка влекут за собой штрафы в сотни евро, а иногда и арест.

В последнее время земельные участки, расположенные непосредственно на берегах рек (например, Большого Зеленчука), продают частным владельцам, которые сразу же возводят домики для приема туристов — без малейших признаков учета санитарных норм, систем водоочистки и канализации. В результате отходы сбрасываются в реку. Думают ли владельцы участков о том, как это повлияет на ее чистоту? Скорее всего, нет: главная их забота — только денежные доходы.

И конечно, самое большое бедствие, острейшая проблема для природы гор (и не только их) — повсеместное замусоривание территорий. Банки и полиэтиленовые пакеты, обрывки пластиковой упаковки и т. п. стали сплошным покрытием всех мест, доступных для посещения. Наибольшей популярностью среди всех видов отдыха на лоне природы пользуются не пешие прогулки с рюкзаками, не восхождение на перевалы, а то, что называют «шашлычно-водочный туризм». Там, где устраивают многолюдные обильные возлияния, как правило, остаются груды мусора и бутылок и прочие неприглядные следы. Все территории, где это происходит, являются фактически бесхозными, их состояние никто не контролирует, не осталось и организаций, которые бы этим занимались.

Нет, к сожалению, и вразумительной, серьезной общегосударственной программы воспитания в людях чувства ответственности по отношению к природе, понимания ее истинной красоты и гармонии.

Тема отношений человека и окружающей природы волновала и привлекала ученых и деятелей искусства и просто

неравнодушных людей всех эпох и поколений. Она стала средоточием как естественно-научных, так и экономических, политических, философских и нравственных проблем во всей их сложности и взаимосвязи.

Осознание неразрывного единства человека и Природы прошло уже довольно длительный путь эволюции — от обожествления природных явлений и феноменов через иллюзию возможности полного подчинения природы человеку и изменения ее основ к идее ноосферы академика В. И. Вернадского: «Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*. Лик планеты — биосфера — химически резко меняется человеком сознательно и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды. <...> Человек должен теперь принимать все большие и большие меры к тому, чтобы сохранить для будущих поколений никому не принадлежащие морские богатства» [2, с. 303].

Это было сказано в начале прошлого века.

Это абсолютно актуально и сегодня.

Литература

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / [А. П. Новосельцев и др.; редкол.: акад. Б. Б. Пиотровский (отв. ред.) и др.]; Акад. наук СССР и др. М.: Наука, 1988. 543 с.: ил., карты.
2. **Вернадский В. И.** Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / Отв. ред. А. А. Ярошевский. 2-е изд. М.: Наука, 1987. 340 с.

Романенко Владимир Петрович — кандидат технических и филологических наук, член Союза писателей РФ.
E-mail: rmko.vl@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 111.1(091)

Проблема единства бытия у досократиков: античность и современность

Н. П. Кнэхт

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Анализируются пути решения основного мировоззренческого вопроса представителями досократовской античной философии. Рассматриваются три подхода к решению проблемы первоначала всего сущего: вещественно-субстратный (подразделяемый на моно- и поливещественный), вещественно-динамический и функционально-номологический. Оценивается вклад виднейших представителей каждого направления, принадлежавших к различным школам древнегреческой философии (ионийской, элейской, пифагорейской и школы Гераклита), в развитие наук в последующие века.

Ключевые слова: единство бытия; античная философия; архэ; досократики; вещественно-субстратный подход; вещественно-динамический подход; функционально-номологический подход.

Неустранимость сцепленности не только вещей, но и сюжетов по поводу них непреложна для любого наблюдателя и с очевидностью раскрывается в универсальной связности любой предметности. Для того чтобы ее осмыслить, надо как-то ее обозначить, выразить в понятии. В традиционной философской терминологии «подобного рода эффекты было принято называть единством или миром, точнее — единством мира» [1, с. 9]. Однако «сама идея о том, что может быть проблемой, есть исторический акт, историческое событие» [2, с. 13], т. е. идея эта далеко не тривиальна.

Здесь мы неизбежно сталкиваемся с неопределенностью, связанной с семантикой слов *единство*, *мир*, *бытие*: они полисемантичны, и каждое из них очевидно можно понимать по-разному. Слово *мир*, например, означает и отсутствие войны, и мирское (светское),

и социум («на миру и смерть красна», «и в мир, и в пир»), и, наконец, всё существующее. Вначале единство отождествлялось, срачивалось с тотальностью как монолитной единственностью мира: «Тотальность — это хранящая себя реальность единого. <...> Тотальное, в свою очередь, было понято как тождественное. Но тотальность сохраняет свое единство как в едином, так и в различном, как в себе, так и в ином. Сохраненное единство запрещает нам кошку называть сегодня кошкой, а завтра — собакой. Почему? Потому что есть тотальность, т. е. то, что срабатывает в нас вместо нас. И это “что” можно назвать формой, космосом или культурой. Тотальное подчиняет форме бесформенное» [3, с. 102—103].

В наше время предельно актуализируются попытки разглядеть единство, скрывающееся за современным разнообразием. Они сопряжены

© Кнэхт Н. П.

с необходимостью возвращения к традиционным проблемам и решениям (даже кажущимся на первый взгляд наивными) и соотнесения их с новейшими более изощренными философскими стратегиями.

Вначале сосредоточимся на самой проблеме. Понимание мира как такое явно или неявно предполагает его единство. Оно задается и формируется осмыслением многочисленных эффектов целостности и взаимозависимости различных процессов и явлений, обнаруживающихся в разнообразной теоретической и практической деятельности современного человека. Это и вопросы цивилизационно-биосферной экологии, и проблемы всеобщего, универсального единства мега-, микро- и макромиров, и поиск синтеза внутри локальных культур и цивилизаций на основе соотнесения с общечеловеческими ценностями и социокультурными универсалиями. Культуролог-антропософ К. А. Свасьян утверждает: «...принцип познавательной растяжимости *каждой* вещи охватывает мир в целом (*“Понять один цветок, — говорит Теннесси, — значит понять весь мир”*)», и в этом отношении сверхчувственное созерцание точки, равной кругу, выглядит не интуитивным озарением привилегированного ума, а *общим местом*» [4, с. 132—133].

Проблема единства мира влечет за собой цепочку вопросов об устройстве, происхождении, функционировании и развитии. Определенная целостность мировоззренческого горизонта (исторический тип мировоззрения) в каждую эпоху задает стереотипы, нормы и способы познания, понимания и объяснения, в рамках которых складывается цельная картина мира. Многообразие систем представлений о реальности, в которых проблема единства мира предстает в различных видах, формах и концептуальных подходах, на протяжении всей истории

философии закреплялось в ключевых концептах: бытие, субстанция, материя, время, благо, текст, власть, экзистенция, воля, идея, сущее, представление, знание, структура и т. д. Анализируя их, В. Ю. Кузнецов отмечает: «И классическое исследование явленного, и неклассическое моделирование вариативного, и постнеклассическое проектирование должного, и постнеонеклассическое деконструирование вынуждены, тем не менее, вращаться вокруг проблемы мира и постоянно возвращаться к вопросу о его единстве» [1, с. 16].

И древнейшие мудрецы, и наиболее глубокие мыслители позднейших времен полагали неизбывное единство мира и всей человеческой культуры в целом. Лампы разные, но свет один, возвещали мистики. Или, по утверждению современных физиков, все источники фотонов во Вселенной могут рассматриваться как один, с определенным пространственным распределением.

О трудах философов, живших до Платона (ранее 430 г. до н. э.), ученые вынуждены судить по «фрагментам», содержащимся в сочинениях более поздних авторов — доксографов (термин немецкого филолога Г. Дильса).

В одном из вариантов древнегреческой мифологии, а именно в «Теогонии» Гесиода, задается от автора непростой и далекий от непосредственных практических интересов вопрос: «Что прежде всего зародилось?» Отвечая на него, сверхъестественные существа — музы рисуют грандиозную панораму космогонии мира, но не в природном (натуралистическом) ключе, а в мифологическом, т. е. разворачивают различные фазы рождения и развития мира как смену поколений богов. Природная проблематика единства мира в мифологии носит биоморфный характер: процесс зарождения мироздания представлен по модели сексуально-брачных отношений в человеческом обществе.

Антропоморфизм — перенос качеств и свойств человека и его отношений на природные реалии и на космос в целом — характерен для ранних стадий развития общества. Первый шаг к философскому осмыслению единства мира — постановка основного вопроса мировоззрения: «Из чего всё возникло и во что превращается всё после разрушения конкретных вещей?», с которого начинается рационализация мифологии. Он философский по сути и имеет не только мифологические корни. Его возникновению могли способствовать некоторые явления общественно-политической жизни, например, товарно-денежные отношения. Действительно, деньги — универсальный эквивалент вещей: в них как бы содержится весь мир товаров, а в товарах, в скрытом виде, — деньги. Ассоциативное мышление способно перевести соотношение *деньги — товар* в более общую плоскость: *начало природы — мир вещей*, а последнее и есть выражение рассматриваемой философы «Из чего всё возникло...». Другим импульсом к постановке проблемы в общем виде послужила предметно-практическая деятельность. Из практики разнообразных ремесел можно увидеть, что основное значение в ней имеет материал, физическая основа будущих вещей: в плотницком искусстве — дерево, у каменотеса — камень, в гончарном ремесле — глина. В политико-правовой области также можно увидеть объединяющее первоначало, первопринцип или закон, которому подчинялись все граждане античного города-полиса. Единый закон является универсальным объективным измерителем поступков граждан при их свободном волеизъявлении и проявлении их частных интересов. Интересно, что даже заимствованный древними греками финикийский алфавит (фонетическое письмо) способствовал формулированию философы о первоначале: как текст состоит из предложений,

предложение из слов, а слово из букв, так и в основании многообразия лежит единая первооснова, «постоянный элемент». То, что остается постоянным при изменении и является источником единства в разнообразии, и есть «строительный блок» Вселенной, «первоначало», «первооснова», из которой сделан мир; или — в терминах древнегреческой философии — *αρχή*. Проблема архэ пронизывает всю досократовскую философию, под ее эгидой возникли первые натурфилософские школы, на вопрос «из чего состоит всё?» давшие ответ в форме: «Всё есть нечто». Это «нечто», или архэ, понималось по-разному в рамках следующих подходов к решению основополагающей проблемы:

- 1) вещественно-субстанционального, или вещественно-субстратного;
- 2) вещественно-динамического;
- 3) функционально-номологического.

Вещественно-субстратный подход можно подразделить на моно- и поливещественный (в основании лежит соответственно одно первовещество или два и более). Моновещественный подход развивали представители Милетской школы: Фалес, Анаксимандр и Анаксимен. Фалес в качестве архэ выбрал «воду», точнее, влажное первовещество. Фалесова «вода» больше, чем обыкновенная: говоря о воде конкретной, он понимал под ней материальный субстрат мироздания. Этот добавочный смысл вынуждал его заключать воду-архэ в кавычки. Философские категории еще не были выработаны, поэтому Фалес выражал свою мысль иносказательно и метафорично. Обосновывая свои аргументы, он опирался на наблюдение, на опыт, поэтому его можно назвать естествоиспытателем, физиком, или «фюсиологом», но поскольку он задавался и вопросами относительно природы как целого, его можно считать первым философом. Попробуем

реконструировать логику рассуждений Фалеса, опираясь на сведения доксографов. Во-первых, некоторое влияние могли оказать рудименты мифологического мышления. Действительно, одним из прародителей мира у Гомера назван бог Океан, который полноводной рекой опоясывает Землю и питает не только земные потоки, но и Стикс в подземном царстве. Процесс демифологизации и деантропологизации, начавшийся еще в творчестве Гомера, окончательно завершается у Фалеса: его «вода» уже безлична. Во-вторых, как отмечал Аристотель в «Метафизике», Фалес знал о выдающейся роли воды в жизни живых существ. В-третьих, процессы рождения, жизни и смерти продолжаются и конца им не видно, следовательно, источник вещей должен занимать в мире доминирующее в количественном отношении место — а во время морских путешествий Фалес увидел, что воды в окружающем мире колоссально много. В-четвертых, первоначально должно быть подвижным, пластичным, гибким, чтобы объяснить способность мира к изменениям. Вода часто находится в движении: в реках, водопадах, дожде; она превращается в пар и лед; многие вещества (подобно соли и меду) растворяются в ней. В жидком состоянии вода пластична и легко может принимать форму сосуда или емкости, в которые ее поместили. Кроме того, вода качественно нейтральна, не имеет цвета и запаха, а это очень важно при выборе претендента на роль первоначала для качественно разнообразных вещей. Конечно, Фалес мыслил ассоциативно, переосмысливая конкретные свойства воды и возводя их в ранг неотъемлемых свойств (атрибутов) своего материального архэ, не пренебрегая при этом мифологической традицией. Он дал косвенный ответ и на другой фундаментальный вопрос — о том, каким образом происходят изменения: первооснова («вода») преобразуется из одного

состояния в другое. Движение он объяснял антропоморфно: поскольку человек движется благодаря воле и усилиям души, то и другие движущиеся предметы имеют собственную душу (например, магнит, так как он притягивает железо). Фалес не различал силу и вещество. Для него природа (φύσις) была самодовлеющей («живущей»). В этом оживотворении (гилозоизм) и одушевлении (анимизм) всей природы, всего космоса («Космос дышит, потому что он живой») можно увидеть не только проявление мифопоэтического мышления древних, но и стихийно материалистическое признание принципа самодвижения: душа предмета существует постольку, поскольку существует сам предмет. Дух и вещество неразъединимы. Вода не является чем-то мистическим, она осязаема и знакома и полностью доступна нам — так же, как и ее поведение. Следовательно, всё в природе постижимо человеческим мышлением и нет в ней места для непознаваемых богов и духов. Именно с этого утверждения начинается процесс интеллектуального завоевания природы человеком, постепенный переход от «мышления в рамках мифа» к «мышлению в рамках логоса», поэтому Фалеса можно считать первым ученым.

Оригинально решив проблему первоначала, Фалес не смог избежать противоречий. Действительно, «вода», несмотря на то, что прозрачна, бесцветна и безвкусна, т. е. нейтральна, есть все же определенное, ограниченное по набору качеств вещество, и крайне затруднительно объяснить, как именно из него получается бесконечный многокачественный окружающий мир. Фалес лишь декларативно заявил о переходе «воды» в объекты и обратно, но ничего не сказал о природе и механизме этих переходов. Кроме этого, возникла насущная необходимость в выработке философских терминов, особенно для обозначения

субстанции вещей. Этот круг проблем составил своеобразное философское завещание милетского мыслителя.

Преемником философской и научной традиции Фалеса стал его ученик Анаксимандр. Как считают доксографы, именно он ввел в обращение термин «архэ», заимствовав это слово из политико-юридической области (где оно означает «начало», «правительство», «власть») и переосмыслив до философской категории. В понимании архэ Анаксимандр продолжил линию Фалеса: это вещественное первоначало мира — одно, а не несколько (в соответствии с моновещественным подходом). Однако в определении свойств первоосновы ученик превзошел учителя, сделав дерзкое предположение: вещественное первоначало имплицитно содержит в себе бесконечно много качеств, из-за чего становится в сущности бескачественным, и называется «апейрон» (ἀπειρον) — т. е. неопределенный, беспредельный (в пространстве и времени). Раскрыл Анаксимандр и механизм перехода, или выделения из апейрона конкретных и вещей и их обратной трансформации, выявив источник вечного изменения — борьбу противоположных тенденций: «теплого и холодного», «влажного и сухого». Он выстроил грандиозную картину генезиса и развития мироздания вплоть до появления человека: находясь в постоянном вращательном движении, из апейрона, попарно соединяясь, выделяются четыре первостихии — стойхейоны (στοιχεῖον): холодное и влажное рождает воду, холодное и сухое — землю, теплое и влажное — воздух, теплое и сухое — огонь. Эти первостихии и становятся затем непосредственным материалом для образования всех вещей мира по естественным законам — но пока этого не произошло, они начинают концентрироваться по массе в сферические образования. В центре мира — земля (как самое тяжелое),

ее облегает водяная оболочка, за ней следуют воздушная и огненная. Антимифологичность космогонии Анаксимандра несомненна: апейрон, хотя и божественен, но вещественен и естественен. Структура Вселенной сферична, тогда как в мифологии она вертикальна (на самом верху — олимпийские боги, обитающие в светлом эфире; ниже — область атмосферных явлений (туч, гроз и т. п.); под ней — поверхность Земли, населенная людьми, растениями и животными; еще ниже — царство мертвых (Аид) и в самом низу — Тартар). Повышенная симметричность Вселенной, развертывание ее циклов во времени и упорядоченность в пространстве привели Анаксимандра к представлениям о мире как о Космосе. Это еще один новый термин, также взятый из области общественно-политической жизни (где он означал «порядок», а в военном деле — «боевой порядок», «четкий строй войска», причем с эстетическим оттенком) и переосмысленный для выражения упорядоченности, соразмерности природы. Итак, Анаксимандру удалось продвинуться в решении проблемы архэ. Однако созданная им абстракция вещественности, по мнению ионийских «фюсиологов» (естествоиспытателей), привела к противоречию: в отличие от воды апейрон не является наблюдаемым. Следовательно, с помощью него, не воспринимаемого чувственно, неправомерно объяснять чувственно воспринимаемое (объекты и происходящие в них изменения). Эту непростую задачу предстояло разрешить Анаксимену из Милета.

Продолжая материалистическую и монистическую традицию своих учителей, Анаксимен в поисках своего архэ попытался использовать преимущества как фалесовой «воды» (чувственная данность), так и анаксимандрова апейрона (бескачественность, точнее многокачественность), которые позволяли удовлетворительно решить проблему

образования вещей согласно принципу «из ничего ничто и не возникает». В качестве архэ он выбрал «воздух» — бесспорно, более нейтральный, чем «вода» и невесомый, но в отличие от апейрона чувственно воспринимаемый — как дыхание, дуновение, прикосновение. Представил Анаксимен и более конкретные рассуждения по поводу механизма генезиса и трансформации вещей из архэ и обратно. Весь мир, согласно его учению, рождается в результате двух противоположных физических процессов: «разрежения» (связанного с нагреванием) и «сгущения» (с охлаждением) архэ, или «воздуха». Разрежаясь, последний становится сначала огнем, затем — эфиром (им, по Анаксимену, заполнено мировое пространство). Сгущаясь, «воздух» последовательно превращается в ветер, облака, воду, землю и, наконец, камни. Интересно, что термин «сгущение» Анаксимен заимствовал из практики производства шерстяных тканей, где он означал «валяние шерсти». Сочинения Анаксимена обнаруживают усиление демифологизации: если апейрон Анаксимандра божественен, то «воздух» Анаксимена — природное явление. Правда, богов Анаксимен не отрицал, но считал не самостоятельными сверхъестественными существами, а созданиями из «воздуха». Кроме этого, как сообщают доксографы, стиль сочинений Анаксимена по сравнению с таковым в трудах предшественников стал значительно проще, суше и безыскусственнее, что отражает становление научного и философского языка. Однако решение проблемы перехода от архэ к вещам и обратно, предложенное милетским философом, оказалось неубедительным для возможных последователей, так как все же оставалось спекулятивным. К тому же, из одного только «воздуха» путем сгущения и разрежения ничего не получить, кроме того же воздуха.

Наряду с Милетом центром древнегреческой философии стал сицилийский город Акрагант (Агригент), где родился и жил легендарный врач, жрец и государственный деятель Эмпедокл. Акрагантский философ творчески продолжил вещественно-субстратную линию поисков архэ мироздания. Он соглашался с философским кредо ионийцев «всё есть одно, а одно есть всё», но не принимал изменчивости самого первоначала — архэ¹. Исходным положением для своей системы Эмпедокл избрал известный тезис элеатов: «Бытие есть, Небытия нет». Однако, оставив его неизменным, было бы трудно представить образование многокачественного мира вещей из бескачественной вещественности «бытия по истине». Сицилийский мыслитель, основываясь на опыте ионийцев (Фалеса, Анаксимандра и Анаксимена), коренным образом преобразовал субстрат бытия элеатов, желая, с одной стороны, приблизить свое плюралистическое архэ к идеалу вечности (неизменности) их «бытия по истине», с другой — придать своим элементам свойства, близкие соответствующим архэ у ионийцев. Так, следуя поливещественному подходу, Эмпедокл сделал бытие элеатов качественно определенным и «расколол» на четыре не превращающиеся друг в друга природные стихии: огонь, воздух, воду и землю, впоследствии получившие названия стихий-элементов (стойхейонов). Во-первых, элементы самоактивны, во-вторых, их внутренняя динамика ассоциируется с божественной сущностью: огонь — с Зевсом, воздух — с Герой, земля — с Адонеем, вода — с сицилийским божеством воды Нестисом. В-третьих, природа «корней вещей» (так называл

¹ Эмпедокл находился под влиянием учения Парменида Элейского об истинном бытии. Парменид блистательно логически доказал, что архэ мира — истинное бытие — изменяться не может: в противном случае оно могло бы перейти только в свою противоположность — небытие, которого, по логике элеатов, не существует.

свои элементы сам Эмпедокл) состоит из овеществленных качеств сухого, влажного, теплого и холодного. Подобное «отелеснивание» качеств, столь характерное для досократических философов, сегодня называют квалитативизмом². Оригинальная интерпретация архэ у Эмпедокла органично сочеталась с весьма древней традицией³.

По Эмпедоклу, возможность генезиса вещей и их деструкции не заложена в четырех элементах, а вынесена вовне и проистекает из взаимодействия двух противоположных сил: Филии (любви, гармонии, дружбы) и Нейкоса (вражды, ненависти, гнева). Обе эти силы представлены в духе квалитативизма, т. е. не как чисто психические: первую олицетворяет Афродита — богиня любви, вторую — Арес, бог войны. Филия соединяет все стихии-элементы, тщательно перемешивая их так, что образуется колоссальный монолит бескачественного бытия, гомогенный однородный шар — Сфайрос. Он есть выражение предельной власти Филии, тогда как Нейкос ютится где-то на периферии мироздания. Божественный Сфайрос, по мнению Эмпедокла, и есть максимально возможное приближение к идеалу

элейского «бытия по истине»⁴. Однако со временем Нейкос начинает наступать на Сфайрос — Филия сдает свои позиции, элементы обособляются, в результате чего появляется наш мир. Итак, в результате противоборствующей деятельности Филии и Нейкоса четыре первостихии-первозлемента смешиваются, но не хаотично, а по вполне определенной целочисленной пропорции⁵. Эта идея Эмпедокла вела к более удачному, чем у ионийцев, решению проблемы бесконечного качественного разнообразия мира. Действительно, если бы отсутствовала идея пропорционального смешения, то теоретически можно было бы получить ограниченный набор сложных веществ (всего 15 возможных комбинаций). Если же допустить, что элементы не только комбинируются, но и пропорционально смешиваются, количество возможных сложных веществ возрастает до бесконечности.

Итак, переход от моносубстанциональной основы к полисубстанциональной путем увеличения числа первоначал до четырех, каждое из которых не сводимо к другим, не исчерпал своих возможностей⁶, хотя идея их пропорционального смешения оказалась не лишена серьезного недостатка — умозрительности

² Квалитативизм — характеристика особого типа знания (имеющего предпосылки в мифологическом мышлении), отличительной чертой которого выступает отсутствие редукции чувственно воспринимаемых качеств явлений обыденного опыта к механо-структурным и количественно определяемым факторам.

³ Учение о четырех стихиях — земли, воды, воздуха и огня — как конкретно-чувственных воплощениях абстрактных агрегатных состояний вещества (твердое, жидкое, воздушное (газообразное) и особо тонкое (огненное)) было известно древним мудрецам уже в VII — V вв. до н. э. Его адептами были орфики, чье религиозное-мистическое движение начало распространяться в Древней Греции в VII — VI вв. до н. э. Классическое изложение этого учения можно найти у Ферекида Сиротского, архаическое — у поэта Эпихарма, а впоследствии в измененном виде оно вошло в качественную физику Аристотеля.

⁴ Вот как Эмпедокл описывает Сфайрос:
«Ибо не имеет оно человеческой головы,
украшающей тело;
И из спины не выходят две руки,
У него нет ни ног, ни быстрых колен...
Он только ум, священный и беспредельный,
Обегающий быстрой мыслью
весь мир» [5, с. 126—127].

⁵ Эмпедокл даже изложил в своем сочинении «О природе» эти количественные рецепты: например, если две части воды смешать с одной частью земли и одной частью огня, образуются нервы; если все четыре стихии-элементы перемешать в одинаковой пропорции, возникнет кровь; если две части воды смешать с двумя частями земли и четырьмя частями огня, получатся белые кости и т. п.

⁶ В древнекитайской философии эта четверка первоначал (огонь, воздух, вода и земля) варьировалась: иногда к ним еще добавлялись либо «дерево», либо «металл».

(спекулятивности). При этом очевидно: если постепенно увеличивать число первоначал, но с условием, что оно останется конечным, то трудности, с которыми столкнулся Эмпедокл, возникнут снова.

Следующий шаг к решению проблемы архэ сделал Анаксагор, уроженец ионийского полиса Клазомены. Аристотель сообщает о нем, что тот был старше Эмпедокла по возрасту, но моложе по делам. В центре внимания Анаксагора как философа находилась проблема качественного превращения вещей. Каким образом, спрашивал он, «из не-волоса мог возникнуть волос и мясо из не-мяса?» [6, с. 55]. И давал беспрецедентный и парадоксальный (для традиционного мышления античного человека) ответ: нужно двигаться в направлении не аддитивного увеличения числа первоначал (это путь в никуда, в неопределенность), а их дробления. Анаксагор развил поливещественный подход Эмпедокла, полагая «неопределенное множество» начал. Но они есть не вода или золото в своей массовидности, а мельчайшие, невидимые, сверхчувственные частицы огня, воды, золота, крови, древесины и т. д., которые сам Анаксагор называл «семенами всех вещей», Аристотель же — гомеомериями (ομοιομερεια), т. е. «подобочастными». Каждый вид гомеомерий сохраняет все качества соответствующего вида тел. Гомеомерии бесконечно делимы, ибо, сколько бы мы ни дробили бытие, в небытие его превратить нельзя. Поэтому «...у малого нет наименьшего, но всегда еще меньшее» [6, с. 57]. Симпликий передает и такую формулировку Анаксагора: «...во всём есть часть всего» [6, с. 58]. Каждая вещь содержит в себе семена всех вещей, но ее свойства определяются качествами преобладающих в ней гомеомерий. Качественное превращение вещи состоит в смене большинства содержащихся в ней семян вещей. Принцип «всё во всём» действует и вглубь.

Любая гомеомерия неоднородна. Она есть множество, так как содержит в себе семена всех вещей, но более малого порядка. Как сообщает Симпликий, «каждая гомеомерия, подобно целому, заключает в себе все существующее, и [сущее] не просто бесконечно, но бесконечно бесконечно» (цит. по: [7, с. 175]). Более того, Анаксагор полагал, что вещь, состоящая из частей, и велика, и мала, так что нет ни наибольшего, ни наименьшего. Положение об относительности большого и малого — это, несомненно, прорыв в мышлении, хотя для большинства древних греков, и прежде всего для Зенона Элейского, было очевидно невозможным допущение существования множества (бесконечности в степени бесконечности).

Забегая вперед, заметим, что в 70-е гг. XX в., после лавины открытий в области микромира (новые частицы, свойства, эталоны), ученые столкнулись с решением концептуальных проблем. Оказалось, что для понимания свойств микромира следовало рассматривать связи не только на этом уровне, но и в единстве со свойствами мегамира — и наоборот⁷. Кроме этого, необходимо было переосмыслить понятие элементарности. Сегодня открытие новых уровней делимости вещества кажется естественным. Однако остается открытым отнюдь не тривиальный вопрос: существует ли все-таки предел делимости, подлинно неделимый «атом» (как бы он ни назывался) — или деление продолжается бесконечно? Если первое, то какова гарантия, что это действительно предел? Если же предположить бесконечную делимость по «принципу матрешки», то возникнет противоречие: в бесконечно малые «матрешки» заложено бесконечное количество «еще более (бесконечно малых)» «матрешек». Однако такое невозможно даже

⁷ Есть даже стройная теория [8], согласно которой, свойства частиц были заложены в условиях начальной стадии расширения Вселенной.

с формально-математической точки зрения⁸. Заслуга Анаксагора — в гениальном переосмыслении понятий сложности и простоты, целого и части, в преодолении редукционизма (сведения свойств сложных объектов к простым свойствам составляющих их частей). Опережая свое время, он завещал нам новое понимание сложности, объединяющее, выражаясь современным языком, дискретность и непрерывность, системность и структурность⁹. Частица в таком случае не «состоит из...» (как матрица), а «образована из...». По мнению современных ученых (см., напр., [9, с. 170]), подобные частицы могут содержать в себе своеобразные вселенные, а вселенные могут взаимодействовать как элементарные частицы.

Сочинение Анаксагора «О природе» начинается словами: «Вместе все вещи были...», т. е. в смешанном, хаотическом состоянии. Гомеомерии, играющие роль материи, пассивны, и для того чтобы первоначальный хаос структурировался в космос, Анаксагор вводит активное творческое начало — Нус: мировой ум, не только движущий миром, но и познающий его. Анаксагор «утверждает, что из всего сущего только ум прост, несмешан и чист» [10, с. 378] — однако все-таки пытается «многое» объяснить естественными причинами, полагая, что «многое» образуется само (без действия Нуса). Аристотель замечает, что Анаксагор пользовался умом лишь тогда, когда не знал причины чего-либо, что ум в его концепции играл роль «бога из машины» [7, с. 176].

В глазах современников решение проблемы архэ, предложенное Анаксагором, было парадоксальным и не укладывалось в рамки конкретно-практического здравого смысла. Кроме этого, Анаксагор, утверждая вещественность гомеомерий, не мог их наглядно предъявить. Однако примененный им поливещественный подход получил развитие в учении двух философов из города Абдеры — Левкиппа (о жизни и сочинениях мало что известно) и Демокрита: они как бы ограничили гомеомерии «снизу», т. е. установили предел их делимости, назвав эти далее неделимые частицы «атомами» (по-гречески ατομος — неделимый), но признали существование бесконечного числа форм атомов, полагая, что в противном случае невозможно было бы объяснить неисчерпаемое разнообразие явлений и их противоположность друг другу. Атом — это неделимая, совершенно плотная, непроницаемая, не содержащая в себе никакой пустоты, однородная (словно «сделанная» из одного бескачественного вещества) и вследствие своей малости не воспринимаемая чувствами самостоятельная частица. Атом вечен, неизменен, тождествен самому себе, внутри него не происходит никаких движений, он не имеет частей и т. п.¹⁰ Это только внутренние свойства атома; есть еще и внешние — прежде всего определенная форма: атомы бывают шарообразными, угловатыми, крючкообразными, якоревыми (веретенообразными), вогнутыми, выпуклыми и т. п. (см.: [11, с. 259]); они также отличаются порядком и положением¹¹.

⁸ Один из создателей квантовой механики В. Гейзенберг считал неизбежными принципиально иные подходы к исследованию структурных уровней материального мира (вещества), основанные не на поиске новых ступеней делимости, а на выявлении новых форм и уровней внутренних связей для объяснения целостных свойств.

⁹ Так, концепция кварков допускает, что пространственно они занимают больше места, чем образованные ими частицы адроны.

¹⁰ Атомисты следовали учению элеатов о Бытии, стремясь достигнуть более глубокого понимания мира, основанного не только на показаниях чувств, и рационально приписывали атомам свойства, которыми элеаты наделили свое Бытие.

¹¹ Аристотель сообщает, что, по мнению атомистов, атомы отличаются между собой только «рисмосом» — внешней формой, «диатигой» — порядком и «тропой» — положением (поворотом).

Как справедливо замечает А. Н. Чанышев, порядок и расположение атомов — причина разнообразия не столько их самих, сколько их соединений, и в этом нельзя не усмотреть прообраз молекулярного соединения [7, с. 181]. Каждый атом объят пустотой (небытием), которая разделяет атомы (бытие), иначе они бы слились¹². Помимо внешней формы, порядка, положения и величины атомы обладают подвижностью. Они парят в пустоте подобно пылинкам, видимым в солнечном свете. Свободно перемещаясь, атомы сталкиваются и изменяют направление своего движения. Возникновение и уничтожение вещей атомисты объясняли сложением («сплетением») и разделением атомов, преобразование вещей — изменением порядка и положения (поворота) неделимых частиц. Живое отличается от неживого степенью концентрации в нем теплоты, в человеке же она наибольшая: в нас есть не только тепло, но и огонь. Но разница между теплотой и огнем количественная: основа у них одна — особые малые, круглые, «скользкие», подвижные атомы. Душа, следовательно, — только совокупность особых «огненных» атомов; разумная часть ее находится в грудной клетке.

Воззрения атомистов широко распространились благодаря убедительности и наглядности, однако не стали доминирующими — развитие научной мысли продолжалось.

Вещественно-динамический подход основывается на моносубстанциональном характере архэ, однако внимание здесь сосредоточено не на материально-вещественной стороне первовещества, а на поиске всеобщего универсального закона рождения, движения, развития, которому подчинено всё существующее.

¹² Допустить существование пустоты атомистов заставили наблюдения над обыденными явлениями: сгущением и разрежением, проницаемостью (ведро золы принимает в себя ведро воды), разницей в весе одинаковых по объему тел, движением и т. п.

По этому пути пошел Гераклит из Эфеса. Его учение об «огнелогосе» можно назвать гениальным парафразом материализма милетцев. То, что Гераклит выбрал в качестве первовещества «огонь», уже не столь существенно. Главное, он обратил внимание на всеобщий закон движения, а именно — единства и борьбы противоположностей как источник движения от «огня» к конкретным вещам и наоборот. Причем более убедительно эфесский мыслитель показал процесс разрушения (деструкции) вещей и переход их к первоначальному состоянию — «огню»: когда вещи «борются», они будто горят в нем. Разумеется, этот закон был сформулирован в образной, метафорической форме (как и другие фрагменты сочинений Гераклита, именно поэтому его называли «темным» философом). О сильном влиянии антропоморфной модели мышления — наследства мифологии — свидетельствует одна из его философем: «Война (борьба) есть отец всего, царь всего» (см.: [12, с. 44]). **Метафорический и афористический** стиль изложения, характерный для Гераклита, отчетливо отражает мучительное переосмысливание обычных слов, их домысливание до философских понятий — процесс, в котором, как заметил С. С. Аверинцев, «между бытовым словом и философским термином непременно должна лежать зона... метафоры» [13, с. 52]. «Огнелогос» Гераклита имеет, безусловно, метафорическое значение как символ подвижного, сверхмобильного, динамического первоначала.

Гераклит явил нам «чистый», философский, спекулятивный ум. Продолжая материалистические традиции милетцев, он понял, что путь поиска архэ как вечного, неиссякающего в количественном и качественном отношении, но все же определенного первоначала исчерпал себя и нужно обратить внимание на закономерность бытия архэ в его связи с миром

вещей, причем в предельно обобщенной форме. Идею универсальной закономерности «огня» Гераклит воплотил в термине «Логос» (Λόγος, в буквальном переводе — слово, речь). Характерно, что для человеческих чувств архэ Гераклита выступает как субстанция «огня», а для разума, мышления — как знание, т. е. Логос является атрибутом «огня» и последний правильнее называть «огнелогос». Законы природы в форме Логоса у Гераклита облечены в полуфилософскую, полумифологическую форму¹³. Примечателен в этом отношении фрагмент: «Ибо Солнце не преступит [положенной ему меры]. В противном случае его настигнут Эринии, блюстительницы правды» [12, с. 15]. Здесь у Гераклита как стихийного материалиста видны черты антропоморфизма в виде гилозоизма: Солнце — живое существо и движется строго определенным образом не потому, что «подчиняется» законам инерции и тяготения, а потому, что богини мщения настигли бы его и покарали, если бы оно «вздумало» сойти с назначенного пути. Показателен еще один отрывок из сочинения Гераклита, сохраненный христианским писателем Климентом Александрийским (III в. н. э.): «Этот мировой порядок, тождественный для всех, не создал никто из богов, ни из людей, но он вечно был, есть и будет вечно живущим огнем, мерами вспыхивающим и мерами угасающим» (приводится по: [14, с. 38]). Гераклит утверждал, что «огонь» есть генетическое начало мира, и мыслил его живым и разумным. Здесь звучит идея о строгой ритмичности мирового процесса: неумирающий огонь не пламенеет беспорядочно, а загорается «мерами» и «мерами» же гаснет. Идея

развития прочитывается и в третьем фрагменте: «Путь вверх и вниз один и тот же» — т. е. внутри «меры» космос упорядочивается от океана «огня» до огромного мира вещей («путь вниз»), затем наступает процесс деструкции мира вещей и их превращения в огонь («путь вверх»). Гераклит мыслил социоморфно: «Все обменивается на огонь, и огонь — на все, подобно тому как золото [обменивается] на товары, а товары — на золото» [15, с. 275]. Социоморфизм взглядов эфесского философа проявляется и в понимании универсальности борьбы противоположных начал, составляющих суть его Логоса: «Война... сделала одних богами, других людьми, одних рабами, других свободными» [12, с. 44]; «Должно знать, что война всеобща, что правда есть раздор и что все возникает через борьбу и по необходимости»¹⁴ [16, с. 20]. Гераклит утверждал, что при переходе одной противоположности в другую сохраняется общая для них основа, т. е. противоположности не абсолютны, а относительны, иначе невозможно было бы объяснить, как они переходят друг в друга: «Бог есть день и ночь, зима и лето, война и мир, насыщение и голод» — или, в другом фрагменте: «Тождествен прямой и кривой путь у валяльного винта» [17, с. 30]. Сохраняющаяся тождественная основа придает изменяющейся вещи устойчивость и стабильность, а сочетание движения и покоя (изменения и стабильности) образуют, по Гераклиту, гармонию¹⁵. Логос Гераклита — это смутно угаданный древним философом диалектический закон

¹³ Было бы модернизацией приписывание Гераклиту такого понимания закономерностей природы, как, например, у великих механиков, астрономов и физиков Нового времени. В XVII в. Ньютон, Кеплер и Галилей выводили законы движения небесных тел, опираясь на закон всемирного тяготения.

¹⁴ Понимая, как много значит борьба в человеческом обществе, Гераклит распространил эту идею на понимание природы в целом.

¹⁵ Если у пифагорейцев гармония насильственно примиряет противоположности (как, например, у Филолая, выступая третьей сущностью мира), то у Гераклита гармония — их глубинное свойство, что и побуждало его считать скрытую гармонию лучше явной.

Вселенной¹⁶, согласно которому в мироздании нет ничего неизменного — «всё течет» (πάντα ρεῖ): «В одну и ту же реку невозможно войти дважды», «На входящего... текут все новые и новые воды» (см.: [18, с. 1]). Уподобляя мир реке, Гераклит говорил, что она и движется, и не движется одновременно. Мысль безусловно противоречивая, но противоречие здесь — не результат логической ошибки, а слепок с реального, алогичного и непоследовательного бытия движущегося объекта.

Идея о внутренней противоречивости изменяющегося объекта была встречена современниками Гераклита в штыки, расценена как ошибка и софизм. Парменид, Зенон, а позже Аристотель и Теофраст критиковали Гераклита с позиций формальной логики.

Функционально-номологический подход. Здесь при решении проблемы архэ в центре внимания оказывается функционирование единых законов, проявляющихся как универсальная, объективная связь. Это может быть математическая гармония, или сумма уравнений, описывающих любые явления, или единая формула-алгоритм, объясняющая весь мир. У истоков данного подхода стояли, с одной стороны, Пифагор и пифагорейцы: Гиппас, Алкмеон, далее Филолай, Экфант, Эврит, затем Архит, с другой — элеаты: Парменид и Зенон. Неудивительно, что первые мыслители пифагорейской школы испытывали влияние ионийской философии. Так, Гиппас из Метапонта понимал архэ в стиле ионийских мыслителей, как первовещество — «огонь» (повторяя Гераклита). Однако субстанция «огня» Гиппаса трансформируется в вещи не с помощью двух пар противоположностей, и не путем разрежения или

сгущения, и не в результате действия универсального закона природы. Гиппас выбрал совершенно иной принцип оформления вещей из «огня»: числовой. Видимо, как профессиональный математик метапонтский мыслитель обратил внимание на то, что одну вещь от другой отличает набор числовых групп. Каждое число характеризует отличие предметов по свойствам (весу, форме, площади или объему и т. п.). Действительно, чем отличается, например, колонна храма от яблока? Прежде всего весом, но различие зафиксировано точным числом «мин»¹⁷. Затем формой: колонна — усеченная пирамида, яблоко — шар. Далее — площадью поверхности, объемом... в каждом случае можно найти число, схватывающее сущность определенного свойства в количественном выражении¹⁸.

Развили идеи Гиппаса Пифагор и его ученики. Понимая, что из самих чисел как таковых никаких вещей получить невозможно (ибо число имеет идеальную основу), они предположили существование, с одной стороны, более обезличенной телесной субстанции, чем «огонь» — так называемого Беспредельного, т. е. бескачественной материи, напоминающей апейрон Анаксимандра, с другой — так называемого Предельного, имеющего математическую природу. Пифагор и его преемники отдали роль активного, формирующего и гармонизирующего начала Предельному. В его толковании среди пифагорейцев не было единства: те из них, кто занимался преимущественно геометрией, понимали его как геометрическую форму, а те, кто предпочитал арифметику, — как число,

¹⁶ Как известно, в XIX в. Гегель, формулируя три закона диалектики (с опорой на данные современного естествознания), назвал Гераклита своим гениальным предшественником.

¹⁷ Мина — древнегреческая единица веса, равная 0,437 кг.

¹⁸ Причем числа, как считали пифагорейцы, будут обязательно либо целые, либо рациональные — и в том, и в другом случае они будут соизмеримы с единицей, из которой, как известно, могут быть получены все рациональные числа.

хотя геометрическую форму легко свести к нему. Если ранние пифагорейцы пытались смягчить дуализм материального и идеального (числа!) тем, что мыслили числа не как идеальные конструкции, а как овеществленные сущности, то уже у «средних» пифагорейцев Предел и Беспредельное разведены, а для того чтобы родился мир вещей, Филолай (V в. до н. э.) ввел третью сущность — Гармонию, которая соединяет два эти разнородные начала. Наивная вера ранних пифагорейцев в вещественность числа есть не только стихийная попытка уйти от философской мистики (как могут идеальные числа творить из неоформленной материи вещи?), но и свидетельство неразвитости представлений об идеальной сущности понятий и категорий. С детской непосредственностью ученики Пифагора утверждали, например, что если число простое (не раскладывается на множители), то оно есть вещественная линия (отрезок), состоящая из одинаковых вещественных отрезков — «единиц». Далее, если число разлагается на два множителя, то оно представляется в виде вещественного прямоугольника со сторонами, равными сомножителям (при этом в каждой из сторон составляющим элементом также выступает вещественная «единица»). Если число разлагается на три множителя, то оно представимо в виде стереометрического тела, у которого измерения (стороны) равны соответствующим множителям. Ранние пифагорейцы априорно полагали, что «единица» — это пространственно-телесная точка (Гармония «одевает» единицу как точку вещественностью), «двойка» — телесная линия, «тройка» — вещественная плоскость, «четверка» — одно из самых простейших пространственных тел — четырехгранная пирамида (тетраэдр). Более того, по логике пифагорейцев (в частности, Филолая), в основе духовных явлений тоже должны лежать числа. Так,

«5» олицетворяет качество и цвет; «6» является собой одушевленность; «7» — это и ум, и здоровье; «8» — мудрость, дружба и любовь; «9» — справедливость (как и все числа, из которых можно извлечь точный квадратный корень). Пифагорейский тезис «числа правят миром» выражает наличие в природе количественных закономерностей. Это первая трактовка Предельного (как числа). Вторая (как геометрической формы) также имеет обоснование: по мнению пифагорейцев-геометров, форма — главная в наборе всевозможных качеств, отличающих одни вещи от других (вес, цвет, запах и т. д.), так как именно она ограничивает каждую вещь от остального мира. Геометрическая форма же состоит из различного рода поверхностей, а поверхность — из линий, линия — из точек, а точка снова ассоциируется с «единицей». Следовательно, геометрические образы приобретают числовую природу. Впоследствии, стремясь сделать связь геометрических образов более зримой, Архит Тарентский ввел понятие движения: движущаяся точка образует линию, движущаяся линия — поверхность, а движущаяся поверхность — форму, в которую отливается бесформенная материя.

Интересны идеи еще одного представителя пифагореизма — Экфанта. Он развивал представление о существовании огромного числа пространственно-телесных точек («единиц») — и, рассуждая, что если из них состоят все тела Вселенной и вместе с тем они не полностью занимают всё пространство (иначе все вещи бы слились), сделал вывод о существовании пустоты. Итак, архэ Экфанта — «единицы» как атомы и пустота, причем «единицы»-атомы различаются по весу, величине и форме. Трудно переоценить значение этой идеи Экфанта, вошедшей в сокровищницу античной атомистики. Основная противоположность Предельного и Беспредельного

по проблеме архэ логически распространяется на другие стороны бытия (физического, математического, сексуального, этического и т. д.). Однако если у ионийских философов (милетцев и Гераклита) учение о противоположностях есть попытка объяснить движение, то у пифагорейцев оно носит другой характер — системного, структурного объяснения мира.

Как мы отметили выше, помимо пифагорейцев функционально-номологического подхода к решению проблемы архэ придерживались элеаты. В учении основателя элейской школы Ксенофана физическая и собственно философская картины мира впервые расходятся. Философия начинает выделяться из мировоззренческой физики. Нечто похожее происходило еще во времена ионийских философов¹⁹, однако первооснова, выступающая носителем мироединства, у них была погружена в природу. Ксенофан развил мысль дальше: первооснову он не определял ни как ограниченное, ни как безграничное, ни как материальное, ни как идеальное, но как то, что «соответствует понятию». Аристотель приводит заявление Ксенофана: «Единое — вот что такое бог». Именно Ксенофан при рассмотрении мира в целом выделил его философский аспект, в силу исторической архаичности мысли элеата слившийся с понятием бога. Бог Ксенофана — это чистый ум: он не материален, у него нет телесной силы, его могущество в мудрости. Ксенофан говорил, что «мудрость лучше силы людей и лошадей» (см.: [19, с. 232]), поэтому философ более полезен для общества, чем олимпийский чемпион. Бог у Ксенофана выступает таким космическим

философом. Богокосмос Ксенофана един, вечен, однороден, неизменен, невредим и шарообразен. Ксенофана можно назвать пантеистом: бог, по его мнению, есть всё, но это «всё» взято не в многообразии, а в высшем единстве, в основе которого — мысль.

Однако в стремлении преодолеть антропоморфизм своего богокосмоса Ксенофан не преуспел. Катафатический путь определения бога (через перечисление свойств) несет в себе неустранимую антропоморфность: суперлативные (сверхчувственные) свойства (всемогущество, всевидение, всеслышание и т. д.) одновременно и отдаляют миробога от человека, и превращают в «ничто». Суперлативные атрибуты бога не даны человеку непосредственно, а существование лишь утверждает декларативно. В еще большей степени превращение миробога в «ничто» может следовать из апофатического определения (бог не похож ни на что). Действительно, если единый миробог не движется, но и не покоится, не ограничен, но и не бесконечен, то логично предположить, что он, быть может, вообще не существует.

Ученик и последователь Ксенофана Парменид развил понятие единого миробога в понятие единого бытия и поставил вопрос о соотношении бытия и мышления. Парменид искал общее, единое в мироздании по понятию (то, что открывается в умозрении), т. е. в его представлении архэ — это то, что есть у всех вещей и предметов мира. Это не первовещество, как считали ионийские философы, и не «общее», подобно смеси Предельного и Беспредельного (последнее, с точки зрения Парменида, абсурдно, так как архэ может состоять только из одного, а не двух или более компонентов). Архэ Парменида — это существование, или бытие, т. е. каждая вещь, предмет, состояние космоса представляют собой модификацию, ипостась

¹⁹ «Вода» Фалеса, «воздух» Анаксимена, «огонь» Гераклита, не говоря уже об апейроне Анаксимандра, были не только физическими явлениями: в качестве сущностей других форм вещества они несли в себе сверхфизический аспект и служили носителями мироединства.

всеобщего Бытия. Сначала в мышлении (по понятию) была найдена всеобщая характеристика вещей, а затем бытие просто и естественно облечено в вещь-ственность и материальность²⁰.

Когда архэ становится умопостижимым (по понятию), естественно возрастает роль слова и грамматики, через которые понятие существует. Парменид отождествил два значения слова *бытие*: первое — существование (когда оно происходит от глагола *быть*, например, в предложениях: «Солнце есть», «Гномон есть») и второе — связка, капула (как в предложениях: «Солнце есть небесное тело», «Гномон есть солнечные часы»). Но тогда, когда глагол *быть* выступает в качестве связки, а ему приписывается значение существования (как у Парменида), рождается иллюзия, что все свойства вещей, их качества представляют собой внешний, поверхностный покров бытия как такового. Отсюда уже один шаг к гипостазированию (вынесению в сверхчувственную область) бытия, представлению его в виде самостоятельной нематериальной субстанции.

Итак, как мы видим, и исторически, и логически человеческая мысль начинается именно с этих категорий: Бытия и Небытия.

Бытие — это нечто тождественное во всех различных вещах и явлениях. Небытие — тотальность различного и полное отсутствие чего-либо тождественного в вещах.

Идеи представителей *вещественно-субстанционального подхода*, атомистов, оказались убедительными, понятными и даже наглядными. Наблюдение над обыденными явлениями (постепенным и незаметным истиранием монет при обращении и мраморных ступеней, распространением запахов, высыханием

влажного белья) наглядно свидетельствует о существовании мельчайших, недоступных человеческому восприятию частиц. Несмотря на свой наивно-материалистический и механистический характер (и критику со стороны альтернативных школ древнегреческой философии), атомистическая концепция просуществовала до конца XIX в., вплоть до новейших открытий в естествознании на рубеже XIX — XX вв. Один из крупнейших физиков конца III тысячелетия Ричард Фейнман писал: «Если бы в результате какой-то мировой катастрофы все накопленные научные знания оказались бы уничтоженными и к грядущим поколениям живых существ перешла бы только одна фраза, то какое утверждение, составленное из наименьшего количества слов, принесло бы наибольшую информацию? Я считаю, что это — *атомная гипотеза...*» [20, с. 23].

Гераклит как сторонник *вещественно-динамического подхода* убедительно продемонстрировал иллюзорность возможности одним первовеществом объяснить разнообразие мира. Запросы его наивной диалектики требовали научного исследования законов развития, что было сделано через 2400 лет Гегелем. Кроме этого, в гераклитовом Логосе заложена возможность интерпретации его в богословском аспекте. Так, стоики прямо отождествляли Логос с Зевсом, а в дальнейшем Логос стали интерпретировать уже как божественное Слово, особенно в христианской теологии. Значение идей Гераклита трудно переоценить: его диалектика указала путь дальнейшего исследования бытия с опорой на идею развития, что нашло отражение в одной из современных моделей единства мира — генетической, согласно которой мир есть целостность, эволюционирующая по единым законам.

Приверженцы *функционально-номологического подхода*, пифагорейцы, в спекулятивной, а иногда и мистической

²⁰ Мышление древних греков в V в. до н. э. было еще не совсем готово к чистой абстрактности, а потому все идеальные конструкции мыслились вещественными.

форме выразили гениальную идею о всеобщей закономерности мироздания в виде числовых соотношений, что оказало сильное влияние на многих мыслителей и составило основу будущего развития западноевропейской науки.

Литература

1. **Кузнецов В. Ю.** Мир единства. М.: Академический проект: Альма Матер, 2010. 207 с. (Философские технологии: hic et nunc).
2. **Мамардашвили М. К.** Необходимость себя: введ. в философию, докл., ст., филос. заметки / Сост. Ю. П. Сенокосов. М.: Лабиринт, 1996. 431 с. (Философия риторики и риторика философии).
3. **Гиренок Ф. И.** Метафизика пата (косноязычие усталого человека). М.: Лабиринт, 1995. 202 с.
4. **Свасьян К. А.** Феноменологическое познание: пропедевтика и критика. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. 198 с.
5. **Богомолов А. С.** Любовь и вражда. Космический цикл Эмпедокла // Диалектический логос: Становление античной философии / А. С. Богомолов. М.: Мысль, 1982. С. 125—135.
6. **Рожанский И. Д.** Анаксагор: у истоков античной науки. М.: Наука, 1972. 320 с.
7. **Чаньшев А. Н.** Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. 374 с.
8. **Вайнберг С.** Первые три минуты: современный взгляд на происхождение Вселенной / Пер. А. В. Берков, ред., авт. предисл., авт. доп. Я. Б. Зельдович. М.: Энергоиздат, 1981. 208 с.: ил., граф.
9. **Марков М. А.** О природе материи. М.: Наука, 1976. 216 с.
10. **Аристотель.** О душе // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369—450. (Философское наследие / АН СССР. Ин-т философии; т. 65).
11. **Лурье С. Я.** Демокрит: тексты: переводы: исследования. Л.: Наука, 1970. 664 с.
12. **Лосев А. Ф., Шестаков В. П.** История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965. 374 с.
13. **Аверинцев С. С.** Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии / Под ред. С. С. Аверинцева. М.: Наука, 1979. С. 41—81.
14. **Рассел Б.** Почему я не христианин: избранные атеистические произведения / Сост. и авт. предисл. А. А. Яковлев. М.: Политиздат, 1987. 333 с. (Б-ка атеистической литературы).
15. Антология мировой философии: в 4 т. / Редкол.: В. В. Соколов и др. Т. 1: Философия древности и Средневековья, ч. 1. М.: Мысль, 1969. 575 с. (Философское наследие / АН СССР. Ин-т философии).
16. **Берг Л. С.** Теории эволюции. Петербург: Academia, 1922. 120 с. (Современная культура).
17. **Асмус В. Ф.** История античной философии. М.: Высшая школа, 1965. 320 с.
18. **Сухотин А. К.** Парадоксы науки. М.: Молодая гвардия, 1978. 239 с.: ил. (Эврика).
19. **Кессиди Ф. Х.** От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: Мысль, 1972. 312 с.
20. **Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М.** Фейнмановские лекции по физике. Т. 1, 2. М.: Мир, 1976. 439 с.: ил.

Кнэхт Наталья Петровна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: nataknekh@gmail.com

Адекватность восприятия и интериоризация содержания текста: «академическое письмо»

А. В. Коржуев¹, О. Е. Баксанский²

¹ Первый Московский государственный медицинский университет
им. И. М. Сеченова

² Институт философии Российской академии наук

Академическое «педагогическое письмо» имеет дело с проблемой адекватности восприятия содержания текстов читателями и с мотивационными аспектами чтения педагогических произведений. Язык педагогических публикаций в последнее десятилетие наполнился терминами общенаучного и культурологического содержания и лексическими структурами экономико-управленческого содержательного поля. Авторы обсуждают проблемы написания педагогических текстов, отвечающих критерию адекватности восприятия их содержания, смысловой насыщенности, терминологической и логической корректности, мотивирующих читателя к интериоризации заложенных в них смыслов.

Ключевые слова: академическое «педагогическое письмо»; «живое знание» в педагогике; смысловая насыщенность; терминологическая и логическая корректность; рефлексия смысла текста.

Прежде всего раскроем заявленный в заглавии термин «академическое письмо». Отметим, что наиболее близким к нему среди известных науковедческих понятий является клише *язык науки* — многокомпонентный конструкт, охватывающий используемые в той или иной ее области термины; их содержательное наполнение; особенности их смыслового звучания, характерные именно для конкретной отрасли знания; распространенные семантические клише, принятые специалистами и понятные им; наконец, специфику стиля научной речи (письменной и устной). Для естественных и технических отраслей знания *язык науки* включает и специальные средства представления знания (диаграммы, формулы, специфические знаково-символические средства, графику и т. п.). В данной статье мы рассматриваем исключительно область педагогического знания и считаем целесообразным начать с различных стилей изложения,

выявленных в процессе анализа большого массива статей, книг, монографий, учебников и пособий по педагогике.

К числу стилей, используемых авторами, по нашему мнению, относится прежде всего *ярко выраженный академичный стиль* — он наиболее характерен для теоретических исследований, имеющих серьезную философскую подоплеку. Один из наиболее удачных примеров его использования в последние годы, с нашей точки зрения, представляет собой книга А. С. Запесоцкого «Методологические и технологические основы образовательной деятельности» [1]. Вторым классификационным подразделением стилей педагогических работ является «*сухой академичный стиль с отдельными публицистическими вкраплениями*», разгружающими внимание читателя, с одной стороны, и с другой — поддерживающими его интерес к серьезному материалу, предлагаемому автором текста для осмысления и интериоризации. Таким

стилем написаны многие известные статьи и книги академика РАО А. М. Новикова, например, ставшая бестселлером работа «Профессиональное образование России» [2]. Третий вариант, *сочетание академического, «сухого» изложения с образно-публицистическим*, проявляется и в некоторых фрагментах одной из последних книг В. В. Краевского «Методология педагогики: новый этап» [3], в которой серьезные методологические сюжеты педагогики представлены наряду с фрагментами художественного стиля, несколько не снижающими «научного градуса» текста, но ярко высвечивающими суть излагаемого, помогающими автору донести до сознания читателя наиболее сложные и трудно понимаемые в академичном формате сюжеты. И наконец, в издательском репертуаре представлены педагогические произведения *художественно-публицистического стиля* — ярким примером является книга А. С. Белкина «Ситуация успеха. Как ее создать» [4]. Здесь обобщенные описания педагогической реальности, факты, интерпретационные процедуры изложены несколько упрощенно, публицистично и соседствуют с фрагментами, представленными как «репортаж о событии из жизни ученика», интересный для педагогики факт, яркая иллюстрация обобщенной закономерности и т. п.

Обсуждая академическое «педагогическое письмо», мы неизбежно имеем дело с проблемой адекватности восприятия содержания текстов читателями и с мотивационными аспектами чтения педагогических произведений. В связи с этим мы считаем возможным утверждать, что педагогический социум очень часто сегодня сталкивается с путаницей (смешением) представления знания *научного* и имитирующего его *научообразного*, особенности которого: сложность терминов, стилистическая непривлекательность изложения, необходимость

перечитывать и переводить на понятный язык чуть ли не каждую фразу и т. п. — крайне затрудняют понимание сути излагаемого и не мотивируют читателя к вдумчивому чтению, осознанию того, о чем пишет автор текста. Это обстоятельство заставило нас обозначить трудные для решения проблемы термином «живое знание» и спроецировать общие подходы и определения на область педагогических текстов.

«Живое знание» — словосочетание, имеющее в качестве английского эквивалента *living knowledge*, — в начале XX в. использовали философы Г. Г. Шпет, С. Л. Франк и ряд других [5; 6]. В частности, в книге «Живое знание» Франк говорит о живом психологическом знании, выдвигая в качестве его основных признаков открытость и недосказанность, задействование связи науки и искусства [7, с. 208]. Автор особо отмечает, что искусство на столетия опережает науку в познании неживого и особенно живого, — наука же «анатомирует», искусственно дробит мир на различные части, сегменты, нередко имеющие свойство не склеиваться, не синтезироваться в некое целое; особый упрек из уст автора звучит в адрес наук о человеке, к числу которых педагогика по праву относится. При этом в структуру «живого знания» Франк включает так называемые предзнаковые формы знания, элементы интуитивного мироощущения, неконцептуализируемые образы окружающего мира, житейские понятия неясного происхождения, а также собственно знание в традиционном понимании. В последнем особенно выделяется «знание о знании» — фактически это его отрефлексированные концепты, и «знание о незнании», — в частности, то, что, согласно Я. А. Коменскому, является источником жажды знания, движения в направлении обретения мудрости в широком смысле слова. Анализируя данные проблемы

в обстоятельной статье, В. П. Зинченко [8] в заключение описания феномена «живого знания» упоминает о том, что любой текст как носитель знания, с одной стороны, сопротивляется чтению и интерпретации, а с другой — *взыскует* читателей и интерпретаторов.

Последнее клише мы считаем возможным раскрыть как целесообразное стремление автора текста к тому, чтобы его мысли, умозаключения, логику обоснования и доказательства нетривиальных утверждений, смысловые наполнения излагаемого читатель мог адекватно желаемому воспринять, интериоризировать, отрефлексировать, при необходимости воспроизвести и продуктивно использовать в различных форматах. Это, в свою очередь, предполагает как обязательное исходное условие *восприимчивости текста* его способность к созданию в сознании реципиента динамической последовательности образов, функционирующих «по сценарию», заложенному в авторском тексте, в котором логически обосновываются выводы, выявляются предпосылки того или иного феномена и описывающего его знания, динамика их развития, приводящая к конкретной форме его существования и проявления в обсуждаемый момент и т. п. При этом, конечно, чем большее число читателей способно на создание в своем сознании такой образной основы, тем выше показатели востребованности текста, его читаемости, воспроизводимости заложенных «первичным» автором идей читателями. И всё это представляет собой сегодня насущную проблему педагогического научного социума.

Актуальность ее связана, по нашему мнению, со слабой востребованностью, низкой читаемостью педагогических книг, статей, монографий и даже учебных пособий, не говоря уже о таком академичном жанре, как диссертация по педагогике. Это выявляется, в частности, из анализа данных, отражающих

публикационную активность авторов (как начинающих, так и известных в педагогике) и индексы их цитируемости, например, на основе известной отечественной библиографической базы РИНЦ, и отчасти, конечно, объясняется невозможностью исследователя или педагога-практика охватить лавинообразно нарастающий в последние два десятилетия массив информации даже по какой-либо весьма узкой проблеме. Однако у нас есть серьезные основания утверждать, что одним этим обстоятельством причины низкой востребованности текстов по педагогике не исчерпываются.

Направляя дальнейшее рассмотрение в это русло, мы постараемся обозначить и обосновать особенности текстов образовательной тематики, ставшие причиной всех описанных негативных явлений, и сформулировать в дискуссионном формате ряд критериев, которым могли бы отвечать реально востребуемые читателями тексты.

Позиционируя в качестве средства преодоления описанного широко проявляющегося неблагополучия феномен «живое знание», представим (каким бы вычурным это ни казалось) его антипод — феномен «знание мертвое» и его покомпонентное авторское наполнение. В качестве первого приведем тезис о нередко весьма непривлекательном литературном стиле многих педагогических повествований. По образному выражению А. М. Новикова, это ярко высвечивается анекдотичной ситуацией, когда простой и понятный вопрос: «Для чего попу гармонь?» заменяется якобы придающим научную значимость «переводом»: «К вопросу о целесообразности использования клавишно-пневматических музыкальных инструментов лицами духовного звания» (!) [9, с. 70].

Громоздкими, пересыщенными высокопарным стилем, часто содержащими иностранные заимствования фразами и оборотами (вместо простого «нехватка,

недостаток учебного времени» — якобы более академичное «ограниченный», а иногда — «лимитированный бюджет (ресурс) учебного времени»), излишней тягой к использованию философских понятий и категорий характеризуются сегодня многие известные тексты педагогического направления. И эта особенность не имеет тенденции к изживанию.

Часто литературная, стилистическая непривлекательность текстов усугубляется бессодержательностью написанного. Так, педагогические тексты отличается — особенно в последнее время — тяга к многочисленным перечислениям, с использованием избитых, повсеместно употребляемых выражений, отчасти потерявших для читателей свой изначальный смысл. Например, в одном из источников (по этическим причинам не указываемом) перечисляются методологические функции педагогического образования: прогрессообразующая, ценностно-ориентационная, интеграционная, междисциплинарная, культурно-гуманизирующая, прогностическая, практическая (укрепление связи со школой), при этом каждая кратко расшифровывается самыми общими «хрестоматийными» словами. При внимательном рассмотрении выделенных компонентов становится ясно, что никакого отношения к методологическим функциям (как заявлено автором) они не имеют — это обычные, традиционные функции педагогического образования, к тому же часто нелепо интерпретированные: под интеграционной функцией автор понимает *«обоснование нового типа университетского образования как общего поля модернизационной деятельности всех факультетов в сфере образования»*. Очевидно, что прочтение подобных формулировок не порождает никакой положительной эмоциональной реакции, — они могут вызвать лишь отторжение.

В последнее время методологи науки громко заявляют об интеграционных процессах, охвативших, в частности,

и педагогику и выражающихся в использовании исследователями проблем образования различных мета- и междисциплинарных терминов, подходов, методов исследования и описания феноменов и процессов. Тенденция ярко выражена, это не вызывает возражений, однако нередко в текстах педагогических статей и книг в связи с ней появляются, например, такие «междисциплинарные» сюжеты анекдотичного содержания: *«Масштабные исследования свойств открытых неравновесных, нелинейных систем и процессов в многомерных пространствах современного социума позволяют с наибольшей полнотой и степенью определенности выявленных тенденций и социально знаковых фактов методологически обоснованно выстраивать концептуальный фундамент устойчивого развития, стабильности и прогнозирования стратегий и ценностно-смысловых концептов социокультурного развития в различных пространствах социума»* (по очевидным причинам источник не упоминается) — отвратительное нагромождение метанаучных терминов, абсолютно неперебиваемое на обычный «живой» язык.

Подобный пример далеко не единственный: множество исследователей-педагогов заявляют в текстах о синергетическом подходе (при этом не зная сущности термина «самоорганизация» даже в общем ракурсе, не говоря уже о конкретном, «сюжетном» его наполнении); сплошь и рядом используются адресации к системному подходу (при этом в лучшем случае такой автор с большим трудом называет в хаотичном, не ранжированном формате избранные компоненты своей «системы» и демонстрирует общее понимание связей между некоторыми из них — однако никакого понимания полноты, степени открытости или изолированности, уровней структурной организации и т. п. в подавляющем большинстве случаев не выявляется); всё, что угодно, именуется

методологией... В современных текстах по педагогике можно найти огромное количество аналогичных несообразностей.

Во всех перечисленных случаях способ преодоления негативных явлений в области академического письма весьма прост и даже, возможно, тривиален — он выражается формулой: «Знаю, чего не надо делать, и *стараюсь* не делать этого», т. е. не употребляю не относящихся к сути дела терминов, не увлекаюсь иностранными и заимствованными словами, формулирую мысли коротко и внятно, несмотря на желание солидно выглядеть в научном сообществе, продемонстрировать свою эрудицию и т. д. Гораздо сложнее обстоит дело с многозначными терминами, настолько прочно укоренившимися в педагогическом словоупотреблении, что точный смысл многих из них оказался просто забытым — они стали расхожими штампами, ни к чему не обязывающими клише, и ракурсное, сюжетное их значение читатели во многих случаях даже не пытаются разгадать. К таким, в частности, относятся *«суффиксно образованные»* педагогические понятия: личность — личностно ориентированный подход; проблема — проблемное обучение; кластер — кластерное обучение; корпорация — корпоративный университет; деятельность — деятельностный подход; компетентность — компетентностный подход; развитие — развивающее обучение и т. п.

Трудность заключается в том, что если, например, в отечественной педагогике *развивающее обучение* имеет две версии (школа В. В. Давыдова, ориентирующаяся на доминирование в процессе обучения теоретического содержательного обобщения, и школа Л. В. Занкова, предполагавшая раннее обучение школьников на высоком уровне трудности), то *проблемное обучение* — уже почти десять (В. Оконь, А. М. Матюшкин, Т. В. Кудрявцев, И. Я. Лернер, М. Н. Скаткин,

М. И. Махмутов, Е. В. Ковалевская и ряд других авторов), а *компетентностный подход* — еще больше. Аналогичная ситуация с деятельностным подходом. Приведем только несколько примеров. В изначальном, классическом понимании деятельностный подход восходит к научной школе П. И. Гальперина и нескольких его последователей (например, Н. Ф. Талызиной [10]), разработавших для учеников начальной школы, как сказали бы сегодня, технологию, предполагающую предъявление обучающимся «скрипта» — ориентировочной основы действия, а затем прохождение ряда этапов, закрепляющих первоначально сформированное умение, операцию и т. п. (подробно об этом рассказано в многочисленных источниках). В последнее время к сторонникам деятельностного подхода относят себя многие научно-практические школы. При этом одни авторы предполагают реализацию такого подхода путем разбиения тех умений, которым необходимо кого-либо обучить, на серию последовательно осуществляемых мини-шагов, над каждым из которых нужно работать отдельно, а затем агрегирования всего реализованного на отдельных этапах в единую цепочку. Другие подразумевают совершенно иную ориентировочную основу действия — гораздо более обобщенную и, как правило, междисциплинарную, — которая, будучи сформированной у обучающегося, проявится (как в ряде частных случаев общая закономерность) при решении конкретных задач в различных учебных дисциплинах. Наконец, известны исследователи, называющие деятельностным подходом любую обучающую методику, технологию и т. п., если в ней хоть в какой-то (пусть самой малой, незначительной) мере проявляется самостоятельная деятельность обучающихся.

Сходное положение сложилось и с появившимся в начале 1990-х гг. термином «контекстное обучение».

Первоначально он был определен А. А. Вербицким как тип обучения, в котором моделируются в процессе профессионального обучения ситуации, аналогичные тем, что возникнут в реальной профессиональной деятельности будущего выпускника вуза (см.: [11, с. 5]). Сегодня в расширительных интерпретациях многих авторов педагогических текстов и исследователей этот тип обучения потерял свою специфичность, «индивидуальную окраску»: согласно их трактовкам, почти любое вузовское обучение можно назвать контекстным.

Сказанное выше дает понять, какие проблемы порождает в рамках академического письма отмеченная нами широко проявляющаяся полифония смыслов терминов, категорий и основных понятий педагогики. В связи с этим мы заявляем в качестве одного из критериев соответствия текста обсуждаемым в статье требованиям *смысловую корректность*, понимая под этим максимально возможную для гуманитарного знания точность выражения авторской мысли; объяснение читателю того, что имеется в виду, когда употребляется какой-либо из упомянутых (или им подобных) терминов, — краткое, например: «развивающее обучение (по В. В. Давыдову)», или развернутое, предполагающее смысловой комментарий, например, такой: «Используя термин “деятельностный подход”, мы прежде всего делаем акцент на включении обучающихся в ... (*вид деятельности*)», или: «Говоря о проблемном обучении, мы добавляем в описанную в статьях И. Я. Лернера структуру познавательной деятельности студентов... (*такой-то элемент, недостаточно полно проявленный цитируемым автором*)».

К смысловой корректности вплотную примыкает *смысловая насыщенность* текста, предполагающая удерживающий внимание читателя достаточно сжатый

(компрессированный) стиль изложения, емко и концентрированно выражающий суть излагаемого, а если и допускающий вынужденные отвлечения в сторону, то в качестве компенсации периодически предлагающий читателю резюмирующие фрагменты, в которых *stans pede in uno*¹ излагается суть описанного в каком-либо предшествующем отрывке текста. Например: «Итак, вопреки ... (*какому-либо устоявшемуся мнению, утверждению*) мы полагаем... (*суть авторской позиции*) и представляем это схематично такой цепочкой: ...».

Смысловая насыщенность содержания педагогического текста подразумевает также проявление автором продукта смысловых, сущностных уточнений различных фрагментов описания исследуемого в работе феномена или процесса, к числу которых относятся примерно такие стилистические клише:

— несмотря на существенные различия между ... (такими-то педагогическими понятиями, особенностями протекания педагогических явлений), проявляется и определенная степень сходства, которую нельзя игнорировать... (далее расшифровка сказанного);

— многие авторы, исследователи и практики образования считают абсолютно одинаковыми, можно сказать, тождественными... (такие-то конструкты), однако внимательный анализ выявляет и некоторое различие... выражающееся в...

На наш взгляд, смысловая насыщенность имеет условием поиск самим автором и донесение до сознания читателя конкретной степени *тождественности в различном* или *различия в тождественном*, представление распространенных в педагогической среде канонов как обладающих ограниченной степенью общности, а иногда и вообще

¹ Не переводя дыхания, с величайшей быстротой (лат. букв. стоя на одной ноге).

как разновидностей проявления клише «миф», «распространенное заблуждение», «обманчивая простота», «преувеличенная сложность» (множество примеров можно найти в книге [12] и других работах А. В. Коржуева).

Мы полагаем, что «живой текст» должен отвечать и критерию *стилевой эстетики, экспрессивной насыщенности* — это то, что даже при богатом смыслом содержании способно либо привлечь внимание читателя, либо обусловить читательское игнорирование авторского продукта. Речь идет об использовании авторами текстов яркого, образного языка — его не стесняются даже такие признанные авторы педагогического профиля, как цитированные выше известный исследователь и практик образования А. М. Новиков и не менее известный методолог педагогики В. В. Краевский. Последний в книге «Методология педагогики: новый этап» [3] использует в тексте, например, такие выражения: *в педагогику может попасть всё, даже мухи и треска в кляре; короткое замыкание в педагогике* и аналогичные другие. Органично вплетенные в текст, ярко иллюстрирующие мысль, которую автор желает донести до читателей, они привлекают внимание и способствуют вдумчивому чтению, адекватному восприятию серьезных смыслов, излагаемых авторами «живым», доступным языком, не влияющим на научность изложения.

В качестве примеров «мертвого письма» можно привести множество текстов преувеличенно монологического стиля, — безличного изложения, являющегося нормой в естественных и технических науках, однако в педагогике резко снижающего читательский интерес к тексту. В связи с этим обсуждаемое нами «живое знание» целесообразно в ряде случаев представлять в виде диалога автора с воображаемым читателем — в частности, имитируя

прямую речь в тексте, непосредственно используя слова: автор (с последующим изложением точки зрения того, кто пишет текст), читатель (с представлением возможного ответа) — и периодически переходя от мысли одного участника диалога к мысли другого. Есть и другие, более мягкие формы — например, привести в тексте фразу: «Заявляя свой подход, мы, конечно, предвидим серьезные возражения читателей...» (далее следует возможный контраргумент, который опытный педагог-исследователь в состоянии предугадать заранее). Затем автор текста может изложить собственную взвешенную позицию, попытаться аргументированно возразить потенциальному читателю-оппоненту, предложив свои нестандартные контраргументы и повысив тем самым читательский интерес к педагогическому тексту.

Понятно, что такой текст максимально нацелен на «встраивание» читателя в пространство позиционируемых автором смыслов, включение в мысленный диалог с автором — вдумчивый и заинтересованный в поиске «истины» — настолько, насколько это возможно применительно к конкретному обсуждаемому сегменту педагогической теории и практики.

Важной составляющей проблемы «живого текста», привлекающего внимание читателей, выступает и логически грамотное, доказательное представление результатов. При этом известное в логике в качестве одного из аргументов при доказательстве *обращение к традиции* или *к авторитету* целесообразно не ограничивать лишь клише наподобие: «традиционно этот феномен относится к ... (такому-то сегменту педагогики); (то или иное) качество личности, умение обучаемого традиционно формируется... (такими-то средствами, методиками, технологиями)», а сопровождать авторскими комментариями по поводу того,

насколько правомерно пользоваться той или иной традицией в конкретных условиях образовательного процесса, не является ли она частично устаревшей, потерявшей актуальность. Похожим образом рекомендуем отнестись и к императивной ссылке на авторитет: «живой текст» предполагает проекцию конкретных высказываний, идей, мыслей на современность, на особенности той ситуации, к которой так или иначе применяется цитата — ссылка на мнение известного ученого или общественного деятеля. Речь, таким образом, идет не о бездумном, догматическом цитировании, а о творческом, диалектическом, ситуационно ориентированном, допускающем возражения, уточнения и авторские ракурсы индивидуального видения исследуемой педагогической ситуации. То же самое следовало бы сказать и в случае если в качестве аргумента в пользу справедливости авторского вывода или заключения используется аналогия [13].

В завершение кратко упомянем и об использовании автором текста по педагогике схем, таблиц, диаграмм и других средств наглядного представления знания: они должны реально помогать читателю осмысливать содержание текста, а не быть ребусами для расшифровки, только затрудняющими процесс понимания излагаемого (к сожалению, таких случаев сегодня множество). Важна также и удачная, понятная читателю система структурирования текста: аннотация, ключевые слова, разбиение текста на разделы, параграфы, использование в ряде случаев абзацных заголовков или специальных значков, — конечно, если всё это должным образом прокомментировано для потенциального читателя.

Обсуждая современное академическое «педагогическое письмо», нельзя обойти вниманием такой тезис, как *«разговор автора с читателем*

на педагогическом языке своего времени». Сегодня такой язык значимо отличается от того, которым пользовались авторы еще два десятилетия назад, и наряду с отмеченными выше отрицательными феноменами (избыточность формы, длинные фразы, преувеличенно сложные для понимания обороты, неоправданное иноязычное заимствование) проявляет неоднозначные особенности, фиксируемые на репрезентативном публикационном материале различных авторов из области педагогики и образования. К их числу относится насыщение языка педагогических публикаций терминами и клише общенаучного и культурологического содержания: формат, конструкт, концепт, синергетический ракурс, образовательный кластер, образовательное пространство, образовательная среда, образовательное поле, идея диалога культур, поликультурализм, трансляция культурного наследия, историко-культурная референтация и мн. др. (перечислить все даже посредством указания основных классификационных подразделений «обогащенного языка» весьма трудно). Это отражает, с одной стороны, встраивание педагогики в общенаучный формат современного знания, естественным образом обуславливающее приток свежих языковых конструкций, словосочетаний, специфических фраз, клише и однословных терминов, а с другой — некоторое размывание содержательного поля педагогики и ее предмета, избыточное размножение смысловых трактовок терминов и т. п. Однозначно определить эту тенденцию в координатах *положительное — отрицательное* мы затрудняемся и обсуждаем ее лишь как одно из заметных изменений последних десятилетий [14].

Продолжая заполнение смыслового ряда, раскрывающего тезис «живой язык педагогических публикаций», отметим, что язык этих публикаций в последнее десятилетие наполнился

и лексическими структурами экономико-управленческого содержательного поля: повсеместно употребляются словосочетания «образовательный бизнес, образовательный менеджмент, рынок образовательных услуг, образовательный маркетинг, управление человеческими ресурсами, корпоративное образование» и т. п. Как и в предыдущем случае, здесь весьма трудно определить позитивные и негативные черты: с одной стороны, педагогика и образование все более интегрируются с другими сегментами социальной жизни и взаимообогащение терминами при этом неизбежно, с другой — это вносит некоторую деструкцию в систему педагогической терминологии.

Еще одна тенденция, проявившаяся в процессе анализа публикаций по педагогике, — гораздо более широкое употребление некоторыми авторами образного языка с целью придать текстам стилистическую привлекательность, мотивирующую читателя к внимательному их прочтению и осознанию смысла. (Надо оговориться, что эта последняя проявляется не столь часто и широко, как две предыдущие особенности, но не может быть отнесена и к единичным, «выбросовым» проявлениям [15].)

Итак, сочетание в педагогических текстах расшифрованных выше смысловой насыщенности, терминологической и логической корректности, строго научного обобщенного представления проблем и целесообразных для конкретной целевой аудитории примеров, ярких иллюстраций, метафор и других элементов образного языка позволяет сделать эти тексты полноценно воспринимаемыми широкой читательской аудиторией. Вместе с тем мы хотели бы подчеркнуть, что в работе обсуждены лишь избранные, наиболее значимые с нашей точки зрения аспекты проблемы академического «педагогического

письма», крайне актуальной сегодня и требующей дальнейшего скрупулезного исследования.

Литература

1. **Запесоцкий А. С.** Методологические и технологические основы образовательной деятельности / Ред. И. В. Петрова. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. 450 с. (Новое в гуманитарных науках).
2. **Новиков А. М.** Профессиональное образование России (перспективы развития). М.: ИЦНПО РАО, 1997. 253 с.
3. **Краевский В. В., Бережнова Е. В.** Методология педагогики: новый этап. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2008. 400 с.
4. **Белкин А. С.** Ситуация успеха. Как ее создать. М.: Просвещение, 1991. 175 с. (Мастерство учителя: идеи, советы, предложения).
5. **Франк С. Л.** Очерк методологии общественных наук. М.: Берг, 1922. 124 с.
6. **Шпет Г. Г.** Философские этюды / Вступ. ст.: М. К. Поливанов; примеч.: В. Г. Кузнецов, А. А. Митюшин. М.: Прогресс, 1994. 370 с. (Б-ка журнала «Путь»).
7. **Франк С.** Живое знание. Берлин: Обелиск, 1923. 264, [8] с.
8. **Зинченко В. П.** Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 81—92.
9. **Новиков А. М.** Как работать над диссертацией: Пособие для начинающего педагога-исследователя. 4-е изд. М.: Эгвес, 2003. 104 с.
10. Теории учения: хрестоматия. Ч. 1: Отечественные теории учения / Ред.-сост. Н. Ф. Талызина, И. А. Володарская. М.: РИО «Помощь», 1996. 139 с.
11. **Вербницкий А. А.** Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М.: Высшая школа, 1991. 204 с.: ил.
12. **Коржуев А. В., Антонова Н. Н.** Поисково-исследовательская деятельность в педагогике. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2012. 194 с. (Психология, педагогика, технология обучения).
13. **Аронов Р. А., Баксанский О. Е.** Происхождение знания: истоки и основы // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 98—108.
14. **Баксанский О. Е., Гнатик Е. Н., Кучер Е. Н.** Нанотехнологии, биомедицина, философия образования. В зеркале междисциплинарного контекста. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2010. 222 с.
15. **Баксанский О. Е., Чистова М. В.** Проблемное обучение: обоснование и реализация // Наука и школа. 2000. № 1. С. 19—25.

Коржуев Андрей Вячеславович — доктор педагогических наук, профессор кафедры медицинской и биологической физики Первого МГМУ им. И. М. Сеченова. E-mail: akorjuev@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: obucks@mail.ru

Анализ эквивалентности нормативов для оценки уровня физической подготовленности студентов и военнослужащих

В. Г. Королёв, В. В. Бардушкин

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Представлены данные об уровне физической подготовленности студентов второго курса Национального исследовательского университета «МИЭТ» в период с 2012 по 2014 г. При помощи методов визуального и статистического анализа исследовано соответствие нормативов учебной программы по физической культуре студентов вузов нормативам по физической подготовке военнослужащих Российской армии. Установлена эквивалентность нормативов для студентов и военнослужащих по силовой подготовке и их неэквивалентность при оценке уровня выносливости. Даны рекомендации по корректировке нормативных шкал.

Ключевые слова: физическая подготовленность; нормативы; студенты; военнослужащие.

Любая деятельность человека предполагает учет ее результатов. Нормативы, являясь одной из форм подобного учета, играют важную роль в физическом воспитании, определяя его направленность и указывая желательный уровень физической подготовленности населения.

Нормативы физической подготовленности различных групп людей должны быть логически и научно обоснованы. Нарушение этих условий приводит к установлению требований, не соответствующих возможностям данной группы, или неэквивалентных (по трудности) нормативов для людей одного и того же возраста разных групп населения (например, студентов вузов и военнослужащих) [1]. Это может препятствовать решению основной задачи физического воспитания (укрепление здоровья и повышение работоспособности человека), а также успехам в овладении профессиональными умениями и навыками, снижать продуктивность физического и умственного труда. Следовательно, задача анализа

качества нормативов физической подготовленности и выработки рекомендаций по их совершенствованию является актуальной.

Цель нашей работы — проведение визуального и статистического анализа эквивалентности между собой нормативов учебной программы по физической культуре студентов вузов и нормативов по физической подготовке военнослужащих Российской армии. Под эквивалентными понимаются такие нормативы, которые выполняются приблизительно равным количеством людей одинакового уровня подготовленности [1]. Опишем подробнее организацию исследований для достижения поставленной цели.

В Национальном исследовательском университете «МИЭТ» (НИУ МИЭТ) ежегодно в осеннем семестре проводится конкурсный отбор студентов второго курса, изъявивших желание пройти обучение на военной кафедре по программе военной подготовки офицеров запаса. Все студенты, участвующие в конкурсном отборе, проходят медицинское

освидетельствование для определения их годности к военной службе. В 2012 г. в тестировании приняли участие 194 студента, в 2013 г. — 199, в 2014 — 189. Таким образом, за три года протестированы 582 человека.

В соответствии с «Наставлением по физической подготовке и спорту в Вооруженных Силах Российской Федерации» [2], физическая подготовленность граждан, поступающих на военную службу по контракту, оценивается по результатам выполнения минимальных требований трех упражнений, определяющих быстроту, силу и выносливость; в случае невыполнения минимального порогового уровня в одном из упражнений требования к гражданам, поступающим на военную службу по контракту, считаются невыполненными (ставится оценка «неудовлетворительно»), поэтому физическая подготовленность участвующих в тестировании

студентов НИУ МИЭТ оценивалась с помощью трех тестов (по таблице нормативов физической подготовки офицеров Российской армии [2]): бег на 100 м, подтягивание из виса на перекладине и бег на 1000 м.

Все студенты стремились показать лучший результат в каждом виде упражнений, так как сознавали, что участвуют в конкурсном отборе, и эта заинтересованность тестируемых позволила нам провести анализ эквивалентности нормативов оценки их физической подготовленности по шкалам для военнослужащих и для студентов высших учебных заведений [3]. Отметим, что шкала для студентов является пятибалльной, а результаты ниже 1 балла приравниваются в ней к 0 баллам.

В таблице 1 представлены нормативы для оценки физической подготовленности студентов вузов и военнослужащих Российской армии.

Таблица 1

Нормативы для оценки физической подготовленности различных групп граждан Российской Федерации

Упражнение	Группа населения	Оценка в баллах					
		5	4	3	2	1	0
Бег 100 м (сек)	студенты	13,2	13,6	14,0	14,3	14,6	14,7
	военнослужащие	14,0	14,5	15,2	15,3	—	—
Подтягивание (кол-во раз)	студенты	15	12	9	7	5	4
	военнослужащие	14	12	10	9	—	—
Бег 1000 м (мин, сек)	студенты	3,13	3,18	3,25	3,35	3,50	3,51
	военнослужащие	3,20	3,35	3,55	3,56	—	—

Как видно из таблицы, нормативы для студентов в целом «жестче», чем для военнослужащих. Требования к студентам для получения оценки 5 баллов выше во всех тестах, оценки 3 балла — значительно выше в беге на 100 м и 1000 м. Так, чтобы получить 3 балла, студент должен пробежать дистанцию 100 м за 14,0 сек, а военнослужащий — за 15,2 сек; дистанцию 1000 м — за 3 мин 25 сек и 3 мин 55 сек соответственно.

И только в подтягивании норматив для студентов немного «мягче»: 9 против 10 раз.

В таблицу 2 сведены результаты трехлетнего тестирования физической подготовленности студентов 2 курса НИУ МИЭТ по нормативам для студентов и военнослужащих. В ней не только даны проценты от общего числа тестируемых, но и указано (в скобках), сколько человек получили по соответствующей шкале нормативов тот или иной балл.

**Распределение результатов тестирования физической подготовленности
студентов 2 курса НИУ МИЭТ (2012—2014 гг.)**

Упражнение	Группа населения	Процент (количество, чел.) тестируемых, получивших оценку (в баллах)					
		5	4	3	2	1	0
Бег 100 м	студенты	26,8 (156)	19,9 (116)	19,3 (112)	9,3 (54)	8,8 (51)	15,9 (93)
	военнослужащие	66,0 (384)	15,7 (92)	13,6 (79)	4,7 (27)	—	—
Подтягивание	студенты	37,3 (217)	21,6 (126)	17,9 (104)	8,4 (49)	7,4 (43)	7,4 (43)
	военнослужащие	44,8 (261)	14,1 (82)	13,1 (76)	28,0 (163)	—	—
Бег 1000 м	студенты	2,1 (12)	1,2 (7)	4,7 (27)	13,7 (80)	26,4 (154)	51,9 (302)
	военнослужащие	3,3 (19)	18,4 (107)	35,2 (205)	43,1 (251)	—	—

Анализ результатов тестирования показал следующее: с *тестом на скорость* (бег на 100 м) по нормативам для военнослужащих конкурсанты справились лучше всего. На «отлично» его выполнили 66,0 % студентов, неудовлетворительный результат показали только 4,7 %. Однако по нормативам для студентов показатели физической подготовленности конкурсантов намного ниже: процент оценок «5» почти в 2,5 раза меньше, а оценок «0» в 3,4 раза больше.

Тест на силовую подготовку (подтягивание из виса на перекладине) по нормативам для военнослужащих тестируемые выполнили хуже: высок процент отличных оценок (44,8 %) и вместе с тем много неудовлетворительных результатов (28,0 %). При этом обращают на себя внимание высокие требования норматива для получения оценки «удовлетворительно»: 10 раз. По нормативам для студентов показатели конкурсантов в этом виде испытаний лучше, так как требования ниже: для получения 1 балла нужно подтянуться всего 5 раз, отсюда малая доля оценок «0» (7,4 %).

Особую тревогу вызывает *общая выносливость* будущих офицеров. В беге на дистанцию 1000 м только 3,3 % испытуемых заслужили отличную оценку по нормативам для военнослужащих, а почти половина конкурсантов (43,1 %) не смогла показать удовлетворительный результат (3 мин 55 сек). Еще хуже результаты по нормативам для студентов: всего 2,1 % оценок «5» и 51,9 % оценок «0».

Дальнейшая статистическая обработка результатов тестирования физической подготовленности студентов 2 курса МИЭТ проводилась нами для проверки соответствия между собой нормативов для студентов и военнослужащих по каждой из рассматриваемых спортивных дисциплин. Для этого при оценке подготовленности мы использовали следующий подход: в случае невыполнения минимального порогового уровня в каком-либо из упражнений (по шкале для студентов или для военнослужащих) тестируемому ставилась оценка «неудовлетворительно» за данное упражнение в соответствующей шкале. Этот

подход позволил нам рассматривать эмпирические данные в единой балльной шкале (от 2 до 5).

На рисунках 1—3 представлены данные о распределении тестируемых по баллам в каждой из трех спортивных дисциплин. Левые (более темные) столбцы соответствуют количеству n_i тестируемых, получивших балл i ($i = 2, 3, 4, 5$) по шкале нормативов для студентов. Отметим, что значения n_2 по указанной нормативной шкале вычислены путем сложения количеств тестируемых, получивших баллы 0, 1 и 2 (см. табл. 2). Правые столбцы на рисунках 1—3 соответствуют количеству n_i тестируемых, получивших балл i по шкале нормативов для военнослужащих.

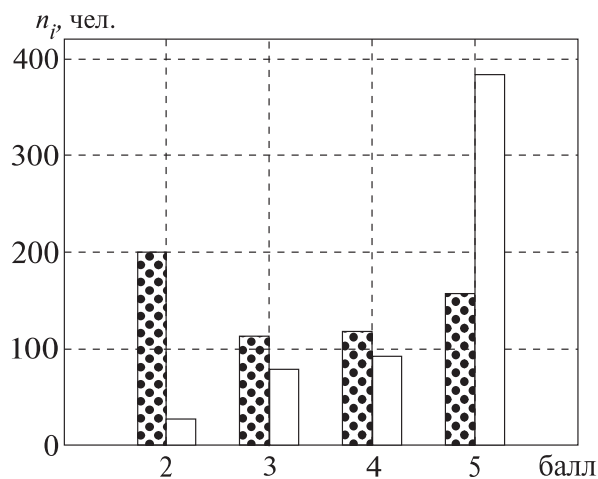

Рис. 1. Бег на 100 м. Распределение тестируемых по баллам нормативных шкал для студентов и военнослужащих

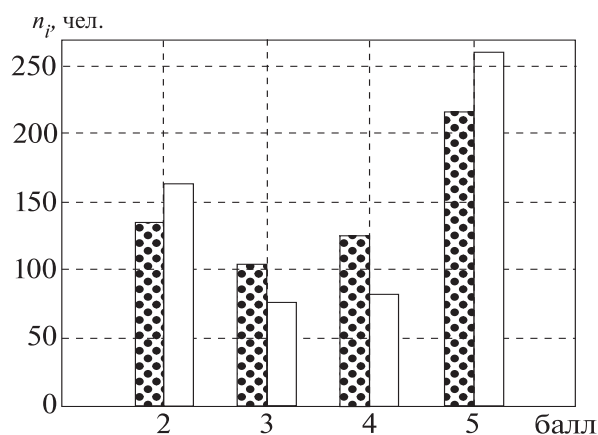

Рис. 2. Подтягивание на перекладине. Распределение тестируемых по баллам нормативных шкал для студентов и военнослужащих

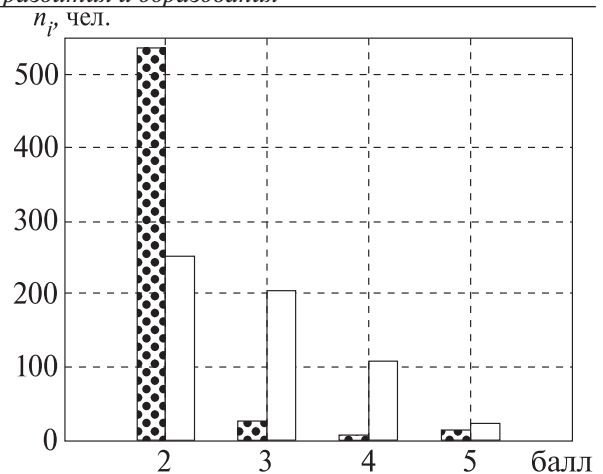

Рис. 3. Бег на 1000 м. Распределение тестируемых по баллам нормативных шкал для студентов и военнослужащих

Предварительный визуальный анализ таблиц 1—2 и рисунков 1—3 показал наилучшее соответствие исследуемых нормативов для студентов и военнослужащих в подтягивании на перекладине, а наихудшее — в беге на 1000 м. В беге на 100 м отличия менее значимые (за счет результатов испытуемых на оценку «удовлетворительно» и «хорошо»).

Однако эти утверждения следовало подкрепить выводами, опирающимися на результаты обработки экспериментальных данных методами математической статистики. Указанная обработка проводилась нами с помощью методов корреляционного анализа. Результаты испытуемых анализировались с помощью выборочного коэффициента корреляции Спирмена r_s . Данный коэффициент служит мерой линейной связи между случайными величинами. Корреляция Спирмена является ранговой, т. е. для оценки силы связи используются не численные значения, а соответствующие им ранги. При наличии групп неразличимых рангов выборочный коэффициент корреляции Спирмена для переменных X и Y вычисляется следующим образом [4]:

$$r_s = \frac{\frac{n^3 - n}{6} - \sum_i (R_i^{(X)} - R_i^{(Y)})^2 - T^{(X)} - T^{(Y)}}{\sqrt{\left(\frac{n^3 - n}{6} - 2T^{(X)}\right) \left(\frac{n^3 - n}{6} - 2T^{(Y)}\right)}},$$

где n — объем выборки;

$$T^{(X)} = \frac{1}{12} \sum_{i=1}^{m(X)} \left((n_i^{(X)})^3 - n_i^{(X)} \right),$$

$$T^{(Y)} = \frac{1}{12} \sum_{i=1}^{m(Y)} \left((n_i^{(Y)})^3 - n_i^{(Y)} \right) — попра-$$

вочные коэффициенты;

$m(X)$ — число групп неразличимых рангов в последовательности рангов $R_i^{(X)}$ переменной X , а $n_i^{(X)}$ — число совпадающих рангов в группе с номером i ($i = 1, 2, \dots, m(X)$) этой же переменной X ; $m(Y)$ — число групп неразличимых рангов в последовательности рангов $R_i^{(Y)}$ переменной Y , а $n_i^{(Y)}$ — число совпадающих рангов в группе с номером i ($i = 1, 2, \dots, m(Y)$) этой же переменной Y .

Переменная X соответствует набору оценок испытуемых (в какой-либо из рассматриваемых спортивных дисциплин), полученных по шкале для студентов, а переменная Y — по шкале для военнослужащих.

Каждому испытуемому (после получения им соответствующих оценок в каком-либо упражнении по нормативам для студентов и военнослужащих) были присвоены ранги $R_i^{(X)}$ и $R_i^{(Y)}$ по следующему правилу: вначале для каждой из рассматриваемых переменных X и Y строили вариационные ряды (в нашем случае это последовательности баллов испытуемых, расположенных по неубыванию), затем совпадающим элементам (баллам) присваивали один и тот же ранг, равный среднему арифметическому их порядковых номеров в соответствующем вариационном ряду [4].

Приведем далее вычисление выборочного рангового коэффициента корреляции Спирмена r_s для оценки силы связи между шкалами нормативов для студентов и военнослужащих в беге на 1000 м. Процедура присвоения рангов отражена в таблице 3.

Таблица 3

Присвоение рангов переменным X и Y (бег на 1000 м)

	Балл	2	3	4	5
X	Порядковые номера в вариационном ряду	1 ÷ 536	537 ÷ 563	564 ÷ 570	571 ÷ 582
	Ранг $R_i^{(X)}$	268,5	550	567	576,5
Y	Балл	2	3	4	5
	Порядковые номера в вариационном ряду	1 ÷ 251	252 ÷ 456	457 ÷ 563	564 ÷ 582
	Ранг $R_i^{(Y)}$	126	354	510	573

Число групп неразличимых рангов $m(X) = m(Y) = 4$, откуда поправочные коэффициенты $T^{(X)}$ и $T^{(Y)}$ равны:

$$T^{(X)} = \frac{1}{12} ((536^3 - 536) + (27^3 - 27) + (7^3 - 7) + (12^3 - 12)) = 12834319,$$

$$T^{(Y)} = \frac{1}{12} ((251^3 - 251) + (205^3 - 205) + (107^3 - 107) + (19^3 - 19)) = 2138308.$$

Кроме того,

$$\begin{aligned} \sum_i (R_i^{(X)} - R_i^{(Y)})^2 = & 251 \cdot (268,5 - 126)^2 + \\ & + 205 \cdot (268,5 - 354)^2 + 80 \cdot (268,5 - 510)^2 + \\ & + 27 \cdot (550 - 510)^2 + 7 \cdot (567 - 573)^2 + \\ & + 12 \cdot (576,5 - 573)^2 = 11304849. \end{aligned}$$

Учитывая, что

$$\frac{n^3 - n}{6} = 32856131,$$

окончательно получим: $r_s = 0,4590$, что говорит об умеренной тесноте связи между переменными X и Y .

Аналогичные вычисления выборочных ранговых коэффициентов корреляции Спирмена r_s для двух оставшихся спортивных дисциплин дали следующие результаты: $r_s = 0,8326$ (бег на 100 м); $r_s = 0,9502$ (подтягивание на перекладине). Эти результаты являются показателями высокой тесноты связи между X и Y .

Далее для каждой из трех рассматриваемых спортивных дисциплин была проведена проверка гипотез о значимости корреляции между шкалами нормативов для студентов и военнослужащих. Проверяемая (нулевая) гипотеза: корреляция отсутствует. Альтернативная гипотеза: между исследуемыми шкалами есть статистическая связь. При большом объеме выборки нулевая гипотеза отвергается в пользу альтернативной, если

$$|r_s| > \frac{u_{1-\frac{\alpha}{2}}}{\sqrt{n-1}},$$

где α — уровень значимости; $u_{1-\frac{\alpha}{2}}$ — квантиль стандартного нормального распределения (корень уравнения

$$\Phi(u) = 1 - \frac{\alpha}{2},$$

где $\Phi(u) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}} \int_{-\infty}^u e^{-\frac{t^2}{2}} dt$ [5].

Часто при проведении корреляционного анализа уровень значимости α полагают равным 0,05. Примем это значение, тогда $u_{1-\alpha/2} = u_{0,975} = 1,96$. Отсюда

$$\frac{u_{1-\alpha/2}}{\sqrt{n-1}} = \frac{u_{0,975}}{\sqrt{582-1}} \approx 0,0813.$$

Таким образом, корреляция между шкалами нормативов для студентов и военнослужащих для всех рассматриваемых спортивных дисциплин значима. Это объясняется большим объемом выборки [5] и тем, что нормативы разрабатывались специалистами в области

физического воспитания молодежи и были в свое время логически и научно обоснованы.

Проведенные исследования позволяют отметить хорошую физическую подготовленность будущих офицеров запаса в скоростно-силовых видах испытаний. Однако тестируемые показали очень слабые результаты в беге на 1000 м. Настораживает наметившаяся тенденция к снижению год от года уровня выносливости современных студентов [6; 7]. Одна из причин этого — отсутствие у них желания заниматься упражнениями, направленными на воспитание данного качества. Они не имеют привычки ходить пешком, предпочитая пользоваться общественным транспортом.

Анализ результатов показал, что нормативы оценки физической подготовленности по шкале для студентов «жестче», чем по шкале для военнослужащих.

В беге на 100 м визуализация результатов тестирований продемонстрировала, что нормативные требования к студентам для получения оценки «неудовлетворительно» (особенно 0 баллов) завышены, а оценки «отлично» — занижены: количество хороших и удовлетворительных оценок невелико, слишком многие испытуемые либо не смогли получить положительный балл (34 %), либо, наоборот, выполнили тест на «отлично» (26,8 %). Норматив на оценку «отлично» для военнослужащих также излишне «мягок».

В подтягивании на перекладине анализ результатов тестирований дал основания утверждать, что нормативы на оценку «отлично» (и для студентов, и для военнослужащих) можно немного «ужесточить», а на оценку «удовлетворительно», наоборот, «смягчить». Это, в частности, позволит исправить бимодальность эмпирических распределений результатов (особенно по шкале для военнослужащих).

В беге на 1000 м визуализация результатов тестирований выявила, что нормативная шкала для студентов слишком «жесткая», тогда как нормативная шкала для военнослужащих больше соответствует требованиям, предъявляемым к нормативно-ориентированным тестам [8]. Однако и здесь прослеживается тенденция к смещению выборочного среднего значения влево. Исправить положение можно путем «смягчения» норматива на оценку «удовлетворительно».

Проведенный корреляционный анализ показал, что эквивалентными можно считать, на наш взгляд, только нормативные шкалы в подтягивании на перекладине. С некоторыми допущениями этот вывод можно отнести и к нормативным шкалам в спринтерской дисциплине (бег на 100 м). В беге на 1000 м нормативы для студентов и военнослужащих эквивалентными не являются.

В заключение отметим, что при разработке нормативных шкал по всем спортивным дисциплинам следует учитывать происходящие в российском обществе объективные изменения (особенно за последние три десятилетия), диктующие необходимость корректировки нормативов (особенно в видах на выносливость). Цель внесения изменений должна состоять в том, чтобы нормативы не только фиксировали уровень физической подготовленности молодежи, но и стимулировали ее к улучшению своих спортивных результатов, чтобы любой молодой человек, даже не имеющий очень хорошей спортивной подготовки, видел и понимал достижимость поставленной задачи — получить максимально высокий балл при выполнении тестов по оценке физической подготовленности. Слишком большое количество оценок «неудовлетворительно» свидетельствует о завышении минимальной пороговой планки оценивания физических качеств человека.

После нескольких лет использования скорректированные нормативы должны в этом случае привести к улучшению физической подготовленности молодого поколения, и тогда необходимо будет внести в их содержание новые коррективы. Однако надо понимать, что указанный процесс не может происходить сам собой: его успешная реализация потребует активной и заинтересованной работы с молодежью учителей физкультуры в школах и преподавателей кафедр физического воспитания в колледжах и вузах.

Литература

1. **Защипорский В. М., Бондаревский Е. Я., Петросян А. М.** Спортивная метрология. Проблема оценки спортивных достижений: Лекция для студентов. М.: ГЦОЛИФК, 1975. 66 с.
2. Наставление по физической подготовке и спорту в Вооруженных Силах Российской Федерации (НФП-2001): Введено в действие приказом Министра обороны РФ № 631 от 31.12.2000 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации / ЗАО «Кодекс». Соп. 2012—2014. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901853132> (дата обращения: 11.08.2015).
3. Физическая культура. Общесоюзная базисная учебная программа для высших учебных заведений. М.: Гособразование СССР, 1990. 22 с.
4. **Вуколов Э. А.** Основы статистического анализа: практикум по статистическим методам и исследованию операций с использованием пакетов STATISTICA и EXCEL. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2004. 462 с.: ил., табл. (Профессиональное образование).
5. Математическая энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. И. М. Виноградов. Т. 5: Слу — Я. М.: Советская энциклопедия, 1984. 1248 с.: ил., табл. (Энциклопедии. Словари. Справочники).
6. **Королёв В. Г., Бардушкин В. В.** Оценка статистическими методами уровня и динамики физической подготовленности студентов-первокурсников // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2010. № 4. С. 169—175.
7. **Королёв В. Г., Бардушкин В. В.** Физическая подготовленность студентов-юношей младших курсов и ее динамика в процессе обучения в техническом университете // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2011. № 1. С. 58—62.

8. **Чельшкова М. Б.** Теория и практика конструирования педагогических тестов. М.: Логос, 2002. 431 с.: ил.

Королёв Василий Геннадьевич — доцент кафедры физического воспитания МИЭТ.
E-mail: gkoroleva@list.ru

Бардушкин Владимир Валентинович — доктор физико-математических наук, доцент, профессор кафедр высшей математики № 2 (ВМ-2) и системной среды качества (ССК) МИЭТ.
E-mail: bardushkin@mail.ru

Специфика и факторы эффективного внедрения интерактивных форм обучения в вузе

Т. Л. Короткова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Анализируются факторы эффективного использования интерактивных форм обучения при подготовке студентов по дисциплинам направления «Менеджмент» и их специфика, выявленная в процессе практического применения. С этой целью в ходе исследования использованы две модели: «конус опыта» профессора Э. Дейла и предложенная его последователями «пирамида обучения». Рассматриваемые факторы эффективности объединены в 5 групп согласно уровню их абстрагирования. В результате раскрыты проблемы, затрудняющие внедрение интерактивных форм обучения в учебный процесс, а также предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: менеджмент как учебная дисциплина; интерактивные формы обучения; «конус опыта»; «пирамида обучения»; факторы и специфика использования.

Успешная реализация карьеры выпускников обусловлена вузовской подготовкой, обеспечивающей формирование общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных или профессионально-прикладных компетенций, связанных с их будущей профессией.

В ФГОС ВО предусмотрено, что при разработке и реализации общеобразовательных программ по направлению «Менеджмент» вуз должен ориентироваться на конкретные виды профессиональной деятельности, к которым готовится выпускник, исходя из потребностей рынка.

Подготовить квалифицированного специалиста, обладающего умениями и навыками организационно-управленческой, административной, информационно-аналитической и предпринимательской работы, без активных и интерактивных элементов учебного процесса представляется весьма проблематичным.

© Короткова Т. Л.

К общесистемным особенностям интерактивных форм обучения (ИФО) по программам менеджмента можно отнести следующие:

- это средства включения в процесс освоения и приобретения знаний всех участников обучения в вузе путем активизации взаимоотношений студентов во время занятий (как с преподавателями, так и друг с другом);

- основная роль при их использовании отводится обучающимся, а задача преподавателя сводится к мотивации их работы на достижение основных целей конкретного учебного занятия;

- в процесс обучения должны быть по возможности включены все органы чувств человека;

- следует учитывать разделение личностей на психологические типы для ролевого распределения при ИФО.

При подготовке менеджеров нужно принять к сведению и перечисленные ниже особенности интерактивных форм обучения.

- Требования менее конкретного, более абстрактного подхода (формализация не столь эффективна).
- Необходимость выполнения принципа системности.
- Комплексное решение проблемы, которое предполагает рассмотрение множества факторов, влияющих на объект изучения при ИФО.
- Обязательное обеспечение эффективности ИФО путем поддержания в аудитории творческой атмосферы и активности.
- Неукоснительное следование алгоритму проведения интерактивного занятия (табл. 1).

Таблица 1

Алгоритм проведения интерактивного занятия

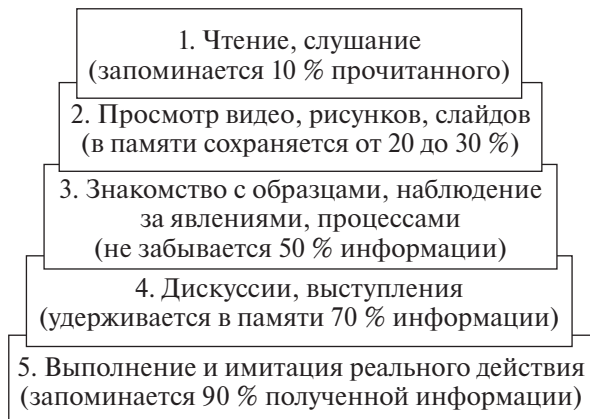
Этап	Цель	Действия	Учитываемые факторы
Подготовка к занятию	Обеспечить занятие всеми материалами и информацией	Рекомендуется тщательно продумать возможные варианты развития событий, сформировать главные обсуждаемые вопросы и ответы на них	Возраст студентов, временные рамки занятия, особенности темы, современные тенденции в рассматриваемой области и отрасли науки, влияние окружающей среды
Вступление	Задать нужное направление занятию, стимулировать умственную активность, вызвать интерес к изучаемой теме	Участникам дается информация о целях, основных понятиях, правилах, законах, парадигмах и принципах, методах и методологии рассматриваемой тематики	Численность группы, факторы мотивации; специфика обсуждаемой темы; уровень знаний и способностей, а также особенности личностного склада, психотип личности
Основная часть	Выполнить задания, предусмотренные для изучения данной темы	Студенты выполняют конкретные задания, решают задачи, обсуждают варианты решений, дискутируют	Число заданий и примеров (рекомендуется не более двух); очередность и интенсивность выполнения; оптимальность для решения поставленных в задании задач
Заключение	Подведение итогов	Проверка формирования компетенций у студентов	Наличие фондов оценивающих средств

При подготовке менеджеров занятия в интерактивной форме требуют слаженной работы в команде, из чего следует рекомендация проверять ее участников на эмоциональную и психологическую совместимость.

Кроме того, важно учесть, что в процессе принятия управленческих решений часто наиболее эффективными оказываются нетривиальные и нестандартные, так называемые креативные.

Критериями эффективности ИФО можно считать достигаемый уровень усвоения материала и сохранение приобретенных знаний, умений и навыков на долгое время.

К факторам эффективности интерактивных видов учебных занятий относится то, что при активизации обучения помимо механизма усвоения услышанного (как, например, на обычной лекции) включаются и иные: выполнения реального действия; имитации реальной действительности; театрализованного выступления; участия в дискуссии; наблюдения за конкретным действием, — а также применяются демонстрация видео, слайдов и анимации в системе мультимедиа и др. (см. рисунок).

Факторы эффективности ИФО

Весь набор этих факторов можно объединить в несколько групп в зависимости от уровня их абстрагирования, т. е. степени отвлечения в процессе познания от несущественных сторон, свойств, связей изучаемого объекта в целях выделения их существенных, закономерных признаков [1].

Первая группа факторов — воздействия, связанные с примитивным чувственным восприятием (например, чтение, слушание), — одним из основных процессов умственной деятельности человека, опирающимся на знаковое опосредствование (поскольку он лишь обращает внимание воспринимающих на существующие явления и проблемы).

Во *вторую группу* включены факторы более высокого уровня абстрагирования (просмотр видео, рисунков, слайдов). При их задействовании в процессе обучения акцент делается на конкретные свойства и поведение изучаемого предмета, а также на главные аспекты проблемы.

Факторы, входящие в *третью группу* (знакомство с образцами, наблюдение за явлениями и процессами), имеют еще более высокий уровень воздействия на слушателей, поскольку при этом студенты отвлечены от информации, не связанной с рассматриваемой темой, и сосредоточены на очень узкой тематике, которую изучают с позиций выявления присущих ей свойств и отношений.

Четвертая группа объединяет факторы по способности активизировать и стимулировать учебный процесс путем вовлечения студентов в дискуссии и выступления. Обсуждение проблем в рамках выбранной темы способствует усилению мыслительной деятельности и запоминанию материала через ассоциативные механизмы памяти.

Факторы *пятой группы* воздействуют на обучающихся через мысленное вычленение некоторых элементов познаваемой предметной области и отвлечение от прочих относящихся к ней. При этом умственная деятельность студента направляется на объект рассмотрения, отмечая существенные принципы и закономерности его функционирования и развития.

В результате воздействия группы менее абстрактных и более конкретных факторов (1-й, см. рисунок) студенты приобретают способность воспроизводить элементарные действия (определять, описывать, пояснять). Группы факторов более высокой абстракции (2-я и 3-я) стимулируют напряжение памяти и мыслительной деятельности. К таким действиям относятся демонстрация образцов, изучаемых объектов, явлений;

применение методов и средств аналитической работы; выполнение процессов, требующих повышенных знаний и умений.

Факторы более высокого порядка абстрагирования (4-я и 5-я группы) еще значительно повышают эффективность обучения, помогая выполнять такие высокоинтеллектуальные задачи, как анализ явлений и систем; разработка и принятие решений; создание моделей и конструирование объектов; экспертное оценивание процессов, проблем, целей и задач.

Таким образом, занятия, проводимые в интерактивном режиме, помогают формировать компетенции и их элементы, в том числе:

— формируют интерес к изучаемой дисциплине;

— помогают лучше усваивать материал определенной темы в рамках учебной дисциплины;

— развивают интеллектуальную самостоятельность для индивидуального поиска путей и вариантов решения проблемы;

— обучают работе в команде и терпимости к критической точке зрения;

— учат уважению права каждого на собственное мнение, его достоинства;

— способствуют установлению благоприятного взаимодействия обучающихся;

— формируют у студентов профессиональные компетенции и конструктивные идеи, мнения, отношения, профессиональные и жизненные навыки.

Успешное решение этих задач может быть обеспечено соблюдением ряда принципов подготовки, организации и внедрения ИФО (табл. 2).

Таблица 2

Принципы проведения ИФО

Название принципа	Условие соблюдения
1. Всеобъемлющий охват процессом обучения всех студентов	Активность всех участников
2. Равенство всех участников вне зависимости от социального статуса, возраста, места работы и опыта	Создание обстановки, ставящей всех участников в равноправное положение
3. Соблюдение права на высказывание своего мнения абсолютно по любому вопросу	Предоставление права голоса всем участникам по всем обсуждаемым темам
4. Стимулирование умственной деятельности путем предоставления информации к размышлению	Создание творческой обстановки и поощрение выступающих на занятиях студентов
5. Недопустимость прямой критики личности	Разрешение комментировать исключительно идеи

Для внедрения интерактивных форм обучения студентов университета экономическим дисциплинам в рамках направления «Менеджмент» были выбраны наиболее эффективные при создавшихся в вузе условиях и отвечающие требованиям программ обучения. При этом учитывались специфика общеобразовательных программ и учебных

дисциплин, а также регламентации, предусмотренные образовательными стандартами. Формы активизации учебного процесса в вузе должны удовлетворять следующим требованиям:

— временная протяженность ИФО должна быть небольшой, с учетом ограниченности сеткой часов учебных занятий и их академическими рамками;

— повышенная трудоемкость, информационная насыщенность, всесторонняя документальная и техническая оснащённость процесса подготовки ИФО;

— современный уровень развития информационных технологий обязывает применять электронные средства обучения, такие как программные средства для контроля и измерения уровня знаний, умений и навыков обучающихся, для математического и имитационного моделирования; электронные тренажеры и учебники; экспертные обучающие и информационно-поисковые справочные системы; средства автоматизации профессиональной деятельности и Интернет;

— желательно проводить психологическое и профессиональное тестирование для формирования команд и групп студентов, выполняющих коллективные задания;

— необходимо выделять специальное время на презентации, обсуждение и оценку заданий в интерактивной форме;

— очень важно умение преподавателя направлять в нужное русло и стимулировать активность студентов.

Наиболее полно указанным требованиям при обучении студентов менеджменту отвечают 6 выбранных для формирования соответствующих компетенций и активизации обучения ИФО.

1. *Дискуссии по докладам*, подготовленным студентами на заданную тему, во время которых они оппонировать мнению собеседника, аргументируя свои позиции. Формируют способности делового общения и публичных выступлений, ведения переговоров и совещаний (общепрофессиональная компетенция ОПК-4) [2; 3].

2. *Имитационное моделирование*. Модели описывают управленческие и бизнес-процессы так, как они проходили бы

в действительности, развивают способность находить организационно-управленческие решения и готовность нести за них ответственность с позиций их социальной значимости (общепрофессиональная компетенция ОПК-2) [2; 3].

3. *Разбор, анализ и принятие решений по бизнес-ситуациям* в конкретной среде и системе взаимоотношений, помогающие трансформировать проблему в набор решаемых бизнес-задач. При этом студенты обучаются методам принятия решений в управлении операционной (производственной) деятельностью организаций (общепрофессиональная компетенция ОПК-6); у них формируется способность оценивать воздействие макроэкономической среды на функционирование организаций и органов государственного и муниципального управления, выявлять и анализировать рыночные и специфические риски, а также анализировать поведение потребителей экономических благ и формирование спроса с учетом знания экономических основ поведения организаций, структур рынков и конкурентной среды отрасли (профессиональная компетенция ПК-7) [2; 3].

4. *Бизнес-симуляция*, т. е. разработка интерактивных моделей экономической системы управления компанией. Развивает способность анализировать взаимосвязи функциональных стратегий компаний в целях подготовки сбалансированных управленческих решений (профессиональная компетенция ПК-5), а также участвовать в управлении проектом, программой внедрения технологических и продуктовых инноваций или организационных изменений (профессиональная компетенция ПК-6) [2; 3].

5. *Деловые игры (ДИ)* как средство моделирования разнообразных (в том числе кризисных) условий профессиональной деятельности менеджера

методом поиска новых способов решения управленческих и хозяйственных задач в организации. Как системная и комплексная форма интерактивного обучения ДИ оказывают многофакторное воздействие и формируют ряд компетенций (например, уже названная ПК-5; владение навыками использования основных теорий мотивации, лидерства и власти для решения стратегических и оперативных управленческих задач; стратегического анализа, разработки и осуществления стратегии организации, направленной на обеспечение конкурентоспособности; различными способами разрешения конфликтных ситуаций, а также умение применять основные методы финансового менеджмента и др.) [2—4].

6. Вебинары, т. е. интерактивные семинары для взаимосвязи и общения, проводимые через Интернет в онлайн-режиме при изучении учебной дисциплины. Они предоставляют как студентам, так и преподавателям множество возможностей: предварительной настройки процедуры управления любыми дискуссиями, обсуждениями, спорами и учета статистики; общения всех участников в реальном времени. В ходе аудио- и видеообщения на экранах отображаются фотографии декламирующих участников. Весь вебинар записывается на компьютер, а его данные сохраняются в отдельных файлах. Руководитель вебинара располагает доской и инструментами рисования для демонстрации графиков, рисунков, набросков и статистических диаграмм.

Таким образом, использование ИФО требует большой подготовительной работы: составления сценариев, поиска вспомогательных материалов, продумывания технологии проведения, изучения теоретического материала и разбора проблемных вопросов на заданную тему. При этом преподаватель

выступает в различном качестве (как автор сценария, режиссер-постановщик и исполнитель нескольких ролей), что требует от него значительных затрат моральных и физических сил. Эффективность ИФО зависит от качественной подготовки и умения преподавателя стимулировать активность студентов и их вовлеченность в процесс.

Опыт внедрения ИФО выявил основные трудности их проведения: неоднородность студенческой аудитории по психографическим и поведенческим параметрам часто диктует необходимость коррекции процесса в сторону упрощения; не всегда достигается главная цель ИФО — вовлечение в процесс всех обучающихся — ввиду их различной теоретической подготовки и заинтересованности в результатах; временные рамки учебных часов обязывают использовать сокращенные варианты ИФО; для повышения эффекта от занятий в интерактивной форме желательно проводить их с ассистентом, как лабораторные работы.

Литература

1. О профессоре ДЕЙЛЕ, его «конусе опыта» и «пирамиде обучения», предложенной его последователями // Открытый урок [Электронный ресурс] / В. М. Букатов]. Сор. 2015. URL: <http://www.openlesson.ru/?p=16822/> (дата обращения: 07.09.2015).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент (уровень бакалавриата) // Pandiaweb.ru: Социальная сеть [Электронный ресурс]. Сор. 2009—2015. URL: <http://pandia.ru/text/79/432/3978.php> (дата обращения: 09.09.2015).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 38.04.02 Менеджмент (уровень магистратуры) // Портал Федеральных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. Сор. 2015. URL: <http://fgosvo.ru/news/9/1140/> (дата обращения: 08.09.2015).
4. Короткова Т. Л. Методы исследований в менеджменте. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 307 с.

5. **Короткова Т. Л.** Практика внедрения интерактивных форм обучения студентов // SCI-ARTICLE.RU: Электронный научный журнал. 2015. № 20. С. 108—113. URL: http://sci-article.ru/number/04_2015.pdf (дата обращения: 08.09.2015).

Короткова Татьяна Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Международной академии науки и практики организации производства (МАОП), международный научный эксперт в области маркетинга, ведущий профессор кафедры маркетинга и управления проектами (МиУП) МИЭТ.
E-mail: fmr@miec.ru

Применение нарративного анализа в судебно-психологической экспертизе при анализе аудиовидеофайлов

С. К. Хаидов¹, Е. В. Апалькова²

¹ *Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого*

² *Детский сад комбинированного вида № 7, г. Щёкино Тульской обл.*

Раскрывается содержание понятия нарративного анализа, проанализированы основные подходы к нарративной проблематике в психологии и теоретические направления в нарративной психологии. Рассматривается реализация нарративного анализа при исследовании продуктов речевой деятельности. Дано авторское определение нарративного анализа в рамках судебно-психологической экспертизы, обсуждается возможность его использования в практике судебно-психологических экспертиз при изучении аудиовидеозаписей показаний подэкспертного в рамках уголовного, административного, гражданского и арбитражного дел.

Ключевые слова: нарративный анализ; судебно-психологическая экспертиза; анализ аудиовидеофайлов.

Современная нарративная психология представляет собой интенсивно развивающуюся область психологических исследований. В качестве источников нарративного подхода в психологии называют, как указывает Р. Г. Кадырова, «теорию У. Джеймса, социальный интеракционизм Дж. Мида, теорию ролей Т. Р. Сарбина, культурную антропологию (Г. Бейтсон, К. Гирц), драматургический подход в социологии (Э. Гоффман), психосоциальную концепцию Э. Эриксона, культурно-историческую психологию Л. С. Выготского, диалогизм (М. М. Бахтин) и структурный анализ повествования в литературоведении (В. Я. Пропп, К. Бёрк), а также постмодернистскую философию (Л. Витгенштейн, М. Фуко) и социологию (П. Бергер, Т. Лукман)» [1, с. 126].

На сегодняшний день в психологии сложились два основных подхода к нарративной проблематике: нарративная психология, или «теория» нарратива, и психоаналитическая терапия, или «практика» нарратива. Представители первого (Т. Р. Сарбин, Дж. Брунер,

К. Дж. Герген, А. Керби, Ч. Тейлор и др.) считают, что смысл человеческого поведения с большей полнотой выражается в повествовании (как в письменной, так и в устной форме), а не в логических формулах и законах, поскольку понимание человеком текста (устного и письменного) и самого себя аналогичны [2].

В нарративной психологии выделяются два основных теоретических направления: первое трактует личность как текст, который есть продукт речевой деятельности (и соответственно самопонимание подобно пониманию текста) [3]; второе при рассмотрении нарратива уподобляет самоидентификацию самопониманию, расценивая последнее как осознание человеком своей социальной принадлежности. Оба направления сходятся в одном: реальность конструируется через язык, т. е. речевую деятельность [4].

Использование нарративного анализа при проведении судебно-психологической экспертизы на предмет определения психологических признаков

достоверности (недостоверности) показаний подэкспертного обусловлено тем, что данная разновидность анализа позволяет отделить формальное содержание текста от выражения смысла, непосредственно отображающего скрытую психологическую реальность [5], так как нарратив позволяет подэкспертному обосновать свои поступки и выстроить причинно-следственные зависимости между излагаемыми событиями. При этом нарративы всегда формируются в процессе взаимодействия подэкспертного с процессуальным лицом и модифицируются вслед за изменениями соответствующих интеракций [6], происходящих во время допроса или других процессуальных действий, что создает условия для возникновения противоречий между показаниями подэкспертного, зафиксированными на аудиовидеозаписи, и материалами уголовного дела (в случае недостоверности показаний).

В рамках судебно-психологической экспертизы на предмет выявления психологических признаков достоверности (недостоверности) показаний подэкспертного нарративный анализ определяет, как подэкспертный строит их в соответствии с принятыми в обществе социально-культурными, правовыми и социальными нормами поведения в рамках уголовного дела. Другими словами, подэкспертный осознанно или неосознанно выстраивает свои показания с учетом нарративных схем и дискурсов, существующих и принятых в обществе, и соотносит их со своим участием в конкретном деле.

Изложенное выше дает основания для следующих выводов: нарративный анализ дает возможность, *во-первых*, составлять общую характеристику схемы речевой деятельности подэкспертного, с тем чтобы в дальнейшем при необходимости делить ее на информационно-составляющие фрагменты (например, коммуникативные акты, в которых мотивом

высказывания становятся различные юридические или стрессовые личностно значимые для подэкспертного ситуации) и, *во-вторых*, выявлять противоречия между показаниями подэкспертного, зафиксированными на аудиовидеозаписи, и информацией, содержащейся в материалах уголовного дела (и соответственно рассматривать их как психологический признак недостоверности показаний подэкспертного).

Возникновение противоречий обусловлено физиологическими особенностями, *во-первых*, мнемических процессов: придуманное событие подэкспертному значительно труднее запомнить во всех мельчайших деталях и воспроизвести, чем достоверные события, даже при условии высокой мотивации; и, *во-вторых*, механизма внимания: при конструировании недостоверных показаний подэкспертный вынужден удерживать в памяти свои предыдущие показания и при этом, следуя нарративным схемам и дискурсам для придания себе социально положительного образа, уходить от ответов на «неудобные» вопросы процессуального лица (следователя, дознавателя, государственного обвинителя, судьи).

Таким образом, *нарративный анализ в судебно-психологической экспертизе — это анализ продуктов речевой деятельности подэкспертного с разделением содержания его устных и письменных текстов на формальное и выражающее смысл, делающий явной скрытую психологическую реальность; с выделением информационных фрагментов показаний и выявлением противоречий в них.*

В силу этого нарративный анализ можно применять в ходе судебно-психологической экспертизы как одну из составляющих психологического анализа материалов уголовного дела, в качестве средства: создания общей характеристики плана речевой деятельности подэкспертного; деления продуктов его

речевой деятельности на различные по тематической и содержательной наполненности коммуникативные акты; наконец, выявления противоречий между показаниями подэкспертного, зафиксированными на аудиовидеозаписи, и информацией, содержащейся в материалах уголовного дела, в рамках методики определения психологических признаков недостоверности показаний подэкспертного при их противоречивости.

Литература

1. **Кадырова Р. Г.** Теория нарратива и нарративный анализ в психологии // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2 (9). С. 126—128.
2. **Троцук И. В.** Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6—7. С. 56—75.

3. **Bruner J.** *Actual Minds, Possible Worlds*. Cambridge: Harvard University Press, 1987. 222 p. (The Jerusalem-Harvard Lectures).

4. **Gergen K. J.** *An Invitation to Social Construction*. London: SAGE, 1999. 256 p.

5. **Фабрикант М. С.** Применение нарративного анализа в исследовании больших социальных групп // Психологический журнал: ежеквартал. науч.-практ. изд. [БГУ]. 2010. № 1 (25). С. 64—68.

6. **Sarbin T. R.** *The Narrative as a Root Metaphor in Psychology* // *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct* / Ed. by T. R. Sarbin. N.Y.: Praeger, 1986. P. 3—21.

Хаидов Сергей Курбанович — кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (ТГПУ им. Л. Н. Толстого). **E-mail:** tgpu@tula.net

Апалькова Елена Викторовна — учитель-логопед МДОУ «Детский сад комбинированного вида» № 7, г. Щёкино Тульской области. **E-mail:** apalkova00@bk.ru

Научная рациональность в социальном познании

Л. А. Василенко, Л. А. Колесникова

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

Обсуждаются методологические аспекты процесса научного социального познания. Новое качество постнеклассической рациональности включает в познание ценностно-целевые структурные характеристики объекта, с учетом противоречивости природы ценностного мира человека. Системы ценностей определены авторами и как хорошо разработанные идеологии, религиозные системы, и как нечеткие наборы принципов, отражающие систему взглядов на мир, познаваемую и осознаваемую их носителем в ходе эволюции его самосознания в группе или субкультуре. Фрактально-эволюционный методологический подход, базирующийся на универсальных законах развития жизни и природы сознания, рассматривается в качестве методологической основы исследования социальных систем и фундамента кроссдисциплинарного синтеза знаний. Представлены некоторые материалы социологических исследований авторов, базирующиеся на фрактально-эволюционном подходе.

Ключевые слова: научная рациональность; методология; принципы; социальное познание; фракталы; фрактально-эволюционные теории; кроссдисциплинарный синтез; ценности; теология; нелинейность; открытость; сложность; социальная ответственность науки.

Научное познание общества, культуры и человека строится на рациональной основе. И хотя современная наука во многом «вышла из пеленок» теологии, она, различаясь существенно внутри себя в разных своих ветвях, характеризуется не только и даже не столько (если рассматривать и сравнивать ее с отдельными гуманитарными дисциплинами) иными, нежели в теологии, способами познания, но, что более важно, *другим соотношением формальных и неформальных институтов*, определяющих процессы развития научной и теологической мысли. Так, научная рациональность в естественных и точных науках, характеризуемая той или иной степенью *доказательности*, базирующейся на понятии

воспроизводимого эксперимента, хотя и отличается от таковой социальных и гуманитарных наук, характеризуемых лишь той или иной степенью *убедительности*, в качестве эксплицитного общего включает в себя *стремление к пониманию окружающего мира, которое субъект процесса познания стремится разделить с другими, зафиксировав письменно очередное его приращение*, призванное помочь в итоге лучше ответить на тот или иной вопрос «как?». При всех отличиях от прикладных фундаментальные науки, ведомые в значительной степени страстью исследователя к познанию и отвечающие на вопрос «почему?», в итоге, как и прикладные науки, все же служат получению ответов на вопрос «как?»,

за которым стоит заказчик, природа которого влияет на степень социальной ответственности или безответственности науки как производителя знания. В противовес науке теология, отвечающая прежде всего на вопросы «почему?» и «зачем?» и призванная направлять поведение человека, изначально базируется на принятии истин на веру, а *знание, зафиксированное в сакральных письменных источниках, в самых разных религиозных системах может уступать приоритет устному высшему знанию и интерпретациям прописанных истин, передаваемым избранным из уст в уста*. Именно эта ее особенность делает почти невозможным диалог ученых и теологов, но все же чем более хрупким становится мир человека — социальных систем и экосистемы в целом, — чем более агрессивно проявляют себя представители религий в попытках влиять на общественную жизнь и, более того, даже перекраивать государственные границы и чем далее продвигается наука в способах и результатах познания, тем более осторожно представителям последней следует выносить суждения о невозможности такого диалога. Поиск фундамента для него необходим, а его осуществимость хорошо иллюстрирует утверждение Альфреда Крейка, новосибирского ученого, который, выявляя сущность понятия «синергия» с позиции как научного, так и вненаучного знания, пришел к выводу, что чисто формальное понимание рациональности и иррациональности находится между собой в отношении необходимой дополнительности, и «именно потому, что ни там, ни тут подлинная логика мышления не улавливается и не выражается» [1, с. 3].

Особенности современного научного социального познания обусловлены в первую очередь основой этого процесса — методологическим базисом, определяющим горизонт понимания и стержень взаимосвязи научных теорий,

направляющих конкретный процесс познания выбранного объекта через призму соответствующего набора базовых принципов, моделирующих картину мира. Так, во многом разделяемый авторами подход синергетической научной школы к пониманию нового типа рациональности учитывает нелинейность, открытость, неравновесность и другие свойства реальности [2, с. 59; 3; 4; 5].

Во-вторых, в процессе социального познания важно не только познавать, но и понимать. Последнее означает объяснить и осознать те самые базовые принципы, что образуют парадигму ключевых идей, гипотез, рассуждений и вариантов выводов, лежащих в основе нового знания о социальном объекте и предмете познания. Именно парадигмальные принципы ключевых идей и концепций, лежащих в основе процесса познания, определяют границы понимания, полученные в его результате. Отметим при этом, что в действительности наблюдаемые социальные практики нередко полипарадигмальны, т. е. используют не одну, а одновременно несколько парадигм. Однако довольно часто в практике как социальных, так и естественных наук (например, в экспериментальных медицинских исследованиях) большая часть научных результатов может быть получена и без осознания этого методологического фундамента, как отмечал выдающийся естествоиспытатель Ганс Селье в своем труде «От мечты к открытию. Как стать ученым» (1964) [6]. Вместе с тем подход, исключающий попытку осознания этих принципов, может служить в дальнейшем источником затруднения продуктивного синтеза результатов междисциплинарных исследований, а также выступать действующей силой проблемы социальной ответственности науки.

В-третьих, новая рациональность обозначает расширение поля рефлексии, учитывает соотношенность характеристик получаемых знаний об объекте

не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ее ценностно-целевыми структурами (по В. С. Степину [7, с. 15]). Ценности в некоторой степени иррациональны. Они представляют собой некие предельные ориентиры действующих субъектов, векторы, по которым субъекты сверяют желательность своих действий, обобщенное представление о будущем и допустимых способах его достижения. Отношение к ценностям эмоционально. Аркадий Пригожин отмечает, что ценностный мир человека противоречив и не системен, далек от совершенства: «...долг зовет к риску, а безопасность — к уходу от него. Моральные и утилитарные ценности едва ли [не] антагонистичны. Здоровье требует отдыха, но самореализация побуждает к сверхнапряжениям». Систему ценностей может представлять собой и детально разработанную идеологию или религиозную систему [8, с. 16—17], и набор принципов, характеризующих и определяющих норму поведения, отражающих систему взглядов на мир, не заданную четким образом, а познаваемую и осознаваемую его носителем в ходе эволюции своего самосознания в процессе коммуникаций и взаимодействий в той или иной группе и субкультуре (см. например, описание такой нечеткой системы в работе С. А. Стивенсон, фокусирующейся на идентификации системы понятий, определяющих нормы и правила поведения «реальных пацанов» или «гопников» [9; 10]).

В-четвертых, представление об открытости распространяется на процессы межкультурного диалога, коммуникации и доступ к информационному пространству, что требует включения в рассмотрение культурных паттернов, диалога культур. Современный информационный век и интенсивность коммуникаций добавляет необходимость учитывать при познании различия взаимодействующих субъектов, поскольку они инициируют

проявление характерных черт хаоса в общественной жизни. Человек в условиях непознанной неопределенности теряет опору, привычный порядок взаимодействий, он вынужден искать решение, временный порядок или его некий прототип. Данные процессы становятся одной из существенных причин возрастающей сложности социальных систем. И эта постоянно порождаемая сложность создает основу как для хаотизации общественной жизни, так и для формирования нового порядка [3].

Ввиду изложенного выше исследования, связанные с проявлениями изменений далекой от равновесия социальной системы, должны строиться исходя из понимания общества как такой системы, неоднородной, открытой, сложной, взаимодействующей с окружающим контекстом. Социологический анализ должен учитывать и эту сложность, и скорость социальной динамики. Новые феномены рассматриваются как свойство времени социальных перемен, причем в случае достижения некоего предела ситуации изучаемый феномен становится источником следующей волны социальных изменений. Вид и характер ответа социальных институтов на эти вызовы может рассматриваться как признак, характеризующий доминирующую управленческую парадигму. В таких исследованиях трудно обойтись без применения гибкого интегрального подхода, включающего в себя определение базового теоретического основания исследовательской программы и постепенное ее достраивание с учетом данных, получаемых в ходе исследования. Отмеченный нами подход А. Страусс и Б. Глейзер обозначили как *grounded theory* [11].

Приведем примеры методологической основы комплексных социологических исследований. Применение синергического комплекса взаимосвязанных и взаимодополняющих количественных

и качественных методов сбора фактов из жизни, эмпирических данных, связанных с анализом случаев, позволит постепенно интерактивно конструировать когнитивную модель анализируемого социального объекта. Процесс охватывает целый спектр описания различных типов социальной практики, взаимосвязей разнородных данных, их обобщение, абстрагирование до формата модели. Следует подчеркнуть, что такое многообразие включает в себя оценку альтернатив воплощения в социальную практику той или иной модели, а исследования современной социальной динамики предполагают множественность и сосуществование различных сценариев социальной практики на локальном, национальном и межнациональном уровне, при этом здесь нет возможностей применения вероятностных моделей и методов, но можно комбинировать статистические методы и методы экспертных оценок в силу природы неопределенности процессов с участием человека, хорошо в свое время описанной Ф. Х. Найтом в книге «Риск, неопределенность и прибыль» (1923) [12].

В результате постепенно воссоздается, выстраивается гипотеза, концепция, а затем теория конкретного феномена, явления или возникающего социального института, наблюдаемого в динамике смены стадий жизнедеятельности.

Проблема реализации данного подхода, с одной стороны, в представлении сценариев через признаки и индикаторы, а с другой — в обосновании способов отбора единиц анализа и последующего определения методов сбора данных, их систематизации, взаимодополнения полученных данных, обобщения случаев и описания типов социальных практик.

Примером попытки реализации обозначенных подходов является исследование, выполненное под научным руководством Л. А. Василенко: «Анализ

воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества»¹ [13]. Согласно исследовательской гипотезе, социальная несправедливость возникает и воспроизводится в процессах социальных взаимодействий власти и общества, граждан и институтов, она обладает некоторыми устойчивыми и регулярными формами и поэтому может быть отнесена к особому типу социального взаимодействия, воспроизводящемуся в процессах управленческих взаимодействий [13]. Социальная несправедливость представлена в исследовании как встроенное свойство сложных неоднородных динамически изменяющихся социальных систем, имеющих многофакторную природу. Усиление проявлений социальной несправедливости рассматривается как признак начавшихся изменений далекой от равновесия социальной системы.

Тактика построения теории (*grounded theory*) применялась к исследованиям случаев несправедливости, известных из писем — обращений граждан к уполномоченному по правам человека Челябинской области. При этом по каждому случаю использовались интегрированные разноплановые источники социологических данных в единстве их взаимосвязей и динамике развития. Здесь особенно важны близость анализируемого случая к реальной жизни и практике порождения несправедливости, понимание причин поведения человека, участвующего в порождении и разрешении случая-ситуации. В результате

¹ Социологическое исследование «Анализ воспроизводства социальной несправедливости в отношениях власти и общества (на примере Челябинской области)». Методы: кейс-стади, слабо структурированное интервью, анализ документов. Объем выборки: 100 респ., участвовавших в разрешении ситуации (50 — граждане, обратившиеся за помощью к уполномоченному по правам человека, 40 — представители власти, 10 — работники офиса УПЧ); 50 писем — обращений граждан к УПЧ. Сентябрь — октябрь 2011 г. Научные руководители: Л. А. Василенко, Н. И. Миронова.

обработки таких случаев рождаются коллективные групповые портреты респондентов как агентов коллективного социального действия, объединенных общим контекстом анализируемой ситуации. Их поведение определяется не только не очень хорошими правилами решения реальных жизненных проблем (или полным их отсутствием), но и ментальностью, доминирующим мировоззрением, сложившимися привычками, способами организации, институтами управления и степенью социальной развитости индивидов.

Рассмотрим положенное в теоретическое основание исследования разнообразие человеческих отношений, в которых возникает, формируется и воспроизводится несправедливость. Эти отношения формируются под воздействием идентичности, типов социального поведения, организационных предпочтений, а также отношений индивидов и социальных групп, с одной стороны, и властных моделей и институтов, с другой (см.: [14, с. 85—127]). В социальном исследовании [13] областью содержания понятия «социальная несправедливость» выступает социальный сценарий, в котором она возникает и воспроизводится. Типы организационных предпочтений выражаются в сценариях: *традиционном* для *Homo sapiens*, *племенном* для *Homo mobilis*, *авторитарном* для *Homo faber*, *демократическом* для *Homo ludens* и *гражданском* для *Homo divinus*. Идентичности определены как: *Homo sapiens* — человек разумный, *Homo mobilis* — человек подвижный, *Homo faber* — человек ремесленный, *Homo ludens* — человек играющий и *Homo divinus* — человек творящий. Типы социального поведения определены как: *конформистский*, *реформистский*, *модернистский* и *трансформистский*. Распределение в социуме типов социального поведения определяет социальную динамику. Отличительным признаком властных моделей и институтов в традиционном и гражданском

сценариях является принцип субъект-субъектных отношений, в авторитарном, переходном и демократическом — субъект-объектных. Моделировались пять типов властных отношений.

1. Интерактивный — Н (низкоинформационный, по М. Кастельсу), субъект-субъектный — тип властных отношений, реализуемый в условиях традиционного сценария, при идентичности *Homo sapiens* и преобладающем типе конформистского поведения в условиях высокого консенсуса базовых ценностей жизни и кооперации для устойчивого сосуществования при низкой информационной общности общества.

2. Проактивный — М (мобильный), субъект-объектный — тип властных отношений, возникающий в условиях племенного сценария при идентичности *Homo mobilis* и преобладании следующих типов поведения: конформистского в обществе (90 %) и трансформистского у лидеров (10 %). Данный тип отношений реализуется в условиях снижающегося консенсуса базовых ценностей при низкой информационной общности общества (объект управления) и повышающейся информационной субъектности управления. Племенной сценарий вызывает особый интерес, поскольку его примеры в современных интерпретациях обнаруживаются в современном мире.

3. Проактивный — О (оседлый), субъект-объектный — тип властных отношений, реализуемый в условиях низкого консенсуса базовых ценностей при низкой информационной общности общества и высокой информационной власти в условиях авторитарного сценария при идентичности *Homo faber*, при конформистском социальном поведении элит (10 %) и реформистском — общества (90 %). Реформистское поведение обусловлено желанием вернуться в более счастливое, пусть и далекое (иногда очень далекое), прошлое.

4. Реактивный, субъект-объектный — тип властных отношений, реализуемый в условиях инверсии от низкого к растущему консенсусу базовых ценностей при быстро повышающейся информационности общества в демократическом сценарии при сочетании конформистского (60 %), реформистского (20 %, политические консерваторы) и модернистского (20 %, политические демократы) поведения. Консенсус базовых ценностей растет вместе с успехами развития переговорной культуры.

5. Интерактивный — В (высокоинформационный), субъект-субъектный — тип властных отношений, реализуемый в условиях высокого консенсуса базовых ценностей жизни и кооперации для устойчивого сосуществования при высокой информационности общества и власти в гражданском сценарии при сочетании конформистского (60 %), модернистского (20 %) и трансформистского (20 %) типов поведения [13].

Предметом социологического анализа стали представления респондентов о несправедливости, их ментальные установки, нормы и ценности, особенности социальных ролей, внутренние ощущения и чувства, взаимоотношения и реализация сути отношений органов власти и граждан. Источниками информации по каждому исследуемому случаю служили документы — письма и обращения граждан к уполномоченному по правам человека Челябинской области (УПЧ) и в органы власти; публикации в СМИ; обращения УПЧ к субъектам законодательной инициативы; протоколы парламентских и общественных слушаний, а также глубинные интервью участников разбора жалоб и обращений, экспертов, разработанные в парадигме синергетического подхода. Респондентами выступили люди, участвующие в исследуемом событии в разных социальных ролях. Это позволило выявить субъектную основу

несправедливости и получить всестороннее описание и интерпретацию фактов несправедливости в совокупности многих аспектов, представляя некий обобщенный образ несправедливости, определяемый надындивидуальными структурами. На заключительном этапе по каждому случаю все полученные данные интегрировались.

Рассмотрим некоторые результаты исследования [13]. В сценарии *традиционного общества* доминирует *Номо sapiens*. Ему свойственен естественный интуитивный системный подход, позволяющий легко и малозатратно коэволюционировать в гармонии и содружестве с окружающей средой. Знания этого архетипа создаются доступной в жизнедеятельности информацией. Мобильность низкая. Он пластичен, готов к риску в каждую секунду, склонен к синтезу, креативности, настроен на общественную выгоду и кооперацию внутри своей лакуны проживания. Культуру управления можно назвать «женской»: в ней власть и ответственность распределены, каждый является субъектом управления.

В исследовании типа властных отношений Интерактивный — Н (низкоинформационный), реализуемого в условиях традиционного сценария, идентичность *Номо sapiens* и преобладающий тип конформистского поведения определяются следующими факторами: *моральность, властность, затратность управления, идентичность, базовые ценности, информационность*, значения которых определяются позициями интервьюируемых индивидов.

Сценарий *Номо sapiens* выражен у части респондентов, но проявляется лишь частично. Судя по результатам интервью, фактор моральности современного социума невысок. Несмотря на то, что значительное число респондентов (около 60 %) отметили вежливость оппонента, около трети опрошенных (35,9 %) сказали, что оппонент

оказывал психологическое давление на заявителя, а 84,6 % — что оппонент «не захотел решать проблему», что противоречит субъект-субъектным отношениям традиционного общества. Работа власти, по мнению респондентов, мало направлена на общественную выгоду, большая часть из них не поддерживают утверждение: «Социальная обязанность власти — быть альтруистичной, работать только в интересах общества», причем респонденты — представители органов власти чаще, чем граждане-заявители, выбирали данную позицию (79,9 и 51,4 % соответственно). По словам 78,9 % заявителей, сотрудник органа власти при рассмотрении обращения был несправедлив. Выявлены невысокая степень кооперации и распределения ответственности, неравенство отношений власти и общества.

Сравним представленные выше данные с другой крайностью: с проявлением властных отношений типа Интерактивный — В (высокоинформационный), реализуемых в гражданском сценарии *Homo divinus*.

Начиная исследование, авторы предполагали, что гражданам, обращающимся с жалобами в органы власти, свойственен тип поведения, тяготеющий скорее к традиционному сценарию, а представителям органов власти, реализующим реформационные преобразования, — реактивный или Интерактивный — В типы властных отношений, реализуемые в гражданском и демократическом сценариях. Результаты исследования выявили, что это не так. Сравнение наличия позиции трансформаторского типа у респондентов из числа граждан, обратившихся к УПЧ, и представителей органов власти, участвовавших в рассмотрении их обращений, показало, что граждане-заявители в большей мере считают источником несправедливости «само время перемен» и непредвиденные социальные изменения, они чаще поддерживают утверждение: «Социальная

обязанность власти — делиться властными полномочиями с гражданами», у них более высокий уровень использования Интернета как источника независимой информации и значительно (почти в два раза) более высокий уровень приверженности такой базовой ценности, как дети. Представители власти, участвующие в рассмотрении обращений граждан, на 27,5 % чаще поддерживают утверждение о том, что для борьбы с несправедливостью нужно изменить правила использования власти, большая их часть рассматривает коррупцию как «свойство организационной системы» (на 18,9 % чаще, чем граждане-заявители), полагая более высокой коррупцию законодателей по сравнению с судебной властью. У них на 17,5 % выше творческая активность, они в два раза чаще поддерживают утверждение о том, что социальные перемены следует использовать, «чтобы не упустить свой шанс», и рассматривают несправедливость как «попрание человеческого достоинства».

Следует отметить консенсус двух рассматриваемых социальных групп по многим позициям трансформаторского типа поведения, в том числе в представлении несправедливости как потери свободы выбора и оценке роли сиюминутных амбиций и корыстных интересов политической власти в провоцировании несправедливости; более половины каждой из двух групп выразили готовность ответить на несправедливость организацией активных индивидуальных действий, более 70 % обеих групп готовы защищать такую ценность, как жизнь, более 65 % — здоровье.

Наличие в социуме модернистских типов поведения, присущих авторитарному сценарию, свидетельствует о сценарной неоднородности общества и влиянии этого многосценарного эффекта на все четыре паттерна общественно-го бытия. Конформизм властных элит

сфокусирован на удержании статус-кво и проведении мобилизационной модернизации за счет общества. Откликом на последнюю и становится реформистское социальное поведение общества.

Так, граждане-заявители чаще рассматривают Интернет как способ коммуникаций с миром (52,5 и 30,3 % соответственно); 50,4 % представителей органов власти, участвующих в рассмотрении обращений граждан, считают, что главную роль в провоцировании властью несправедливости играют законодательная власть и плохие законы, тогда как среди граждан-заявителей эту позицию поддержали только 27,5 %. Отметим консенсус этих двух социальных групп по ряду позиций модернистского типа поведения: например, в том, что «несправедливость может подтолкнуть к борьбе за свободу», а для борьбы с несправедливостью нужно дать власти полную свободу действий, так как «только она может обеспечить справедливость». Равная их часть (по 25 %) поддерживает утверждение об объективности перемен и выражает намерение их гуманизации.

Выявлен консенсус двух групп респондентов по ряду позиций *конформистского* типа поведения, например, в утверждении: «Несправедливость — это потеря моральных ориентиров, которая может подтолкнуть к борьбе за свободу» (22,6 и 25 %) и в том, что для борьбы с несправедливостью нужно дать власти ограниченную свободу действий, но под общественным надзором (40,3 и 40 %). Близко распределение по численности респондентов, стремящихся в борьбе с социальной несправедливостью защищать свои ценности — безопасность (30 и 40 %) и Отечество (10 и 7,5 %). Последнее показывает, что порождение несправедливости несет в себе потенциал угрозы национальной безопасности страны:

едва ли граждане, ощущающие несправедливость, будут в кризисный момент защищать свое Отечество.

Итоги исследования показали обострение конфликта этики и политики, нарастание — между добром и злом, т. е. он шире, чем между властью и обществом. Это зло может возратить россиян в авторитарный сценарий. Возможность социальной динамики в направлении гражданского сценария может быть упущена, хотя нет оснований для распространения данного вывода на весь социум: исследование касается только двух небольших социальных групп в Челябинской области, более всех других ощущающих на себе тяжесть конфликта добра и зла. Однако авторами выявлен потенциал преодоления обозначенного конфликта, допустимый при определенных условиях.

Потенциал высокой информативности может проявиться в способности генерировать новые модели управления. При этом наблюдается наличие у граждан ожиданий этих новых моделей, а значит, при их появлении граждане, скорее всего, поддержат ростки нового. Их ожидания подкрепляются низким моральным уровнем власти, которая может объявить о введении ожидаемых гражданами новых моделей управления, а на деле предложить только новую форму с прежним внутренним содержанием, осуществив сдвиг по противоположному вектору от гражданского сценария. Отметим, что хронологической последовательности сценарных сдвигов нет. Многообразие сочетаний социальных факторов определяет социальную динамику и ее вариативность.

Рассмотрим другой пример социального познания через применение методологической основы кроссдисциплинарного синтеза, создающее возможность обратиться к теоретическим концептам наук, ранее весьма далеких друг от друга.

Так, применение концепции фрактальности² к исследованиям деструктивных процессов с учетом закономерностей коэволюции, одновременного развития социальных процессов на разных иерархических уровнях, от низших к высшим и наоборот, позволяет использовать достижения естественных наук и наук о живом как проявление фрактальной природы социальных процессов в живой природе [15].

Волны деструктивных процессов неизбежно распространяются от одного иерархического уровня социальной системы к другому, от низших к высшим и наоборот, при этом событие — первоисточник деструктивного процесса может происходить в самых разных «точках» и на самых разных уровнях системы. Рост агрессии и насилия у большего числа индивидов продуцирует рост насилия и агрессивности во фракталах более высокого иерархического уровня. Фрактальным структурам в социальных системах свойственны динамика и самоорганизация в процессе строительства себя со свойствами самоподобия, далеко не всегда структурного (как видимого топологического), но также мыслительного и поведенческого. Здесь работают закономерности развития живых систем, стремящихся к самосохранению, при этом главной функциональной

целью любой живой системы является сохранение системы более высокого уровня иерархии, поскольку именно там накапливается в сжатом виде наиболее важная информация, позволяющая самовоспроизводиться [16]. Этим объясняется, почему закономерны импульсы распространения агрессии. Социальная структура, получив однажды импульс информационного заражения, начинает в искаженном виде тиражироваться во времени и пространстве. Всплески агрессии в семье или социальном учреждении могут происходить с мета-уровня, где их породили воспитание и (или) генетическая предрасположенность к определенному типу реакций на внешние раздражители либо сложившиеся модели поведения (см., например, результаты журналистского расследования массовой практики насильственного и неоправданного помещения детей-сирот в психоневрологические интернаты [17]).

Опыт пережитого ребенком насилия со стороны родителей или других взрослых, в особенности отягощенный, если этот взрослый — воспитатель, учитель, или ребенка — свидетеля насилия, особенно в семье, увольнение взрослого человека или ощущение им несправедливого отношения к себе на работе или в социальной группе не всегда и не обязательно, но часто мультиплицируется в подобных форматах энергоинформационного обмена вследствие возможного искажения и повреждения ценностной структуры мировосприятия и формирования своеобразного мема — прототипа социального гена — на следующих уровнях. Как отмечал Р. Жирар: «Неизбежно наступает момент, когда насилие можно обуздать лишь другим насилием. Побеждаем ли мы или нет в наших попытках подавить его, настоящим победителем является само насилие... Насилие — это бушующее пламя, питающееся теми самими объектами,

² Фрактал (лат. *fractus* — дробный) — понятие, описывающее множество, которое характеризуется свойством динамического самоподобия. Это свойство присуще объектам живой и неживой природы. Другим важным свойством фрактальных структур является рекурсия как способ их образования, заключающийся в повторяющемся воспроизводстве своего изначального образца по одному и тому же правилу; таким образом, любой малый фрагмент такого объекта (множества) подобен другому, полученному на следующем уровне итерации, и всей структуре в целом. Термин введен в научный оборот математиком Б. Мандельбротом, создателем фрактальной геометрии, и в точном своем определении опирается на более сложную концепцию, связанную с различными гранями категории размерности и инвариантности. — *Прим. авт.*

которые предназначаются для того, чтобы его потушить» [18, с. 32]. Вместе с тем рожденный однажды опыт позитивной формы поведения также фиксируется в социальной памяти как потенциал начала динамического процесса самоорганизации на принципе самоподобия на основе другого ценностного базисного приоритета — любви, социальное значение которой для формирования гражданского общества (по мнению авторов, впервые в философском контексте) фундаментально рассмотрел Адам Фергюсон в своем «Опыте истории гражданского общества» (1767), а в социологическом ключе глубоко раскрыл в своих трудах Питирим Сорокин. Задачей же современной науки с ее новыми возможностями становится формирование связанных целостных теорий и моделей, позволяющих определить, почему одни форматы поведения в социуме стремительно распространяются, тогда как другие могут долго находиться в «спящем» состоянии. Среди возможных факторов — наличие достаточной энергетической мощности акта насилия или альтруистической любви как события — первоисточника того или иного фрактального процесса, а также особенностей восприятия конкретного человека — его участника как жертвы, агрессора или спасателя. В социальной структуре — это накал эмоций и чувств. Но данная версия требует изучения выполненных и проведения дополнительных фундаментальных исследований. Одна из возможных идей такого исследования может строиться на феномене эволюционной фрактальности через поиск ментальных истоков самоподобия, архетипических знаний, изначально существующих в человеке, и их изменений под воздействием социального окружения.

Лауреат Нобелевской премии по экономике Д. Норт и соавторы фундаментального труда «Насилие и социальные порядки» [19], предложив продуктивные концептуальные рамки для исследования

обсуждаемой проблематики, признают, что этих рамок недостаточно для целостного и взаимосвязанного построения соответствующей теории. Однако, на взгляд авторов статьи, применение знаний естественных наук о закономерностях развития живого и природы сознания сегодня уже может на качественно ином, чем ранее, уровне помочь в решении этой методологической проблемы. Разработки в области фрактально-эволюционного подхода, дающие составляющие *универсальных* законов развития жизни на Земле, по мнению авторов, могут выступать продуктивной основой для создания методологии и методик исследования состояния образований социума как импульсных саморазвивающихся механизмов, с использованием такого свойства фракталов, как самоподобие — повторение формы, сходной с образцом, в различном масштабе (часть идентична или тождественна целому по форме структуры или поведения (мышления)), и с выявлением механизмов энергетического и информационного сжатия, способностей передавать сжатую (упакованную) информацию от одних уровней организационной иерархии другим.

Проведение социологического эксперимента по изучению механизма *социоструктурной, социомыслительной и социоповеденческой фрактальности* через включение исследователя в социальную систему с применением энергетики самоподобных иерархических структур одновременно на всех уровнях (индивидуальном, групповом, институциональном, на уровне района, города) может стать также способом оздоровления социума.

В заключение обозначим перспективы развития подходов к методологии познавательных процессов. Нахождение нового порядка и путей перехода к нему сопряжено с выяснением, каким образом в наблюдаемом хаосе рождается

порядок, каковы источники наблюдаемого хаоса и будущего порядка, а сам поиск зародышей последнего тесно связан с социокультурными детерминантами взаимодействующих индивидов, их мышлением, поведением, этикой и ценностями. Тесные коммуникации современного социума в связи с процессами глобализации и стремительного развития сетевых информационных технологий предопределяют необходимость мультипарадигмального, кроссдисциплинарного методологического основания процесса познания и диалогических подходов. При этом диалог приобретает качественно новое звучание, он возможен как между субъектами и культурами, так и, в определенных границах, в виде встречного движения науки и теологии (например, в Оксфорде изучение теологии до сих пор является обязательной составляющей образовательного процесса).

Однако в России вопрос о содержании, целях и рамках изучения теологии требует отдельного и особого обсуждения и, на взгляд авторов, должен сопровождаться обязательным изучением не только различных ветвей теологического знания, но и современных версий эволюционных теорий, в которых российская научная мысль (представленная прежде всего трудами по разработке теории *естественного упорядочения* Э. М. Галимова [20], В. А. Дементьева, Б. А. Богатых [21], в оппозицию и дополнение к пока все еще более популярным концепциям отбора и номогенеза) находится на передовых рубежах мировой науки. В основе идеи Л. А. Колесниковой о возможности применения фрактально-эволюционного подхода к формированию универсальной методологии исследования социальных систем лежат идеи Б. А. Богатых об универсальной фрактальной природе живого и сознания [21], а источником осознания новых возможностей научной рациональности

послужили труды отечественных эволюционистов Э. М. Галимова [20] и В. А. Дементьева, шведского эволюциониста А. Лима-де-Фариа [22] и др. Принципы методологии кроссдисциплинарного изучения социальных и инновационных процессов включают в себя, среди прочего, необходимость редуцирования к принципам эволюционной теории, развивающейся в условиях наступившей эпохи Четвертого синтеза — взаимопроникновения идей естественных и гуманитарных наук, искусства и теологии с осознанием нового качества их возможностей и ограничений. В них также входит принципиально новый взгляд на дуализм как философский фундамент и неинтегрализм как «реинкарнацию» идей П. Сорокина и приоритет созидательных ценностей в поиске решений фундаментальных проблем сохранения экосистемы и человеческой цивилизации [23; 24].

Понимание нового качества научной рациональности делает возможным кроссдисциплинарный синтез знаний из различных социальных наук, в том числе результатов кросскультурных исследований, и гармонизацию соответствующих пространств знаний и данных. Речь идет о методологии фрактального кроссдисциплинарного синтеза применительно не только к методам, но и к принципам. Например, вариация известной управленческой аббревиатуры SMART в одноименный принцип оценки корректности построения пространства знаний и данных информационного пространства исследовательского проекта³ содержит трехуровневую составляющую критерия *согласованности*.

³ SMART: S — *специфичность*, или соответствие предмету исследования; M — *уровень метрологической точности*; A — *внутренняя согласованность*; R — *реалистичность* уровня трудоемкости обновления; T — *достаточность глубины временных рамок доступной ретроспективы*.

1. *Семантическая* / смысловая — на уровне согласованных подходов к определению:

а) самих данных;

б) содержания базовых категорий и понятий, характеристиками которых призваны служить данные.

2. *Методологическая* — при синтезе данных / знаний из разных областей социальных наук — на уровне базовых принципов, образующих ту или иную методологию социальной науки как источника синтезируемого знания.

3. *Методическая* — на уровне применения методов генерации, обработки и структурирования данных.

Исследование механизма развития социальной системы на основе новой методологии научной рациональности — фрактально-эволюционного подхода позволяет выявить возможности и особенности многомерности развития и гармонизации коммуникаций между различными уровнями социальных структур, в том числе и между индивидами. Это позволяет накапливать потенциал развития всего социума, а новые возможности поиска путей и методов согласования институтов, определяющих развитие науки и образования, — обеспечивать процессы взаимного понимания смыслов.

Литература

1. **Крейк А. И.** Синергия. Новосибирск: НСУ, 2002. 70 с.
2. **Аришинов В. И., Казаков Н. Д.** Синергетика как модель междисциплинарного синтеза // Математика, естествознание и культура: сб. обзоров и рефератов / Отв. ред. и сост. А. Панченко. М.: ИНИОН, 1983. С. 42—62.
3. **Василенко Л. А.** Особенности применения гибких методов проведения социологических исследований и возможностей их интерпретации // Современная социология — современной России: сб. статей памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А. О. Крыштановского [Электронный ресурс]. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 46—62. 1 электрон. диск (CD-ROM).
4. **Делокаров К. Х.** Рационализм и социосинергетика // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 117—124.
5. **Князева Е. Н.** Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса. М.: ИФ РАН, 1995. 228 с.
6. **Селье Г.** От мечты к открытию: как стать ученым / Пер. с англ. Н. И. Войсунской. М.: Прогресс, 1987. 368 с.: ил.
7. **Степин В. С.** Становление норм и идеалов постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки / [Отв. ред. Е. А. Мамчур]. М.: ИФ РАН, 1992. С. 3—16.
8. **Пригожин А. И.** Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2010. 432 с.
9. **Стивенсон С.** Жизнь по понятиям: моральные правила «реальных пацанов» / Европейский университет в Санкт-Петербурге // YouTube — видеохостинг [Электронный ресурс]. Опул.: 3 апр. 2015 г. URL: http://www.youtube.com/watch?v=g_HSNps_yi8 (дата обращения: 18.08.2015).
10. **Стивенсон С. А.** «Обычные пацаны»: уличные подростково-молодежные компании Москвы // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 30—34.
11. **Glaser B. G., Strauss A. L.** The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine, 1967. 271 p.
12. **Найт Ф. Х.** Риск, неопределенность и прибыль: монография / Пер. с англ. М. Я. Каждана; науч. ред. пер. В. Г. Гребенников. М.: Дело, 2003. 359 с.: ил. (Современная институционально-экономическая теория).
13. **Василенко Л. А., Миронова Н. И.** Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. № 1. С. 47—53.
14. **Миронова Н. И.** Гражданский социум в современном государственном управлении: социальная динамика. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2007. 259 с.: ил.
15. **Василенко Л. А., Колесникова Л. А., Пискалакова-Паркер М. П.** Применение концепции фрактальности к исследованию деструктивных процессов методами клинической социологии // Человеческий капитал. 2012. № 9. С. 62—67.
16. **Колесникова Л. А.** Революция фрактального кросс-дисциплинарного синтеза или естественные начала и вопросы методологии междисциплинарного диалога в социальных и гуманитарных науках // Социология. Естествознание. Общество: сб. науч. статей и мат-лов Всеросс. науч. конф. «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности» (12—13 декабря 2014 г., Москва) / Под общ. ред. Н. Е. Покровского. М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов»: ООО «Вариант», 2014. С. 13—18.

17. **Рождественский И.** Воспитательная психиатрия: Как российских сирот отправляют в психбольницы за плохое поведение // Медуза = Meduza: Независимое общественно-политическое сетевое издание / Гл. ред. Г. Тимченко. 2015. 13 мая. URL: <https://meduza.io/feature/2015/05/13/vospitatelnaya-psihiatriya/> (дата обращения: 18.08.2015).
18. **Girard R.** Violence and the Sacred. London; N.Y.: Continuum, 2005. 352 p.
19. **Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б.** Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера [и др.]. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 478 с.
20. **Галимов Э. М.** Феномен жизни: между равновесием и нелинейностью. Происхождение и принципы эволюции. М.: Едиториал УРСС, 2001. 254 с.: граф.
21. **Богатых Б. А.** Фрактальная природа живого: системное исследование биологической эволюции и природы сознания. М.: URSS: ЛИБРОКОМ, 2012. 353 с.: ил.
22. **Лима-де-Фариа А.** Эволюция без отбора: автоэволюция формы и функции / Пер. с англ. Е. Б. Кофмана, Н. О. Фоминой; под ред. Л. И. Корочкина. М.: Мир, 1991. 455 с.: ил., схем.
23. **Колесникова Л. А.** Время четвертого синтеза, или Манифест кроссдисциплинарного методолога // Человеческий капитал. 2012. № 8. С. 104—107.
24. **Степанов А. К., Колесникова Л. А.** Достижения современной эволюционной теории как естественнонаучная основа исследований инновационных процессов в экономике и обществе // Социология. Естествознание. Общество: сб. науч. статей и мат-лов Всеросс. науч. конф. «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности» (12—13 декабря 2014 г., Москва) / Под общ. ред. Н. Е. Покровского. М.: РОО «Сообщество профессиональных социологов»: ООО «Вариант», 2014. С. 18—24.

Василенко Людмила Александровна — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор Института государственной службы и управления (ИГСУ) РАНХиГС при Президенте РФ.
E-mail: vasilenkola@mail.ru

Колесникова Людмила Арнольдовна — доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры экономики и финансов общественного сектора ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ.
E-mail: lvladimirova@yandex.ru

Эффективность влияния политических партий России на процессы политического управления

А. С. Епифанов¹, Т. В. Растимешина²

¹ *Московский государственный областной университет (МГОУ)*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

Усиление управленческой мощи государства, ставшего в современной России наиболее эффективным субъектом управления обществом, авторы связывают, среди прочего, с концентрацией властных ресурсов в руках административной элиты. Обращается внимание на сопровождающие ее процессы: приостановку демократического транзита и сужение политического спектра. Подчеркивается необходимость осмысления этих тенденций государством как угрозы политической безопасности страны. Приведение политического спектра в состояние оптимальной ширины названо одним из императивов обеспечения политической безопасности современного российского общества.

Ключевые слова: эффективность политической партии; административная элита; реставрация авторитарного бюрократизма; партия власти; политический спектр страны.

Политическая система нашей страны, как показывает ее история, развивается в соответствии со следующей закономерностью: «Верховная власть в России, начиная со Смутного времени, зиждется на сложном сочетании различных оснований легитимности: договорном, преемственном, наследственном, выборно-демократическом. После прерывания династической преемственности, под давлением правящей верхушки (боярства, ЦК ВКПБ, олигархов и т. д.) верховная власть обращается к поиску новых способов легитимации. В “смутных” условиях все инструменты применяются для того, чтобы укрепить власть как “вещь в себе”, поэтому любая форма власти в России рано или поздно крепится на сторону абсолютизма» [1, с. 77]. Об этом свидетельствует и то, что в последние годы ключевым инструментом воздействия на общественное сознание стал имидж В. В. Путина — центральной фигуры и самой власти, и ее картины в государстве.

© Епифанов А. С., Растимешина Т. В.

В ходе избирательной кампании 2007 г. Путин дал партии «Единая Россия» официальное разрешение использовать его имя и образ в целях получения конституционного большинства в Государственной Думе 5-го созыва. Сегодня эта политическая организация обрела статус партии власти, однако эффективность ее крайне низка, а влияние на политику незначительно.

На наш взгляд, сложившееся противоречие закономерно: низкая автономность партии и слияние с бюрократией лишают ее политического веса и делают слабым, почти невесомым субъектом политических процессов. Для доказательства этого тезиса на базе рассмотрения весомости партий как политических институтов в современных политических процессах нам необходима методологическая опора, четкое понимание того, какой их аспект мы будем рассматривать.

Так, в качестве объекта могут выступать политические процессы, в основе которых — борьба за власть.

Они, в свою очередь, подразделяются на конвенциональные (осуществляемые в правовом поле, т. е. прежде всего избирательные) и протекающие с использованием не электоральных, в том числе протестных, методов. Кроме того, объектом исследования могут быть процессы осуществления власти, в первую очередь государственное управление. Эти два направления являются ключевыми при оценке правительственного статуса партий и партийной системы, который, соответственно, складывается из двух компонентов: электоральной мощи и политического веса (значения в государственном управлении).

Об *эффективности участия* партий во властных процессах мы можем судить, основываясь на предложенной С. С. Сулакшиным [2, с. 88] оценке осуществления партиями следующих функций посредничества между обществом и властью:

- 1) выявление интересов и проблем социума, их артикуляция;
- 2) сигнально-информационная трансляция по линии *социум — власть*;
- 3) консультирование (интеллектуальный усилитель) власти;
- 4) участие в выработке властных решений (научно-экспертная поддержка власти);
- 5) участие в принятии властных решений (давление, лоббирование);
- 6) участие в реализации властных решений (популяризация, мобилизация, общественный контроль, обратные связи);
- 7) участие в формировании власти через выборы.

При оценке *управленческой эффективности* политических партий нужно учитывать принципиально важное обстоятельство: они действуют не только наряду с другими партиями, но и в конкуренции и сотрудничестве с иными акторами государственного управления: президентом, правительством и др.

Эффективность партий в законодательном процессе можно измерить, применив количественные методы. Так, приняв за 100 % все законы, принятые Государственной Думой с 1996 по 2007 г., увидим, что из законодательных инициатив депутатов ГД РФ форму законов приобрели только 14 %, а Президента РФ — 87,57 %. При этом «пороговым» можно считать 2000 г., когда одним из активных субъектов законодательной инициативы стало Правительство РФ (его законодательная эффективность за указанный период составила почти 74 %). Полученные данные позволяют сформулировать проблему: партии и партийные системы, для которых главный канал участия в процессах осуществления власти — законодательный процесс, фактически не проявляют и не реализуют законодательной инициативы. В этом отношении состязательно-конкурентная функция партий и состязательность политического процесса нивелируются, а сам он постепенно приобретает административно-директивные формы (см.: [2—4]).

Сокращение состязательности законодательного процесса ставит проблему сужения диалогического пространства *социум — власть*, ограничивая и функции партий, связанных с реализацией законного представительства социальных интересов отдельных социальных групп и общества в целом. Не отлажены в рамках политических процессов в современной России и такие механизмы, как консультирование власти по ключевым вопросам идеологии и практики общественной жизни, интеллектуальная (научная) поддержка административных институтов, давление и лоббирование со стороны отдельных партий или партийной системы в целом.

Некоторый упадок управленческой и представительской значимости политических партий и партийной системы

в последние десятилетия показывают и социологические опросы. Уровень доверия российских граждан к партиям ниже 10 %, что даже меньше, чем к профессиональным союзам и средствам массовой информации, и значительно меньше, чем к церкви (см.: [5—7] и др.).

Необходимость повышения эффективности партийной системы в сфере выполнения ими функций посредничества между обществом и системой государственной власти и государственного управления не вызывает сомнений, но можно ли изменить ситуацию к лучшему? Большая часть независимых экспертов по вопросам социального управления [8—11] считает, что перспективы есть.

Эффективность государственного управления может быть оценена с использованием не только экономического инструментария (максимизация полученного результата при минимизации затраченных ресурсов), но и теоретико-политологического (качество государственного управления по отношению к теоретической модели общественного блага для каждой личности и социума в целом). Задача применения второго подхода в значительной степени облегчается тем, что общественное благо (в том или ином виде) заявляет в качестве цели своей деятельности каждый субъект политического процесса, и партии в первую очередь, в своих программных документах, содержащих обещание добиться положительного результата в решении проблем общенационального значения.

Определить способы повышения эффективности управления позволяет анализ политического спектра. Положение партии в нем есть производная от ответов на общественно значимые вопросы, артикулированных партией в программных документах и имеющих правую или левую ориентацию. Она отражает

те пути, по которым партия предлагает идти обществу при решении проблем общенационального значения. Иными словами, идеология (занимающая, по словам М. Дюверже [12], центральное место в теории партий) воздействует на другие характеристики и таким образом имеет для нас тройное значение:

1) ею продиктованы заявленные в программных документах цели, а они выступают в качестве исходного ориентира для оценки эффективности каждой отдельной партии;

2) она определенным образом маркирует партию и дает основания определить ее место на шкале право-левой ориентации относительно других партий;

3) именно она позволяет применить к построению политического спектра математические методы и сделать вывод о многочисленности и разнообразии предлагаемых партиями путей развития общества и государства.

По мнению С. С. Сулакшина, существуют показатели оптимальной ширины политического спектра для России. Он пишет: «Когда ширина политического спектра нулевая — нет мысли, нет дискурса, общество замерзает, снижается эффективность государства, возникает кризисообразующая ситуация, которая и проявляет себя в соответствующий исторический момент времени. Соответственно, есть и обратная ситуация — когда общество перегрето, его политический градус зашкаливает, оно атомизировано, смысл консолидированной позиции исчезает, возникает генерация всякого рода безумия, которое влияет на власть. И это вторая кризисообразующая область соответствующего состояния социума. При таком разбросе значений появляется необходимость в определении оптимального коридора ширины политического спектра...» [2, с. 98]. Исследования социологов подтверждают состоятельность теории Сулакшина, причем параметры

упомянутого коридора поддаются вычислению: если наложить математические модели ширины спектра на графики, отражающие различные показатели развития страны, общества и государства, то при оптимальной его ширине отрицательные характеристики будут сглажены, а положительные — усилены.

Сегодня политический спектр России критически сужен, причем большую его часть занимает партия власти. В политическом процессе пространство дискуссии и конкуренции также опасно сузилось, в законодательном и управленческом — процессы принятия решений монополизируются, и наиболее мощными монополиями выступают президент и федеральное правительство.

Безусловно, чтобы не впасть в добросовестное заблуждение, от которого предостерегал Аристотель знаменитой аксиомой логики: «После того — не значит вследствие того», — мы должны признать, что причинно-следственная связь ширины политического спектра с параметрами развития страны достоверно не установлена. Вместе с тем, если принять эффективность государственного управления за промежуточный показатель, то в этой трехчастной системе проследить взаимозависимость не трудно. Достаточность такого рода доказательств пока также не очевидна, однако мы склонны видеть наличие закономерной зависимости. В качестве дополнительного метода ее исследования мы применили историко-политологический анализ.

Сопоставление политических процессов, их содержания и направленности с тенденциями изменения ширины политического спектра в различные периоды развития нашей страны показывает, что политические партии как институты обеспечения коммуникации между запросами общества и ответами государства на них при достаточно широкой представленности

в политическом пространстве страны могут повысить качество государственного управления и стать фактором и субъектом обеспечения его эффективности.

Причины неэффективности российской многопартийной системы интересуют многих авторов. Так, Г. В. Голосов [13], мнение которого мы склонны разделять, связывает ее с реставрацией авторитарного бюрократизма. Действительно, в сложившейся системе осуществления власти и государственного управления партии и их система почти не влияют на законодательные и исполнительные решения органов власти. Субъектом принятия всех решений стал административно-политический класс, заинтересованный в консервации режима «управляемой демократии» [14]. В этой системе партии стали не претендентами на власть, а, напротив, управляемым инструментом, который политический класс использует для ограничения доступа к ней любых альтернативных, тем более оппозиционных, сил [14]. По большому счету, «государственное здание» уже «спроектировано» по схемам демократического централизма: «...с несамостоятельной в своих решениях Государственной Думой, декоративным Советом Федерации, бесправными органами представительства, зато со всемогущим аппаратом органов исполнительной власти» [15] (см. также: [16;17] и др.).

Анализ вышесказанного приводит нас к выводу, что государство в России в последние годы усилилось как институт управления, в том числе благодаря концентрации властных ресурсов в руках административной элиты, однако ослабло как субъект обеспечения прав и свобод граждан, а многие его функции, для осуществления которых необходима прямая связь с обществом, не реализуются. Демократический транзит и модернизация общества приостановлены,

более того, по ряду направлений наблюдается политическая стагнация и даже архаизация.

Таким образом, реставрация авторитарного бюрократизма — одна из главных причин неэффективности партийной системы. Вместе с тем большинство исследователей ([18; 19] и др.) сходятся во мнении, что она не единственная: причины образуют сложный комплекс, в их числе — неразвитость политической культуры участия у российского общества и политической элиты, отсутствие социальной базы у большинства партий, краткость истории российского парламентаризма и т. д., вследствие чего этими авторами «состояние партийной системы оценивается как “ущербное” и даже кризисное, по целому ряду причин» [15].

Вместе с тем нельзя не отметить: многие ученые солидарны в том, что оценку состояния политической системы нельзя считать достаточным результатом политологического анализа, поскольку сегодняшнее состояние партийной системы России — не конечная стадия ее развития. В дальнейшем тенденция к сужению политического спектра может дать системе дополнительный толчок к развитию в направлении однопартийности. Соответственно, выявление основных тенденций и прогнозирование может и должно сопровождаться поиском путей выхода из кризиса.

Известны два альтернативных механизма и пути воспроизводства политической системы: «...либо имитация государственного управления и манипуляции на выборах (приобретение власти в переворотах, в ее сакральном или диктаторском наследовании), что ведет к неизбежному слому системы, потому что низы рано или поздно не захотят жить в системе, которая не решает их проблемы. Либо второй путь — профессиональное, сбалансированное по интересам социальных страт решение проблем

страны по существу, что обещает достижение устойчивого, гармоничного развития. Здесь важна роль медиаторов» [2, с. 87]. Сегодня эффективность медиаторов недостаточна для воспроизводства власти по второму сценарию, что также увеличивает вероятность дальнейшего разворачивания стагнационных тенденций.

В обществе обозначаются и активно действуют две противоположные точки политического спектра. С одной стороны, это социализм, сочетающийся с идеологической концепцией национализма, идеологией патриотизма, великодержавности, традиционализма и т. д. В последние годы эти идеологические конструкты активно поддерживаются, внедряются и продвигаются государством. Они же занимают большую часть политического спектра, что интерпретируется некоторыми социологами как идеологическая и социально-политическая стабилизация и даже гармония. С другой его стороны располагаются такие идеологические концепты, как права человека, самооценочность, достоинство и свобода личности и иные конструкты, которые обычно определяют и маркируют как либеральные.

За последние годы политический спектр сузился за счет сокращения диапазона, связанного с либерализмом. Средства массовой информации, институты образования, пропагандистские силы и церковь единогласно утверждают, что именно такое состояние оптимально для России, поскольку обеспечивает стабильность и предсказуемость развития. Однако противоположная часть спектра могла бы стать частью системы сдержек и противовесов. Либеральные позиции присутствуют в сфере интересов и проблем социума, соответственно, он нуждается в том, чтобы они были представлены в политическом пространстве в виде сигнальной информации в направлении власти в ходе

принятия законодательных и управленческих решений и при реализации властных. Обществу требуется политический дискурс, диспут и достаточно широкий диапазон мнений и позиций. Мнение меньшинства должно быть представлено в спектре политических позиций, служить инструментом коррекции и, при необходимости, «оттачивания» мнения большинства. Представленность всего разнообразия убеждений в оптимально достаточной ширине в политическом спектре России видится нам важнейшим условием избегания стагнации. Партийная система, которая после выборов 2012 г. может характеризоваться как имитационно-многопартийная, должна получить новый импульс к развитию и политической активации.

Изложенное выше дает основания сформулировать ряд выводов.

Количественные показатели проявления и реализации законодательной инициативы и влияния на исполнительные решения органов государственного управления российских партий и их системы сегодня крайне низкие, что, в свою очередь, свидетельствует о малой эффективности самих партий в политических процессах, нивелировании их состязательно-конкурентных и представительских функций, а также приобретении политическим процессом административно-директивных форм и сужении диалогического пространства *социум — власть*.

Главной в комплексе причин низкой эффективности российской многопартийной системы следует считать реставрацию авторитарного бюрократизма.

На наш взгляд, если такое состояние политической системы и открывающиеся в связи с ним перспективы дальнейшего снижения эффективности партий будут осмыслены на уровне государства как угроза политической безопасности страны, это может побудить его проводить политику стимулирования политического

партийного строительства, с тем чтобы привести политический спектр в состояние оптимальной ширины. Более того, последнее можно и должно рассматривать как один из императивов обеспечения политической безопасности современного российского общества.

Литература

1. **Растимешина Т. В.** Культурное наследие Церкви в презентации великодержавной модели истории и образа «народной монархии» в современной России // Вестник МГАДА. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2012. № 5 (17). С. 76—85.
2. **Сулакшин С. С.** Политическая и партийная система России и государственное управление // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 1. С. 85—103.
3. Политическая и партийная система современной России: мат-лы Всеросс. науч. конф., 2 окт. 2009 г., Москва / Центр пробл. анал. и гос.-упр. проект. М.: Научный эксперт, 2009. 368 с.
4. **Шабров О. Ф.** Место избранных: Корпоративные интересы представлены в политической власти лучше всего // Независимая газета: прил. НГ-Политика. 2008. 16 дек. № 273 (4509).
5. Повестка дня для России: мат-лы круглых столов фонда «Единство во имя России» за 2003 г. / Под ред. В. А. Никонова. М.: Форум, 2004. 588 с.
6. **Каранетян Л. М.** Политические партии в судьбе России. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 264 с. (Конституционное, муниципальное и административное право).
7. **Барцц И. Н.** Реформа государственного управления в России: правовой аспект. М.: Форум права, 2007. 508 с.
8. **Кузык Б. Н.** Россия и мир в XXI веке. М.: Ин-т экономических стратегий, 2006. 639 с.
9. Государственная политика вывода России из демографического кризиса / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян и др. 2-е изд. М.: Научный эксперт, 2007. 888 с.
10. Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике: в 5 т. / В. И. Якунин, В. Л. Макаров, С. С. Сулакшин и др. М.: Научный эксперт, 2008.
11. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества: монография / В. И. Якунин, В. Э. Багдасарян, В. И. Куликов, С. С. Сулакшин. М.: Научный эксперт, 2009. 464 с.

12. **Дюверже М.** Политические партии: Пер. с фр. М.: Академический проект, 2000. 558 с. (Концепции).
13. **Голосов Г. В.** Партийные системы России и стран Восточной Европы. М.: Весь мир, 1999. 152 с.
14. **Ледяев В. Г.** Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 61—94.
15. **Исаков А. Л.** Модель архаизации политического процесса на материалах постсоветской политической эмпирики // Теория и практика общественного развития [онлайн-версия]. 2013. № 12. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2013/12/politika/isakov.pdf (дата обращения: 18.09.2015).
16. **Васильев В. И.** «Вертикаль» и «горизонталь». Правовые вопросы организации власти: [сб. ст.]. М.: Юристъ, 2006. 363 с. (Res cottidiana).
17. **Головченко В. И.** Партийно-идеологический фактор политической трансформации современной России / Под ред. А. А. Вилкова. М.: Наука, 2009. 236 с.
18. **Зотова З. М.** Политические партии и избирательный процесс. М.: РЦОИТ, 2002. 176 с. (Современные избирательные технологии).
19. **Грызлов Б. В.** Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2001. 20 с.

Епифанов Андрей Сергеевич — аспирант МГОУ. E-mail: aspirantura@mgou.ru

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: rast-v2012@yandex.ru

Электронное правительство Японии в контексте внутренней и внешней политики государства

А. А. Ефимов

Центр межрегионального бизнес-обучения (Москва)

Отмечается, что в качестве приоритетных при внедрении электронного правительства в Японии выбраны цели и задачи макроуровня, главная из которых — превращение страны в абсолютного мирового лидера в сфере развития ИТ-технологий. Утверждается, что программа внедрения электронных технологий в идеологию и практику управления Японии соответствует внешнеполитическим императивам. Подчеркивается, что повышение качества, скорости и эффективности взаимодействия государства с гражданами не акцентируется в качестве политической цели и достигается как промежуточная задача внедрения электронного правительства.

Ключевые слова: электронное правительство; внешняя политика; внутренняя политика; государство и гражданское общество; электронная демократия; информатизация; демократизация; государственные услуги.

Сегодня общепризнано, что Япония является одним из абсолютных мировых лидеров по уровню развития информационных технологий.

«Японское чудо», заключающееся в политической и экономической акцентуации приоритетности развития высоких технологий, тесной связи между информатизацией и демократизацией, особенно ярко проявилось после энергетического кризиса 1973 г. В начале 1970-х гг. энергетическая зависимость экономики Японии от внешних поставок нефти стала основной причиной сокрушительного тотального кризиса, поразившего экономику страны, однако послужила стимулом для очередного и самого мощного технологического и экономического броска. В последнее время информационная инфраструктура Японии — одна из наиболее развитых в мире.

Программа внедрения электронных технологий в идеологию и практику управления в Японии берет свое начало в марте 2001 г. Тогда была принята

программа «317 шагов», предусматривающая прохождение ряда этапов: 2001 — *e-Japan*, 2003 — *e-Japan 2*, 2006 — *IT*, 2010 — *i-Japan* и т. д., вплоть до 2055 г., когда Япония, в соответствии с реализуемым сегодня замыслом правительства, должна стать абсолютным лидером в сфере развития ИТ-технологий для всего мира. Программа определяет электронное правительство как «способ предоставления информации и оказания уже сформировавшегося набора государственных услуг гражданам, бизнесу, другим ветвям государственной власти и государственным чиновникам, при котором личное взаимодействие между государством и заявителем минимизировано и максимально возможно используются информационные технологии» [1].

Программа электронного правительства является одним из направлений реализации правительственной стратегии обеспечения Японии безраздельного господства на мировом рынке разработки и производства ИТ-продукции

и высокотехнологичных услуг. Главные внутренние цели проекта, в соответствии со стратегиями Министерства экономики, торговли и промышленности, Министерства финансов и секретариата кабинета министров, могут быть сформулированы следующим образом:

- системное (в первую очередь структурное) реформирование сферы производства и продажи информационных технологий;
- реклама и стимулирование спроса на продукцию ИТ-промышленности;
- увеличение доступности государственных услуг для населения;
- обеспечение экономии в сфере государственного администрирования;
- повышение эффективности работы органов государственного управления;
- снятие значительной части бюрократических барьеров и упрощение административных процедур для граждан и бизнеса;
- реформирование органов местного самоуправления; построение единой государственно-муниципальной системы оказания услуг для понижения их стоимости, роста эффективности и обеспечения сочетаемости [1].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что приоритет при внедрении электронного правительства в Японии отдается целям и задачам макроуровня, тогда как компоненты целей, связанные с повышением качества, скорости и эффективности взаимодействия государства с гражданами, почти не акцентируются. Именно они лежат в основе идеологии электронного правительства в западных странах, однако в Японии специфика таких правительственных стереотипов во многом обусловлена традиционными особенностями взаимоотношений граждан и государства. С одной стороны, можно с уверенностью сказать, что в Японии сформировано демократическое и социально

ориентированное государство. С другой стороны, традиционализм и консерватизм представляют собой базовые компоненты сознания рядовых граждан. Верность традициям в политическом сознании японцев сопровождается уважением к власти и недоверием к переменам, японское гражданское общество в целом отличается пассивностью и конвенциональностью, а доминирующими и наиболее популярными идеологиями являются консерватизм и неоконсерватизм: «В политической культуре Японии по-прежнему остаются главными корпоративизм, групповые нормы поведения и связанный с ними эгалитаризм, а также консервативная апологетика традиционных ценностей. Японские неоконсерваторы сумели найти результативные средства решения социальных проблем, которые активно стимулируют индивидуальные достижения, не отрицая при этом социальное выравнивание и приоритет общего над индивидуальным» [2].

Радикальные преобразования неприемлемы для политической культуры Японии, а глубокое реформирование основ политической, экономической или социальной жизни всегда носит вынужденный характер. Японцы сохраняют приверженность политике своего государства, она, как правило, не подлежит критике со стороны рядовых граждан. Легитимность власти, содержания и характера отношений между гражданами и государством в Японии также не принято ставить под сомнение [3]. Еще одна важная черта организации гражданской жизни Японии — относительное равнодушие граждан к политике и недоверие к политическим рычагам воздействия на социальную и экономическую ситуацию в стране и политике как таковой. Эти особенности политической культуры Японии создают базис для существования исключительно японского феномена: отсутствие гражданской активности и легального

протеста, совпадение главных позиций общественного мнения с официальной политической доктриной не свидетельствует о тоталитаризме, а, напротив, является одним из ключевых признаков японской демократии.

Комплекс политических прав граждан Японии содержит преимущественно избирательные права. Следует отметить, что уважение, которое японцы традиционно испытывают к государству и органам государственной власти, делает возможным кодификацию конституцией права граждан на подачу петиций, в том числе содержащих требование отрешать от должности чиновников, ущемляющих их права. Это дает нам основания предполагать, что взаимоотношения граждан и чиновников любого уровня строятся на договоренности о взаимном пиетете. В противном случае чиновники, пренебрегая конституционным правом граждан на уважение, могли бы создать населению повод для такого количества петиций, которое, в свою очередь, поставило бы под угрозу функционирование всей системы государственного управления.

Вместе с тем действия японских политиков, решения, могущие показаться излишне радикальными гражданам иных демократических стран, опираются на послушание и трудолюбие большинства японцев, поскольку «истoki коллективного сознания японцев уходят в глубину веков, связанных с тотальным внедрением буддизма. Буддийский магический ритуал, не утративший свое значение в современности, как совокупность специальных приемов действий и слов обеспечивал сотрудничество власти с массами, направляя их сознание в желаемое русло. <...> Современные японцы позиционируют себя в принадлежности к социальной группе, признают железную логику дисциплины, отдают должное традиционным ценностям и не забывают оказывать уважение старшим по возрасту и положению» [2].

Электронное правительство Японии в этом контексте можно рассматривать не только как инструмент реформирования системы управления в государстве, но и как способ оптимизации самого процесса социального управления. Такая идеология электронного правительства во многом феноменальна для традиционных демократий. С одной стороны, она позволяет японскому правительству решать внутригосударственную задачу экономии ресурсов на предоставление гражданам и юридическим лицам государственных услуг, при этом фактически не идет речи о росте доверия граждан к правительству и государственной власти в целом (его уровень изначально достаточен для проведения в жизнь необходимых правительству политических решений). С другой стороны, благодаря поддержке граждан, государство может двигаться восходящим курсом по пространству мировой экономики и политики, снимая дисбаланс между экономической мощью и слабостью геополитического позиционирования.

В начале одним из приоритетных направлений работы государственных и муниципальных органов власти по внедрению электронного правительства было технологическое, в рамках которого решалась задача обеспечения всех жителей острова доступом к высокоскоростному Интернету. На первом этапе внедрения проекта в Японии была в кратчайшие сроки построена сверхскоростная интернет-сеть, а доступ к ней открыт повсеместно, из каждой, даже самой удаленной от столицы, точки страны. Внедрение новых технологий сопровождалось широкомаштабной пропагандистской кампанией по популяризации онлайн-услуг: с одной стороны, предоставлялся выбор, в какой форме воспользоваться государственной услугой, с другой — предпочтение онлайн-пользования поощрялось.

Возглавлял и координировал продвижение новых технологий взаимодействия государства и граждан правительственный орган: Штаб по рекламе электронного правительства. Примечательно, что его руководитель, премьер-министр Ё. Мори, до начала работы над проектом электронного правительства ни разу в жизни не пользовался компьютером и не подключался к Интернету. Однако именно его фигура, олицетворявшая новые подходы к государственному управлению, стала своего рода символом идеологии технологического скачка, вдохновила значительную часть населения страны на преодоление консерватизма и отказ от неприятия инноваций. Рекламная кампания электронного правительства очень быстро дала ощутимые результаты (возможно, отчасти объяснимые лояльностью японцев правительственным решениям). Помимо этого свою эффективность показали и технологические решения, на базе которых строится концепция электронного правительства. Они непрерывно обновляются, разработка и внедрение все более совершенных из них сопровождает каждый новый этап работы над управленческой концепцией.

Кроме технологического и пропагандистского направления правительство развивало кадровое и нормативно-правовое обеспечение электронного правительства. Был подготовлен и принят ряд важнейших законов и регламентов, в частности правила электронного предпринимательства и торговли, значительно облегчившие переход взаимодействия коммерческих партнеров в виртуальное пространство; разрабатывалась и совершенствовалась правовая база самого электронного правительства. Кадровое направление было связано с обучением, переподготовкой и повышением квалификации работников государственного и муниципального управления, образования, руководителей крупнейших

коммерческих структур, предприятий и банков с целью подготовить их к квалифицированному труду в виртуальном пространстве цифровой эпохи.

Благодаря предпринятым на первом этапе реализации программы многосторонним мерам, к 2005 г. Япония стала, как и планировалось, одним из лидеров внедрения цифровых технологий во взаимоотношения в сфере коммерции и государственного управления. При этом уже в 2003 г. стартовал второй этап программы — *e-Japan 2*. В его концепцию была заложена идея изменения сознания простых граждан, с тем чтобы сделать близкой и понятной каждому японцу мысль о том, что информационные технологии могут стать основой построения новой, более эффективной модели общества. Комплекс основных мер по реализации этой идеологии был нацелен на достижение следующих приоритетных задач: проведение структурных реформ для обеспечения мощного технологического скачка и значительного роста ВВП; внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь рядовых пользователей; усиление технологической конкурентоспособности Японии на внешнем рынке информации, связи и технологий.

Дальнейшее развитие концепция электронного правительства получила в 2007 г., а с 2010 по 2015 г. реализуется четвертая ступень реформ, в рамках которой онлайн-технологии внедряются во все социально значимые сферы, прежде всего здравоохранения и медицинского обслуживания, а также образования, переподготовки и повышения квалификации кадров. Постановка настолько амбициозных задач для четвертого этапа стала возможной благодаря тому, что первые три были пройдены исключительно эффективно. Так, Интернет подешевел для рядовых пользователей более чем в 2 раза, за 10 лет количество его пользователей возросло

в 37 раз; более 92 % документооборота между гражданами и государством осуществляется онлайн, а более 96 % мобильных абонентов используют мобильные средства связи 3-го поколения.

В сфере государственного управления важнейшей японской инновацией стала идеология открытого правительства: сегодня в стране создается административный канал, где концентрируется вся информация о работе органов государственного управления, доступ к которой не запрещен законодательно, с тем чтобы все граждане могли следить за работой чиновников и контролировать их действия и решения. Идеология открытого правительства имеет строгую законодательную базу. Она была заложена уже в 2001 г., когда парламент принял закон «О раскрытии информации», обязывающий органы государственной власти открывать гражданам и любому заинтересованному пользователю официальную информацию о работе должностных лиц и учреждений. Технологический скачок сделал возможной полноценную реализацию этого закона, в соответствии с которым органы власти несут ответственность перед гражданами за своевременное обеспечение доступа ко всей информации. Если гражданин считает себя ущемленным в праве, предусмотренном законом, он может подать апелляцию в Совет по контролю за раскрытием информации. В Японии законодательно урегулировано и формирование и обновление реестра (также фактически открытого для всех граждан) должностных лиц и государственных служащих, замешанных в коррупционных преступлениях, причастных к коррупционным скандалам и даже просто подозреваемых в фактах коррупции. Эта норма и ее административное и технологическое обеспечение позволяют гражданам почти в реальном времени контролировать действия и поведение конкретных чиновников.

Перевод бумажного документооборота в онлайн-форму — одна из задач, которую удалось решить за годы формирования электронного правительства. На этом пути были преодолены значительные технологические и правовые трудности, связанные с необходимостью создания законодательной и надежной технической базы для осуществления процедур идентификации физических и юридических лиц, подтверждения личности физических лиц и правового статуса юридических через распознавание электронной подписи. Сегодня эту правовую и технологическую процедуру применяют в Японии очень широко, причем не только во взаимоотношениях граждан и государства, но и в сферах частного и коммерческого взаимодействия. Получили существенное развитие и такие области, как электронная сертификация и электронная торговля. В сфере последней возник, оформился и значительно распространился феномен виртуальных денег. Основой ему послужил скачкообразный рост (сопутствующий развитию электронного правительства и сетевых технологий в целом) рынка электронных платежей. Важнейшим импульсом к становлению рынка электронных банковских услуг стало принятие законодательной базы, опираясь на которую коммерческие структуры, не имевшие лицензии финансовых учреждений, получили возможность предоставлять услуги перевода денежных средств.

Одна из важнейших социальных задач, решаемых в рамках программы развития электронного правительства, — опека над людьми пожилого возраста. Старение населения на фоне роста продолжительности жизни и сокращения рождаемости — одна из насущных социальных проблем Японии (имеющая и экономическое измерение, связанное со снижением численности работоспособного населения

при росте количества пенсионеров, нуждающихся в государственной социальной защите и опеке). Увеличение доли пожилых людей в общей численности населения также приводит к возрастанию нагрузки на системы здравоохранения, медицинского и бытового обслуживания, служб социальной опеки.

Опыт Японии по вторичной социализации представителей старшего поколения посредством новых компьютерных технологий ценен и для России, и для всего мира. Пожилых людей становится все больше и в нашей стране, причем как на фоне падения рождаемости, так и при отсутствии необходимых ресурсов для оптимизации социальной политики в отношении пожилых. С учетом этого государство должно проявить политическую волю для введения системы срочных мер, которые обеспечат потребности людей старшего возраста.

Внедрение направления «электронное правительство для пожилых» в Японии опиралось на длительные социологические исследования и анализ статистических данных. В результате их обработки правительство констатировало неутешительные факты о настоящем пожилого населения и столкнулось с еще менее утешительным прогнозом.

По данным статистики, около 80 % пожилых японцев стремятся к сохранению социальной и экономической активности, поэтому проект «электронное правительство для пожилых» не только решает задачи, связанные с социальным призранием, но и, приоритетно, нацелен на содействие пожилым людям в максимально возможной реализации выраженного ими стремления. Для японского общества это особенно важно, поскольку, согласно прогнозам, к 2050 г. пожилым (старше 65 лет) будет не менее 40 % всего населения страны.

Работа по обеспечению доступности Интернета для всех граждан и пропаганда онлайн-сервисов оказались

плодотворными и в отношении людей старшего поколения. Большинство пожилых японцев пользуются не только Интернетом, но и мобильными устройствами доступа в него, а среди тех, кто пока не является пользователем онлайн-сервисов, подавляющее большинство выражает желание получить возможность доступа и обрести достаточные знания и навыки для этого: «Согласно обследованию, охватившему примерно 300 человек в возрасте старше 55 лет и проведенному в 2010 году Институтом электронного правительства, 80 % респондентов были способны использовать ИКТ и делали это ежедневно. Из них 50 % научились использовать устройства самостоятельно, в то время как 20 % были обучены другими людьми; и 18 % сочли, что в самостоятельном обучении или прохождении инструктажа нет необходимости, поскольку в работе устройств можно разобраться интуитивно, а 6 % пришли к заключению, что легко следовать инструкциям по применению устройств» [4]. Таким образом, пропаганда возможностей электронного правительства и политика «вооружения» абсолютного большинства населения электронными устройствами и компьютерными технологиями позволили преодолеть традиционализм и консерватизм даже стареющей части населения.

Аналитики отмечают, что ориентированность сервисов электронного правительства на нужды пожилых людей связана не только с осознанной на политическом уровне потребностью в развитии системы социальной заботы о пожилых. В «пожилом» ИКТ-бизнесе есть и значимая экономическая составляющая, поскольку его развитию способствует несколько весомых экономических стимулов. Пожилые люди в Японии более состоятельны, чем молодые: лица старше 65 лет являются держателями более 60 % личных финансовых активов, составляющих немалую часть финансовой системы

Японии. В определенном смысле это самая платежеспособная группа граждан. Вместе с тем именно она представляет собой меньшую, но наиболее «дорогую» с точки зрения бюджетных затрат часть пользователей систем социального обеспечения и здравоохранения. Более того, данные статистики свидетельствуют, что пожилые люди, как правило, наиболее уязвимы во время стихийных бедствий. Так, 70 % пострадавших от цунами 2011 г. принадлежали к этой возрастной категории [4].

Соответственно, любой бизнес, направленный на удовлетворение социальных потребностей людей старшего возраста, относится к потенциально прибыльным. Так, согласно оценке Университета Васэда, к 2035 г. стоимость коммерческих операций в рамках «серебряного» (т. е. обслуживающего пожилых потребителей) ИКТ-бизнеса может достигнуть 1 трлн долл. США [4].

В связи с этим правительство Японии уделяет самое серьезное внимание как развитию «электронного правительства для пожилых», так и внедрению и адаптации под нужды старшего поколения других платформ и сервисов (например, электронного участия и электронного здравоохранения). Учитывая прогнозируемое продолжение старения населения, эти отрасли будут расширять и прибавлять к ним новые сервисы: непрерывное образование в течение всей жизни; трудоустройство пожилых; уход за больными и инвалидами; пенсионная система; система охраны окружающей среды; участие в общественной жизни; электронное правительство страны, регионов и электронные города; новая транспортная идеология и т. д.

В заключение отметим следующее: понимание на уровне правительства прямой зависимости будущего Японии

от качества жизни пожилых людей ведет к тому, что все шаги, связанные с развитием электронного правительства и иных электронных сервисов, анализируются с точки зрения степени соответствия создаваемых сервисов, технологий, инфраструктуры, услуг, приложений и устройств нуждам, возможностям и требованиям стареющего населения. В этой работе японское правительство и компании-партнеры сотрудничают с правительствами других стран (Дании, Италии, Республики Корея), а также с международными организациями, такими как АТЭС, ОЭСР и ЮНЕСКО.

Накопленный японцами опыт в этой сфере неocenим для России, особенно в части становления и развития «серебряных» ИКТ-сервисов.

Литература

1. **Снитко А.** E-Money. E-Government Япония [Токио, 06/2010] // FastForward. [Электронный ресурс]. URL: <http://fforward.biz/visits/118-e-money-e-government/> (дата обращения: 24.08.2015).
2. **Шарко М. В.** Японский опыт построения гражданского общества // Национальные интересы: [онлайн-версия]. 2007. № 1. URL: http://www.ni-journal.ru/archive/2007/n_1_2007/047b308a/d458bbf7/cf3010f2/index.htm (дата обращения: 23.08.2015).
3. **Шарко М. В.** Опыт построения гражданского общества в Японии // Представительная власть — XXI век. 2007. № 6. С. 24—27.
4. **Ивасаки Н.** Старееущее общество и ИКТ. Новая растущая отрасль? // ITU News Magazine: [Русская версия. Электронный ресурс]. 2013. № 10. URL: <https://itunews.itu.int/ru/Note.aspx?Note=4766> (дата обращения: 16.08.2015).
5. **Ирхин Ю. В.** XX Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки в Японии «Работает ли демократия?» // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 1. С. 222—244.

Ефимов Андрей Александрович — руководитель отдела информационного обеспечения Центра межрегионального бизнес-обучения (Москва). E-mail: centrMBO@mail.ru

Символическая объективация: конституирование онтологии (часть 2)

В. В. Ильин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Продолжая изучение проблемы социальной легитимации знания, автор исходит из необходимости исследования процесса символической объективации объекта путем применения категории «фация», введенной и обоснованной им на содержательном и формальном уровне в предшествующих работах. В дальнейшем рассмотрении ключевых этапов объективации когниций автор применяет свою оригинальную методологию для обнажения сути современной когнитивистики. Основные выводы о содержании предпосылок когнитивного синтеза сделаны в заключительной части статьи и подкреплены убедительными примерами из современной физики.

Ключевые слова: гипотезы существования; формы мышления; когнитивный синтез; трансцендентальный идеализм; априоризм; фация; символизм; автоморфизм.

Символизм — эмпиризм — априоризм. Дело сводится к следующему: с позиций антисхоластической методологии Нового времени (учения о новом органоне) наращивание содержательной компоненты знания связывается с опытным воздействием на природу эмпирическим испытанием, наведением, индуктивным принципом. Вовлечение опыта снимает довольно острую проблему предметных основ познания, однако не только не проливает свет на проблему его формальных основ, но, пожалуй, рассеивает последние лучи: индуктивная ассоцианистская техника не разворачивает удовлетворительной схемы складывания всеобщности — необходимости категориального знания.

Во-первых, индукция (нетривиальная, неполная) не позволяет логически строго вводить кванторные универсалии, получать номологические законосообразные выражения (см.: [1, § 10]). Во-вторых, по индуктивно-ассоцианистским методикам образуются не понятия (эссенциально общее, дистрибутивное целое), а квазипонятия (акцидентально общее, сходное, собирательное целое).

© Ильин В. В.

Критериологию различения дистрибутивных и собирательных целостностей индуктивизм (ассоцианизм) не вырабатывает. Собирательные признаки установимы индуктивно, но они всегда неполны — не всеобщи, не необходимы.

Необходимость, всеобщность проистекает не из самого опыта, а из его рационализации (с применением принципа свертывания, изолирующей абстракции, отождествления). По справедливому замечанию Лейбница, «индукция сама по себе ничего не производит... если к ней на помощь не приходят предположения, зависящие не от индукции, а от общего принципа» [2, с. 95].

Существо названного философом принципа проясняется представлением того, что индукция поставляет «содержание», но не дает «всеобще-необходимости», а дедукция поставляет «форму» (всеобще-необходимость), но не дает «нетривиальности». Задачу совместить одно с другим (всеобще-необходимость с нетривиальностью), собственно, решает трансцендентализм (кантианство) учением о синтетическом *a priori*, — моделью продуктивных синтезов.

Серьезный изъян данной модели — фактическая вымышленность знания, творимого по неустановленным правилам воображения с неустановленным включением аффицирования. Иной достойный разбора ее недостаток — трактовка существа предпосылок знания, к каковым относятся априорные формы чувственности (пространство и время) и рассудка (категории).

Кант ставит мысленный эксперимент: предполагает пространство и время объективными, присущими вещам самим по себе — и обнаруживает, что в этом случае существует множество априорных и аподиктических синтетических положений относительно их природы [3, с. 83]. Поскольку на этой стадии обоснования к какому-то точному заключению прийти нельзя, остается согласиться: допустим, окажется, что их множество. Демонстрация продолжается: так как «положения геометрии можно познать синтетически *a priori* и с аподиктической достоверностью, то... откуда получаете вы такие положения и на чем основывается наш рассудок, чтобы прийти к таким безусловно необходимым и общезначимым истинам?» [3, с. 83]. Вопрос не риторический. Кант настаивал, что здесь нет иного пути, кроме как через понятия или созерцания, данные или *a priori*, или *a posteriori*. В последнем случае эмпирические понятия и фундирующие их созерцания окажутся опытно синтетическими, а значит, лишены необходимой и абсолютной всеобщности, свойственной геометрии как теории. Методом исключения остается иная возможность: пространство и время — субъективные априорные формы — условия синтетических всеобще-необходимых положений геометрии. В пределах обоснования сказанного получает простор хроногеометрическое атрибутирование: пространство объявляется бесконечным, трехмерным, и кратчайшим расстоянием между двумя

точками в нем является прямая [3, с. 67, 68, 252]. Легко заметить, что схематическим остовом такой атрибуции выступает заимствуемый из культуры евклидов вариант сценографии реальности, канонизируемый под видом априорно-абсолютного. Запомним это.

Типологический прием *заимствование* — *канонизация* используется и при экспликации природы априорных форм рассудка. В основе опытного знания — понятия о предметах, делающих возможным опыт [3, с. 124]. На данном резоне они необходимо и априорно относятся к предметам опыта — только с их помощью можно мыслить предметы опыта вообще. Это — принципиально. А конкретно? Как с геометрией, фактический способ осмысления предметов рекрутируется из наличной когнитивной техники, — в нашем случае естествознания, — эвристические презумпции которого в лице механистической сценографии мира абсолютизируются и универсализируются. (Твердый и упорный прием *заимствование* — *канонизация* сопровождает хождение в лабиринтах синтетических основоположений чистого рассудка — аксиомы созерцания, антиципации восприятия, аналогии опыта, постулаты эмпирического мышления вообще, — представляющих краткий конспект ньютоновой картины действительности.) Запомним и это.

Активная роль форм мышления, символических мыслительных форм сказывается в конструктивно-синтетической способности мысли, самоиницируясь, выстраивать образы-сценарии реальности с задействованием продуктивного воображения. Однако здесь важно не доходить до крайности, достигнуть выверенности, соблюсти реалистичность. Формы мышления, символические формы (*SF*) обладают мощнейшим синтетическим ресурсом автокаталитического когнитивного связывания: «Мы ничего не можем представить себе

связанным в опыте, чего прежде не связали бы сами», — утверждает Кант [3, с. 127]. Данную максиму требуется понять правильно, принимая в расчет:

1) *предпосылочность* (представление связанности — усматривание связи — в отношении к текущему познанию объекта вводится предварительно, в транскрипции не «априорно» (внеопытно), а предпосылочно (доопытно): всякое наличное познание руководится заранее выработанными идеями);

2) *автоморфичность* (источник связывания — символическая автокаталитическая способность, — посредством мыслительных автоморфных процессов развертывается тематическое сценографирование предметности, категориальное конструирование мира, при этом когнитивная конструктивно-креативная связь приводит визуально данное многообразие в мыслительно упорядоченное единство);

3) *самодетельность* (среди всех представлений «связь» есть «единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодетельности» [3, с. 127]).

Рассмотренный выше триплекс понятий действительно служит ключом к экспликации гносеологического существа форм мышления. Сторонники эксплуатации данной триады получают необходимый реквизит сочленения нетривиальности (в обход ассоцианистского индуктивизма) с аподиктичностью (избегая схоластического дедуктивизма) и решают тем самым капитальную теоретико-познавательную проблему генеалогии нетривиального всеобщего-необходимого знания. Между тем «необходимый» реквизит не означает «достаточный». Остается упомянутый ранее тонкий сюжет «вымышленности»: если знание есть только плод конструктивно-креативной способности воображения, как оно может быть предметным, содержательным,

гносеологически альтернативным маниакальному видению, домыслу, фантастическому предположению, наваждению?

Проблема демаркации двухосна — ожидает решения и в плоскости «форма», и в плоскости «содержание». В первой плоскости заявляется представляющий решение продуктивный синтез. А во второй? Отвечая *ex abrupto*¹, на стадии кантианства остается удовольствоваться трансцендентальным априоризмом. В подспудье, как мы запомнили, в качестве предпосылочной предметной универсалии Кант использует образ знания своего времени, превращая его в абсолютное внешнее условие всякого возможного знания (т. е. *sub specie æternitatis*²), что, как выяснилось, чревато несообразиями фоссилизации тех или иных далеко не общезначимых компонентов базисной теории евклидо-ньютоновой сценографии мира.

Поскольку преформизм такого рода в отношении познавательной техники неоправдан, напрашивается более органичный, вытекающий из самого духа нашего исследования ход, определяемый столь естественными шагами, как:

— отказ от выстраивания теории познания в ракурсе *sub specie æternitatis*; как всякая добротная теория, она черпает опору не в абсолютных (в некоем до-скональном смысле), а в относительных предпосылках;

— обращение к положительным историческим социально-культурным реалиям производства и удостоверения знания (всей продуктивной цепочки когнитивных актов от контекста открытия до контекста оправдания) сообразно возможностям времени.

Социально-темпоральный регулятив рассмотрения привносит в гносеологию искомый момент реализма.

¹ Без подготовки (лат.).

² С точки зрения вечности (лат.).

Поставим вопрос максимально прямо: откуда заимствуются предпосылочные комплексы расширяющих когнитивных синтезов? Трансцендентализм указывает на априорную сферу, подкрепляя указание ссылкой на якобы абсолютную версию евклидовой хроногеометрии, представляющей всего лишь приближенный абстрактный образ реального пространства. Если проводить априоризм последовательно и точно, следует фокусироваться не на простейшей реализованной возможности, а на некоем общем понятии логически мыслимой среды обретения будущих конструктивных возможностей. Однако такое понятие для каждой конкретной стадии познавательного опыта пребывало бы как минимум неполным, а как максимум — пустым (*a priori* предметным образом перебрать, зарезервировать многообразие потенциальных вариаций невозможно). Понимая это, Кант канонизирует наличную евклидову форму с элементарными пространственными отношениями: бесконечность, трехмерность, расстояние между двумя точками в виде прямой.

Содержательное расширение понятия пространства произошло в результате выстраивания гиперболического пространства и евклидового пространства любого числа измерений. Максимально общее понятие математического пространства выдвинуто Риманом и нашло

дальнейшую детализацию в следующих моделях пространств: функциональных (Гильберт, Фреше, Рисс); полного нормированного (Банах); векторного; гильбертова; топологического и топологического векторного.

Простейшие вариации пространственных многообразий с постоянной кривизной объединены римановым пространством (евклидово, гиперболическое Лобачевского и параболическое — Римана, табл. 1). Используя специальный язык, относительно гипертрофированной Кантом «универсально-априорной» евклидовой формы позволительно высказать так: евклидова форма возникает в малых областях риманова пространства с точностью до малых высшего порядка сопоставительно с размерами области.

С физической (космологической) точки зрения, кривизна пространства задается параметром средней плотности космической материи $\rho_0 \approx 10^{-29}$ г/см³. (Значения кривизны и средней плотности вещества связаны в релятивистской теории эволюционирующей Вселенной уравнением

$$K/R^2 = 1/3 \chi \rho - H^2,$$

где K/R^2 — гауссова кривизна трехмерного пространства; ρ — средняя плотность вещества; H — постоянная Хаббла; χ — релятивистская гравитационная постоянная.)

Таблица 1

Варианты геометрии пространств

Плотность космической материи	Свойства пространства		Кратчайшее расстояние между двумя точками
	кривизна	конечность	
Евклидов вариант			
Равна ρ_0	0	Бесконечно	Прямая
Вариант Лобачевского (гиперболическая геометрия)			
Меньше ρ_0	−1	Бесконечно	Геодезическая линия*
Вариант частной римановой геометрии (параболическая геометрия)			
Больше ρ_0	+1	Конечно	Геодезическая линия

* «Геодезическая линия» — понятие, представляющее собой обобщение понятия прямой (отрезка прямой) на случай неевклидовых пространств, имеет вид спиральных, дугообразных, кругообразных, винтообразных кривых — кратчайших линий.

Социологический план: консолидация общения на базе утилизации символического материала в межсубъективном обмене деятельностью, интернализация установок, интегрирование трактовок, значений, интерпретативных методик в технологиях самовоспроизводства сообщества, обеспечивающих единство когнитивных реакций (закрепление стимулов — повышение частоты фигур поведения), образы выражения реальности в «коллективных представлениях».

Гносеологический план: унификация, стереотипизация процедур предикации, атрибуции, категоризации за счет стандартной утилизации потенциала гипотез (*H*) — *H*-существования, сопровождающих онтологизацию, объективацию абстракций.

Формы мышления озабочены исполнением своей прямой роли — связыванием. Мир складывается в знании из основополагающих идей, и характер складывания многоотсечен.

Содержание знания в виде характера предметного связывания объектной определенности мира целиком и полностью обусловлено *фацией*, которую можно трактовать как исторически данную, социокультурно специфицированную логически мыслимую форму — среду-абсорбер, где реализуются познавательные конструкции. Фация, следовательно, есть когнитивное пространство выполнения разнообразных предметно-содержательных осуществлений.

Чувственность — правила приведения многогранного содержания перцептивного созерцания к образному единству. Ключевое значение здесь имеют когнитивные карты, схемы, модели — легализуемые фациями эвристические лоции, действующие в режиме синтезирующей спонтанности. В доньютоновой небесной механике узаконивались кинематические реконструкции движения светил по небесному своду с обязательностью круговых траекторий

(докеплерова астрономия) — античный штамп присущности «эфирным телам» «совершенных» линий перемещения. Чувственное многообразие визуального материала в данном случае упорядочивалось организующими платформами:

— Гиппарха — Птолемея (геоцентризм);

— Аристарха — Коперника (гелиоцентризм; в варианте Коперника, вводящего мнимый центр, отстоящий от реального Солнца на $3/2e$ (экванта), — квазигелиоцентризм);

— Гераклида Понтийского — Тихо Браге (кентавризм, двоецентризм: центр планетной системы — Земля, Солнце обращается вокруг нее, планеты Солнечной системы — вокруг Солнца).

Предконцептуализация — символизация материи знания; двоякое опосредствование — перевод перцепций в знаковую форму (семиотизация) с переводом знаковой в эйдетическую форму (семантизация) (подробнее см.: [1]).

Семиотизация конкретизируется актами номинации, сигнификации и семантизации.

Номинация — введение имен, оформление терминизации (расширение тезауруса новацией «носорог»).

Сигнификация — лексическое связывание термина «носорог» с циркулирующими в фации (определенная эпоха — социум, культура, историческое время) выразительными фигурами-гипонимами «дракон» и «единорог», позволяющими по признаку тропного связывания сочленять новый вид с традиционными родовыми общностями. Идет лексическая таксономизация с опорой на логические родовидовые корреляции. (Лейбниц в проекте *Calculus ratiocinator* (исчисление рассуждений) полагал ограничиться данным этапом.)

Семантизация — придание знаковым выражениям смысловой определенности, перевод знаково представленной предметности в форму мысли, идейного

состояния, — задействование интерпретативного, экспликативного, тематизирующего ресурса — эйдетическое увязывание параметров вновь идентифицируемого «носорога» с известными «драконом» и «единорогом» с достижением смысловой и объектной идентификации.

Объектная идентификация — объективация, денотация, референция, — скачок из сферы мысли в сферу сущего через приписывание существования приписанному сущности — череда кон трактационных процедур:

- атрибуция — приписывание свойств;
- предикация — встраивание в отношения;
- реификация — придание приписываемым свойствам, отношениям, признакам статуса вещественности.

Паушальный эффект — онтологизация — переход от идейно приписанных параметров к параметрам реальным, конституирование по предикатам — существования. Идет онтологическая таксономизация с опорой на абстракцию отождествления, принцип свертывания, гипостазис понятий.

Фация легализует носорога как по месь «дракона с единорогом»; то же самое она проделывает с «силой притяжения» (эвристическая эпопея Эмпедокла — Орема — кембриджских платоников — Гука — Ньютона); аналогичное — с носителем гравитации — гравитоном (которому приписывается нулевая масса покоя, нулевой электрический заряд, спин 2). Абстракции (возможно, пустые, что задним числом — с точностью до протекшего опыта — выяснено лишь относительно «дракона с единорогом») наделяются денотатом. (В скобках озаботимся: что обуславливает такого рода неразборчивость фаций? И в качестве дополняющего вопроса — почему в одних случаях

они благоволят фикциям, а в других проявляют щепетильность (идиосинкразия к левитации)?)

Концептуализация — выстраивание полноценного объемного сценария предметности со слоями, уровнями бытия, версификацией их становления, динамики, структуры, связи, — протекает как развертывание *базисных теорий* (формально-аксиоматические, хроногеометрические конструкции, в обществознании сопрягающиеся с доктринацией назначения человека и человечества, индивидуальным и родовым применением разума) и *категорологии* — конституирующая роль концептов во введении понятий предметности (эйдетически связываются или не связываются разряды предметности — носорог с «драконом» и «единорогом»; на базе эйдетической селекции ревизуется активный выразительный фонд уровня лексико-семантических вариантов (ЛСВ); по принципам гипостазиса предикатов и свертывания аккредитуется существование — гравитон узаконивается, «левитон» не узаконивается), выстраивании координации и субординации ее (предметности) компонентов (в зависимости от определенности толкования предикабилей *абсолютное — относительное, возможное — действительное, причина — следствие* и т. д. оформляются черты мироздания с онтологическими преднамеренностями, умысленностями *динамическое — статическое* (крен в трактовке «закономерности»); *дальнодействие — близкодействие* (крен в трактовке «взаимодействия»); *силовое — несиловое* (крен в трактовке «связности») и т. д.), рефлексировании атрибутики сущего (дихотомии *статизм — динамизм, автономизм — холизм, феноменологизм — эссенциализм* и т. д.).

Категории есть формы мысли, но в отношении к сущему приобретают ранг объективной значимости. Причина — причастность триплексу: предметно-содержательная предпосылочность, автоморфичность, самодеятельность, —

находящемуся под юрисдикцией фации и означающему все познавательные предприятия.

Только один пример: классическая механика не проблематизирует момент «жесткости» твердых тел, руководствуясь презумпцией их «абсолютной жесткости», однако с позиций релятивистской механики таким образом подходить к вопросу неосмысленно. Если стержень $A-B$ достаточно длинный и абсолютно жесткий, передвижение конца A в то же мгновение повлечет за собой передвижение конца B . Специальная теория относительности (СТО) исключает такую возможность. Поскольку скорость передачи взаимодействия в пространстве не превышает «с», передвижение конца B должно отстоять на какую-то Δt от передвижения конца A ; они не могут произойти одновременно. Следовательно, «благодаря сжимаемости (не абсолютной жесткости. — В. И.) стержня движение передается по нему не мгновенно» [4, с. 70]. Казалось бы, элементарный феномен, а трактовка его фундируется рядом капитальных предпосылок, не побоимся сказать: ценой символически конструируемой онтологии мира.

Эскиз осмысления многоотсечности связывания в диахроническом разрезе дополняется таковым в синхроническом. По большому счету палитра обсуждаемых разнокалиберных, но одинаково важных познавательных действий укладывается в триединство дескрипции (описание), аскрипции (приписывание) и прескрипции (предписывание), с функциональной точки зрения обладающих конститутивной и регулятивной значимостью. Единосушно *urbi et orbi*³ они несут правду: что такое мир, как он устроен, откуда возник, как дан в знании, — что переводит рассуждения

³ Ко всеобщему сведению (лат. букв. городу и миру). Выражение использовалось в Древнем Риме как первая фраза при объявлении указов, законов и официальных обращений. — *Прим. ред.*

из отрешенного модуса «в себе» в приземленный модус «для нас». Универсум из ракурса «вещь сама по себе» трансформируется в ракурс «явление», вовлеченное в конкретно-историческое, социокультурное одействование с фациально структурированным диспозициональным полем (синтаксический, семантический, операциональный потенциал).

«Потенциально-возможное» (бытие само по себе) предстает для познания «реально-действительным» (в границах широко понятого «праксиса»), т. е. позитивно осваиваемым с точностью до разрешающих предпосылок. Определения потенциально-возможного сущего становятся предметными областями реально-действительного сущего (через автокаталитический триплекс). В противном случае (в случае нетрансцендентности познания) они не подпадают под «объект» изучения. (С гносеологической точки зрения понятие потенциальных миров — с возможными типами объектов в них — вирулентно. Последнее проявляется в недоуточненности, размытости понятия.

Требование объектности несет идею принципиальной различимости некоторого объекта во всевозможных дескрипциях, аскрипциях, прескрипциях — фиксациях его состояний в возможных мирах. Однако сделать это можно не всегда — часто не удастся снять проблему индивидуации, решая, какой объект в возможном мире соответствует индивиду из предметной области действительного (скажем, при оценке Великой теоремы Ферма) (см.: [5]). Получается прямо по Марксу: в познании «следует исходить именно из действительного субъекта и делать предметом своего рассмотрения его (курируемое фациями. — В. И.) объективирование» [6, с. 244].)

Фация как блок содержательно-го с ответственным аккумулирует системные императивы, категориальные

присутствия, к которым сводятся, из которых выводятся, которыми вводятся предметные определения мысли (от объектов до действий с ними), отмечает отношение к субъекту как суверену, выстраивает отношение к нему как функции. Не культура пребывает атрибутом субъекта — напротив, субъект пребывает атрибутом культуры. В такой инверсии — вся роль фаций.

Чтобы познавать, нужно иметь понятие, посредством которого предмет мыслится, т. е. связывается с равнодостоинственными общностями, частями, слоями предметности. При стандартном эмпирическом базисе (B_E) направляющее понятие привносится извне (не из априорных форм, а из тезауруса) — очерчиванием круга свойств, отношений, соотношений с разрядами реальности (в атрибуции, предикации, реификации). SF приписывают и предписывают явлениям признаки (часто безосновно); предмет с признаками становится в позиционное отношение к субъекту, оказывается его миропониманием. В константном B_E можно усмотреть «микс дракона с единорогом», а можно «семейство отряда непарнокопытных»; можно усмотреть «физическую энергию», а можно «божественную энергию — благодать»; можно усмотреть «разложение» (флогистонная теория горения Штала), а можно «соединение» (кислородная теория горения Лавуазье). С позиций *sub specie æternitatis* вопрос приемлемости толкования решается «незаведомым» отнесением к *status rerum*⁴ (SR). С позиций *sub specie temperatis*⁵ вопрос приемлемости толкования решается ситуационным отнесением к SF . «Объяснение явления природы, — напоминает Лауэ, — может состоять только в том, чтобы поставить его в связь с другими явлениями природы посредством известных законов» [7, с. 23]. Однако же постановка в связь,

использование законов контекстуальны. Смотри правде в лицо, перефразируя Энгельса, правомерно сказать: науку нельзя ни делать, ни толковать так, как будто бы ее содержание валится с неба [8, с. 174].

В XVII в. фация наводняла природознание антропоморфными образами, позволявшими, к примеру, утверждать: магнит любит красный цвет; если его обернуть красной фланелью, он прибавляет в силе [9, с. 5], потому что магнит — «царь камней», ему приличествует пурпурное одеяние (вместе с тем, в силу «царственной природы», магнит не выносит «плебейского» запаха чеснока: если его натереть луковичным растением, он утратит свои свойства). У средневекового изобретателя А. Кирхера, со всей серьезностью обосновывавшего сказанное (трактат «*Magnes; sive, De arte magnetica*», 1634), не возникало и тени крамольной мысли сопоставить утверждаемое с реальностью, верифицировать конструкцию.

В XX в. фация сталкивает геометрический и физический подходы в лице пикировки Ф. Клейна (Эрлангенская программа — истолкование геометрии на базе теории групп) и Ф.-Б. Римана (Геттингенская программа — истолкование геометрии на базе «пространственного интервала»). Два пути обобщения геометрии и связанные с ними пути перехода от классической механики к частной и от последней к общей теории относительности действительно «носят принципиально различный характер» [10, с. 13—14]. Гармонизировать антагонизм двух программ пытался Картан, видоизменив групповой подход, при котором «в каждой точке пространства задается группа локальных преобразований... а основным геометрическим объектом считается не расстояние между точками, а связность, характеризующая изменение геометрических величин при переходе из данной точки пространства

⁴ Положение дел (лат.), адекватность.

⁵ С точки зрения временности (лат.).

в соседние точки» [10, с. 14]. Акция Кар-
тана (независимо от эффекта), по боль-
шому счету, есть некий паллиатив общей
легализованной фацией стратегии пони-
мания пространства, а с ним — перспек-
тив развития физической теории на базе
эйнштейновской доктрины геометриза-
ции. Диспозициональный, регулятивный
фон последней заключается в предписа-
нии интерпретировать физические поля
в геометрических терминах (точно —
в обход *SR*), что само по себе позволяет
развертывать лишь неквантовые теории
гравитации и электромагнетизма (без
учета сильного, слабого взаимодействия).

Дело осложняется насаиванием
когерентных зависимостей научно-
предметных построений, позволяющих
обосновывать справедливость положе-
ний одних теорий посредством моде-
лирования их предметных областей на
предметных областях других теорий.
Скажем: кинематика СТО представляет
собой геометрию, причем такую, в кото-
рой используются иные предположения,
чем в евклидовой геометрии, однако

«во всех вопросах, касающихся про-
ективных взаимосвязей, эта геометрия
аналогична евклидовой»; таким обра-
зом, СТО в такой же мере непротиворе-
члива, как и геометрия [11, с. 130—131].

В чем уверенность, что СТО обосно-
вана? Разумеется, есть свидетельства B_E
в виде экспериментальных подтверж-
дений изменений массы, замедления
времени (поперечный эффект Доплера
и т. п.), но наиболее капитальное оправ-
дание дают косвенные и качественные
следствия, опирающиеся не на частные
факты, а «непосредственно на независи-
мость формы закона природы от инер-
циальных систем, получающихся одна
из другой с помощью преобразований
Лоренца» [11, с. 130—131]. Очевидно,
здесь трудно переоценить роль фации.

Рефлексия предметной универсали-
зации реальности вследствие легализу-
емых фацией содержательных связыва-
ний, продуктивных синтезов наводит
на существенное переосмысление гно-
сеологической генеалогии всеобщности
и необходимости знания.

Таблица 2

Сопряжение возможностей теоретизации гносеологической теорией

Течение	Основание нивелирования познавателя	Концепт	Стандартная когитальная реакция
Трансценден- тализм	Мыслительное единообразие	«Каждый нормально мыслящий»	На комплексы логизированного знания
Конвенциона- лизм	Дисижионист- ское	«Обязывающий консенсус»	На комплексы санкционированного знания
Прагматизм	Эффективист- ское	«Инструмен- тальная полезность»	На комплексы работоспособного знания
Социологизм	Символически интерактивное	—	На комплексы институцио- нализированного знания
Символиче- ский автомор- физм	Автокаталитиче- ский потенциал тезауруса	«Конструктив- ный синтез»	На комплексы фациально структурированного знания

С позиций развиваемых представ-
лений, — конкретно, из учета того, что
капитальные познавательные процессы

кристаллизации знания нормосооб-
разуются, ценностно регулируют-
ся фациями, — следует его (знания)

принципиально антитрансценденталистский характер: оно не может быть надындивидуальным, сверхличностным, имперсональным, транссубъективным в каком-то вневременно-внепространственном абсолютном смысле. Соответственно, не могут быть такими и его (знания) базовые признаки. Знание — с всеобщностью, необходимостью — тематизируется в социальной эпистемологии в терминах не «независимости от нас», а с точностью до наоборот: в «прямой от нас зависимости». Разумеется иницируемая фациями активная роль форм мышления, целеориентирующих познавательный процесс по всему горизонту его отправления.

Символический ареал фации, говоря словами Юнга, содержит «возможность и намек» — формирующуюся в исторической социокультуре атрибутику мысли. Обобщенно она детализируется понятием «трех С»: смысл, связывание, совместность.

Смысл. Активно используемые *Н*-существования, образопредставления, семантическая денотация, в лингвистическом аспекте представленные гипонимизацией, в логическом — родо-видовой таксономизацией, в эйдетическом — категоризацией (динамическая — стохастическая Вселенная). По эвристическим лекалам фаций выстраивается миропонимание, задается отношение принадлежности к тезаурусу (гравитация — левитация), делается осмысленной способность суждения (в виде утверждений об объектах реальности), определяются границы осмысленного опыта (справедливость взаимодействия: $v \leq c$ — близко-, $v > c$ — дальноедействие), регулируется правильность построения языковых формул (пропозиции, высказывания), осуществляется истолкование.

Связывание. Организация дескрипции, аскрипции, прескрипции предорганизуемой стереотипизацией мыследеятельности, унификацией интерпретативного,

экспликативного, версификативного процесса. Избирательность, предвзятость взмахов продуктивной синтезирующей мысли, ее идейная выдержанность, символическая запрограммированность — от характера презумпций (реалии языка) и пресуппозиций (реалии сознания и самосознания исторической социокультуры) категорологии.

Фациально выраженную родословную рассудка правомерно объяснять спецификой «узурпируемых» понятий. На лингвистическом уровне мы с «опережением» усваиваем слова, не зная стоящих за ними концептов. Конечно, словесная оболочка семантизирована. Между тем важно подчеркнуть момент исходной встроенности в активную лексическую культуру, комбинирующую акцентным запасом ЛСВ (где встречаются или нет «драконы» и «единороги», «гравитация» и «левитация»).

Далее — слова не дают понимания смысла, но предполагают его. Переход от предположения к разворачиванию смыслов дает категорология. На семантическом уровне идет мыслительное означивание словесных фигур благодаря налаживанию предметных связываний в горизонте высказывающих о сущем категориальных приращений (синтез) и прояснений (анализ), специфицирующих картину действительности. (Членение мира на связные альтернативные подразделения *вещество* — *антивещество*; *небесное* — *мирское* и т. п. с последующим установлением содержательных напряжений между ними — крайне эвристичный идейный прием: посредством обособления онтологических крайностей (диалектический прием столкновения противоположностей), изоморфных категориальным дихотомическим парам, с налаживанием координации и субординации между ними приобретает уникальная возможность, минуя частности, оформлять завершенные целостные

образы сущего, квалифицированно судить о нем. Взяв на вооружение данный прием, Гегель пытался перенаправить познание на рельсы категориального системосозидания, представляющего зеркальное отображение лулливского знакового.)

Совместность. Доверие вытекает из коммуникации. Искренняя убежденность в выверенности — не типа фидуции или дворянского, купеческого «слова» (вспомним казус учительствовавшего Декарта (см., напр., [12, с. 138]), адресуясь к которому сановная особа предложила: «Господин Декарт, — вы дворянин и я дворянин, — дайте слово, и к чему доказательства»?!), — а внутренней интенции трактовать некий материал неким способом, — следствие конституируемой фациями стилистики мыследеятельности, особенности удостоверенной *SF* картины действительности, смыслообразования, проникающего *in succum et sanguinem*⁶, пропитывающего все поры антропно-символического конструирования мироздания, все типы его концептуальных редакций и репрезентаций.

Уточнение гносеологического существа «трех С» оправдывает социально эпистемологическую транскрипцию всеобщности и необходимости: в пределах фации всеобщность — социальная универсальность, социологически не частичность, а общепризнанность, тогда как необходимость — социальная обязанность, деонтологически не произвольность, а безусловность.

Трансценденталистские формулы «нормально мыслящего», «обладающего разумом» получают в социальной эпистемике не соматическую, не логическую, а диспозициональную трактовку: предобусловленную непременность мыслить так, как предписывают фации — конденсируемые в них смыслы, связывания, интервалы совместности. С этой точки зрения левитация — еще

не компонент науки, поскольку не вовлечена в легализуемый фацией наукооборот под фирмой наукообразного реального, а «дракон с единорогом» — уже не компонент науки, поскольку выдворен из легализуемого фацией наукооборота под фирмой псевдонаукообразного нереального.

Литература

1. **Ильин В. В.** Философия истории: монография. М.: Изд-во МГУ, 2003. 380 с.: ил.
2. **Лейбниц Г.-В.** Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. 734 с. (Философское наследие).
3. **Кант И.** Критика чистого разума. М.: ЭКСМО, 2007. 736 с. (Антология мысли).
4. **Мандельштам Л. И.** Полное собрание трудов. Т. 4: Лекции по колебаниям. 1930—1932 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 512 с.
5. **Чупахин И. Я., Фатиев Н. И.** Современная модальная семантика и категория сущности // Вестник Ленинградского университета. Серия: Экономика. Философия. Право. 1981. Вып. 2. № 11. С. 100—104.
6. **Маркс К.** К критике гегелевской философии права // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1955. С. 219—368.
7. **Лауэ М.** История физики. М.: Гостехиздат, 1956. 230 с.
8. **Энгельс Ф.** Письма к разным лицам (январь 1893 — июль 1895) // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1966. С. 3—414.
9. **Лобимов Н. А.** Из книги иллюзий, тайн, чудес, открытий, диковинок, курьезов, предрассудков, заблуждений, мечтаний, невероятностей и невозможностей. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1888. 4, 72 с.
10. **Зайцев Г. А.** Абстрактные схемы физики и теория физических теорий. I // Философия и физика. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1972. Вып. 150. С. 5—19.
11. **Либшер Д.-Э.** Теория относительности с циркулем и линейкой / Пер. с нем. В. Е. Маркевича под ред. Н. В. Мицкевича. М.: Мир, 1980. 149 с.: рис.
12. **Фейнберг Е. Л.** Две культуры: интуиция и логика в искусстве и науке. М.: Наука, 1992. 255 с.

Ильин Виктор Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Института переподготовки и повышения квалификации МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: vvilin@yandex.ru

⁶ В кровь и плоть (лат.).

Принципы синергетики в исследовании социокультурной интеграции личности в социум

А. В. Петров

Московский городской университет управления Правительства Москвы

Рассматриваются вопросы интеграции человека (индивидуума) в социальную среду. Утверждается, что эффективная модель интеграции может стать положительным фактором, способствующим динамичному развитию общества. Преобразование социокультурной среды соответственно влечет за собой изменения условий интеграции человека в общество. Рассматривая социум как самоорганизующуюся систему, автор анализирует онтологические принципы, определяющие условия эффективной поэтапной социокультурной адаптации личности, с точки зрения синергетики как универсальной модели.

Ключевые слова: синергетика; личность; социальная адаптация; социокультурная интеграция.

Глобализационные процессы в постиндустриальном обществе сопровождаются трансформацией его институциональных основ: государственных границ и институтов, этнических, культурных и языковых ареалов, а также пространственной диффузностью социокультурных установок. Стремление в условиях глобализации унифицировать социокультурные модели общества без учета потребности народов сохранить свои идентификационные и культурные основы нередко служит катализатором кризисных явлений в обществе.

Проблема социокультурной адаптации и интеграции, конфликт общественных и личностных интересов представляют собой актуальный объект междисциплинарных научных исследований (психология, социология, педагогика и т. д.).

Кризис современной цивилизации, с точки зрения социальной философии, можно рассматривать не только как диктуемое самой цивилизацией перераспределение значимости общественного и личного, но и как конфликт осознания

необходимости, с одной стороны, решения общечеловеческих проблем, а с другой — сохранения индивидуального социально-культурного статуса.

В условиях индустриальной цивилизационной модели общества социальная идентификация индивидуума во многом предопределялась его производственной деятельностью. Детерминанта технико-производственного характера, в свою очередь, была основой создания ярко выраженных и малоподвижных социальных слоев общества — классов. Постиндустриальная модель общества характеризуется большей динамичностью, стиранием классовых границ, менее длительными, но более функциональными социально-производственными связями. Многогранность постиндустриального общества предполагает дифференциацию социально-культурной идентификации индивидуума в условиях разносторонности его жизнедеятельности.

Современное общество состоит из многочисленных социальных групп, объединенных на базе различных задач,

процессов и интересов (культурных, экономических, производственных, политических и т. д.). Однако взаимопроникновение и взаимозависимость этих социальных групп, их мобильность и меняющийся состав не подразумевают какого-либо единого основополагающего центра социальной жизни, но, в зависимости от социальной направленности, определяют динамично меняющиеся приоритеты социального притяжения: «Раньше случайный акт рождения определял положение человека в социальной иерархии, и при рождении он получал уже готовую жизненную философию, в то время как нас буквально выбрасывают в ничто, в мир свободных возможностей» [1, с. 161]. Сложности социального самоопределения в обществе позднего модернизма, по мнению Э. Гидденса, усугубляются разрывом пространственно-временных координат и места действия личности: «Если в традиционном и даже индустриальном обществе место действия, временная перспектива и пространство социальных взаимосвязей как бы стянуты в тугой узел, то в современной жизни человек вследствие активного взаимодействия разных культур с помощью массовой информации идентифицирует себя не только с общностями “здесь” и “теперь”, но также и “там”, в прошлом, и в обозримом будущем. Личность, таким образом, включается в глобальную систему социального пространства» (цит. по: [2, с. 333]).

Очевидно, что изменившиеся формы социального поведения и социальная среда, в которую интегрируется личность, влекут за собой и смену подходов к изучению интеграционных процессов, и адаптацию самих методов изучения социальной интеграции. Социокультурная интеграция в парадигме синергетики рассматривается как двухуровневый процесс. Во-первых, это целенаправленный и системный подход, включающий в себя обучение, воспитание,

координационную деятельность и т. д., осуществляемые с помощью институтов общества. Во-вторых, — самоидентификация индивидуума в обществе в процессе его взаимодействия в системе социальных связей.

Российский физик и философ В. Г. Буданов [3] предложил описание принципов синергетики, которые, по мнению В. С. Степина [4], могут быть отнесены к *онтологическим постулатам*. Онтологическое развитие характеризуется двумя «фазами»: первая — *порядка* — позволяет систематизировать и стабилизировать функционирование системы; вторая — *трансформации* — обозначает ее развитие и обновление. Чередование этих оппозиционных «фаз» составляет существо социокультурной интеграции индивидуума. Таким образом, в универсальности подходов к описанию данного эволюционного процесса заключается эвристический потенциал синергетической парадигмы.

Проанализируем два основных онтологических принципа в синергетике.

Первый из них — *гомеостатичность*. Введенное в науку американским физиологом У. Кенноном понятие «гомеостаз» было использовано в 1940-е гг. У. Р. Эшби для описания моделирования широкого круга систем с обратной связью. Устойчивость внутренней среды организма (структуры системы) по отношению к возмущающим воздействиям внешней среды — основной принцип, на котором зиждется способность организма (системы) поддерживать свои физиологические функции (параметры) в определенном состоянии.

Принцип гомеостатичности может быть использован для изучения интеграции индивидуума при социокультурной интеграции и механизмов адаптации, приобретаемых человеком, например, в процессе обучения и самообучения. При понимании под личностью сложной, динамической

и социально ориентированной системы гомеостаз выступает как ее способность регулировать свое поведение, самонастраиваться и самоизменяться путем приобретения, усвоения и воспроизводства образцов поведения, норм, знаний и умений, необходимых для успешного функционирования.

Гомеостатичность — условие, обеспечивающее само функционирование системы, поддержание ее характеристик в некоторых пределах, позволяя ей следовать к цели своей эволюции — аттрактору. При этом любые отклонения в программе функционирования, вызванные воздействием окружающей среды и в конечном итоге могущие стать критичными, гасятся за счет отрицательных обратных связей. Последние в процессе интеграции индивидуума в социальную среду поддерживаются базовым уровнем, который хранит структурную информацию, — «ядром сознания». На этом уровне возникает качественное своеобразие системы, определяется ее структура и создаются жесткие внутрискруктурные связи, что обеспечивает предсказуемость поведения.

Интерииоризация личности в процессе первичной адаптации определяет содержание базового уровня. По определению П. Бергера и Т. Лукмана [5], первичная адаптация позволяет человеку приобрести некий «базисный мир», все конструкторы которого определяют последующие шаги личности в образовательной или интеграционной деятельности. Интерииоризация предполагает взаимодействие личности с социальной средой, активный обмен информацией, благодаря чему индивидуум знакомится с элементами социума, эмоционально переживает и осмысливает новый материал, дифференцированно усваивает и начинает воспроизводить что-либо. Интерииоризация носит диссипативный характер, поскольку на уровне личности постоянно рассеиваются информация и энергия.

После первичной адаптации интеграция личности переходит на качественно иной уровень. Этап вторичной адаптации отличается тем, что индивидуум преобразует доступный ему культурный опыт, приспосабливает под себя и использует в своих целях. В толкование понятия «адаптация» исследователи привносят различные смысловые оттенки, в зависимости от того, в рамках какой науки она рассматривается, и от своей мировоззренческой позиции. По мнению автора статьи, определение адаптации личности с точки зрения интеракционизма заслуживает подробного рассмотрения. Так, Л. Филлипс [6] считает, что об адаптированности личности можно судить по двум типам реакции на действие внешней среды. Первый — принятие личностью социальных норм общества и умение эффективно приспособиться к его социальным ожиданиям, предъявляемым каждому человеку в соответствии с его возрастом и полом (например, посещение школы и овладение учебными предметами, служба в армии и т. д.). Второй тип более специфичен. Здесь адаптация заключается не просто в принятии общественных норм, но в способности проявить гибкость и эффективность при столкновении с новыми и потенциально опасными условиями — результатом воздействия на интеграцию элементов непредсказуемости и индетерминизма. В этих условиях задачей личности становится поворот событий в направлении, желательном для нее. В этом смысле адаптироваться значит успешно использовать создавшиеся условия для реализации своих целей и стремлений. Адаптивное поведение выражается в успешном принятии решений, владении инициативой и влиянии на собственное будущее.

Сказанное выше дает основания предположить, что эффективная и успешная адаптация личности определяется гомеостазом, опытом

человеческой деятельности, осуществленной на этапе первичной адаптации, — тем, что А. Я. Флиер называет экстраутилитарными началами и определяет как «такие элементы мотивации в деятельности человека, которые не имеют прямого и непосредственного отношения к преследуемой цели по существу, но не позволяют человеку использовать *любой* способ для достижения цели, а требуют от него выбора способа, наиболее приемлемого по нравственным, моральным, мировоззренческим, религиозным, этическим и иным ценностным соображениям и правилам, распространенным в данном обществе» [7, с. 127].

Составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим является основным смыслом второго онтологического принципа — *иерархичности*, или структурной иерархии. То, что для высшего уровня предстает бесструктурным хаосом (строительным материалом), для низшего есть структурированный порядок (космос). Наиболее наглядно и точно подобное соотношение уровней зафиксировано Е. А. Седовым в законе иерархических компенсаций, где оговаривается: «Только при условии *ограничения разнообразия* нижележащего уровня можно формировать разнообразные функции и структуры находящихся на более высоких уровнях социальных систем» [8, с. 100].

Итак, с позиции синергетической парадигмы, посредством формируемых ею онтологических постулатов, открываются новые возможности исследования социокультурной интеграции личности в социум.

Литература

1. Хеллер А. Интервью с Агнес Хеллер / Взял Д. Никулин // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 159—169.
2. Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Психология личности в трудах отечественных психологов: хрестоматия / Сост. Л. В. Куликов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. [и др.]: Питер, 2009. С. 332—343.
3. Буданов В. Г. О методологии синергетики // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 79—94.
4. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.: ил. (Классика гуманитарной мысли; вып. 3).
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Авт. введ. и пер. Е. Д. Руткевич. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995. 323 с. (Первые публикации в России).
6. Phillips L. Human Adaptation and Its Failures. N.Y.: Academic Press, 1968. XIII, 271 p.
7. Флиер А. Я. Современная культурология: объект, предмет, структура // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 124—145.
8. Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 92—100.

Петров Александр Валерьевич — аспирант Московского городского университета управления (МГУУ) Правительства Москвы. E-mail: chundza2534@yandex.ru

Особенности функционирования политических режимов в арабском мире

А. И. Пирогов¹, Д. А. Бирюков²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

² Московский государственный областной университет (МГОУ)

События последних десятилетий, затронувшие большую часть стран арабского Востока («арабская весна» 2011 г. и саммит Лиги арабских государств в марте 2015 г.), осмысливаются как проявление современных процессов трансформации политического ландшафта региона. Анализируются причины неготовности политических режимов арабских государств к подлинной либерализации. Приводится критика понятия «кризис демократии в арабском мире». Предложена уточненная классификация авторитарных режимов в рассматриваемых странах.

Ключевые слова: арабский мир; политизация ислама; исламизация политики; армия как политическая сила; авторитарные режимы; либеральные реформы; кризис демократии.

В конце XX — начале XXI вв. арабские государства претерпели значительные социальные трансформации, их политический ландшафт еще более изменился. Это связано с исключительной ролью в культуре арабских народов религии (ислама¹), которая, в свою очередь, была исторически и остается сегодня гораздо теснее, чем на Западе, сопряжена с политикой (во многих арабских странах ислам является государственной религией). Данное обстоятельство роднит арабские государства между собой и обуславливает большое значение религиозного фактора в их политической жизни. Именно под этим углом зрения и следует рассматривать любые политические явления в арабском мире, в том числе функционирование политических режимов. При анализе последних нельзя также игнорировать то, что для мусульманских стран арабского Востока до сих пор характерны рудименты полуфеодальных и клановых отношений. Наконец, необходимо понимать роль и место армий в политической жизни этих стран: политизированность

военных столь велика, что делает их относительно самостоятельной политической силой и заставляет политическое руководство не только считаться с армейскими кругами, но и вовлекать их в решение внутривнутриполитических проблем. Тем самым авторитарные и тоталитарные политические режимы обеспечивают себе действенную поддержку.

Объективно диалектика политической жизни такова, что внутри- и внешнеполитические проблемы тесно связаны между собой. Сегодня это особенно заметно в арабском мире. Наглядным примером служит последний саммит Лиги арабских государств (ЛАГ), состоявшийся в марте 2015 г. в Шарм-эль-Шейхе. Он проходил в условиях крайней социально-политической нестабильности и напряженности, вызванной военными действиями в Ливии и военной операцией в Йемене, ставшими наряду с палестинским вопросом и проблемой беженцев главной темой в повестке дня. Большая часть членов ЛАГ подтвердила приверженность к миру, однако высказалась

© Пирогов А. И., Бирюков Д. А. ¹ Ислам в арабском мире исповедует абсолютное большинство населения — более 90 % (подробнее см.: [1, с. 118]).

за создание единой арабской армии в целях обеспечения безопасности в регионе. В принятых итоговых документах вероятный противник не назван², но можно с уверенностью предположить, что им будут религиозные радикально настроенные социальные слои, и в первую очередь крайне радикальная суннитская группировка «Исламское государство» (ИГИЛ). Собственно, это уже квазигосударство, в распоряжении которого находятся занятые радикалами значительные территории Сирии и Ирака, где государственный механизм на практике превращается из института гражданского общества в религиозный, с обширной общиной верующих.

Напомним, что, по мнению аналитиков XX в., в частности Б. Г. Сейраняна, активизации сторонников исламских радикалов в определенной степени способствовало стремление Запада навязать арабскому миру свою либеральную демократию. В таких странах арабского Востока, как Египет, Тунис, Ливан, Сирия и Ирак, это привело к сосредоточению официальной политической власти в руках политических марионеток, назначаемых странами-метрополиями, а также к укреплению авторитарных политических режимов (подробнее см.: [3]), благополучно сохранивших свои позиции к началу нового тысячелетия. Как отмечают специалисты, практика функционирования политических режимов, несмотря на их вариативность, носит авторитарный характер, что

не удивительно: традиционная власть в арабском мире всегда была склонна к авторитаризму.

Сегодня такие арабские государства, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Катар³, представляют собой теократические монархии: первое лицо в них является одновременно главой государства, правительства и судебной власти и главнокомандующим вооруженными силами. Консультативный совет (там, где он есть) играет второстепенную роль, поскольку его решения носят рекомендательный характер. В этих арабских странах весьма сильны традиционные устои и господство религии (ислама), что активно используется для сохранения политической и экономической стабильности в обществе, а значительные финансовые средства, получаемые от продажи главного богатства — нефти, дают возможность проводить необходимые социально-экономические реформы. В целом эта группа богатых стран составляет авангард арабского мира и устремлена к достижению новых рубежей во всех сферах жизни общества.

Среди арабских монархий есть и дуалистические (Бахрейн, Иордания, Кувейт и Марокко). Специфика формы монархического правления в них заключается в присутствии пережитков феодальных отношений, притом что национальная буржуазия еще не набрала

² В резолюции саммита и заявлениях политиков, сделанных после его проведения, только обрисованы контуры будущего военного образования. Известно, что численность армии составит 40 тыс. человек, а ее штаб будет располагаться или в Каире, или в Эр-Рияде, что логично: Египет — самая многонаселенная страна арабского мира, Саудовская Аравия — самая богатая. К последней, идейному вдохновителю коалиции, примкнули наиболее влиятельные страны из числа входящих в ЛАГ: Бахрейн, Кувейт, ОАЭ, Египет, Иордания, Марокко и Судан (см.: [2]).

³ Оман и Саудовская Аравия являются абсолютными монархиями, в остальных арабских монархиях власть главы государства ограничена конституцией. Нередко в научных исследованиях при характеристике политических режимов допускается их отождествление с монархической формой правления (монархические режимы), что неправомерно: здесь имеет место смешение элементов формы государства, включающей в себя форму правления (монархия или республика), государственного устройства (унитарное государство, федерация или конфедерация) и политический режим (демократический или недемократический).

необходимой силы. В условиях дуалистической монархии сосуществуют два социально-политических института: монархическая власть, опирающаяся на феодальные слои, и буржуазный парламент. Монарх сосредоточивает в своих руках все полномочия исполнительной власти, оставаясь в этом плане и де-юре, и де-факто независимым от парламента, не имеющего возможности влиять на формирование правительственных органов и фактически бессильного перед союзом монарха и феодалов. Дуалистическая монархия по сути есть некая переходная форма правления, однако нельзя с достаточной степенью достоверности сказать, в какую иную форму она перерастет. В каждой стране все зависит от того, сможет ли буржуазия достигнуть статуса экономически господствующего класса, чтобы обеспечить себе доминирование и в политической сфере.

Тем не менее в политических системах арабских государств происходят заметные, хотя и весьма специфические изменения, отражающие тенденцию перехода от абсолютизма монархической власти к ее конституционному ограничению путем разделения законодательной и исполнительной властей. Так, национальные собрания (парламенты) в Бахрейне, Иордании и Кувейте делят с монархом законодательную власть, но вместе с тем остаются подчиненным органом, т. е. наблюдаемое стремление к демократизации весьма слабое, а в целом политические режимы в данной группе арабских государств по-прежнему авторитарные, поэтому политические изменения в этих странах носят половинчатый характер. Это позволяет говорить об одновременном развитии противоположных тенденций — формировании основ капиталистической системы хозяйствования и укреплении позиций монархического строя.

Известный американский исследователь М. Хадсон анализировал монархические режимы в арабских странах в книге «Арабская политика. В поисках легитимности» [4], вышедшей в конце 1970-х гг., однако суждения, высказанные в ней, сохраняют актуальность и в XXI в.: «Модернизирующиеся монархии характеризуются тем, что в них традиционная автократия сочетается с расплывчатым национализмом и этосом развития... В отдельных случаях делались попытки совмещать монархический строй с какими-то формами парламентаризма. Главная слабость легитимности монархических режимов — авторитаризм, противодействие идеям демократии и равенства» (приводится по: [5, с. 33]).

Функционирование республиканской формы правления в арабском мире также имеет специфические черты. Она создавалась с тяготением к светской или конфессиональной основе, в зависимости от природы пришедших к власти политических сил. Эта форма правления в арабских странах, за малым исключением, выступает как президентская и предоставляет гражданам различную степень свобод, а также фактическое право участия в выборах в высшие политические организации. Новые республиканские режимы в арабских странах стали возникать в результате ликвидации колониального гнета и свержения монархий.

К началу XXI в. в рамках республиканской формы правления более чем в десяти арабских государствах оформились авторитарные политические режимы различной направленности. Во многих из них действующие правители пришли к власти путем военного переворота под руководством сил, с одной стороны, выступавших против колониализма и монархии, с другой — ориентировавшихся на националистическую

идеологию (панарабизма, модернизированного ислама и т. д.). Там, где у власти оказывались представители армейских кругов, создавались так называемые Советы революционного командования как формы коллективного правления. Нередко военная бюрократия получала право контролировать деятельность администрации и органов административно-хозяйственного управления. В Тунисе, Алжире, Ираке и Сирии власть перешла в руки политических партий, и все преобразования в политической системе общества (в первую очередь во всех структурах государственного аппарата) происходили только под их руководством.

Все перемены безусловно способствовали становлению новой подсистемы управления внутри политических систем, но в большинстве арабских стран, как в монархиях, так и в республиках, сохранился авторитарный политический режим. В частности, президентские и парламентские выборы (последние — чаще всего на основе однопартийной системы), создание местных органов власти (народные советы, собрания или комитеты) служат в условиях президентских республик арабских стран лишь ширмой, а номинально выборные политические единицы — орудием для выполнения президентских указов и распоряжений. В результате, несмотря на то, что конституции арабских государств признают за народом право выбора желаемого, а государственное лицо и его власть независимы от исполнительной власти, руководство стран имеет право распоряжаться всей общественно-политической и экономической жизнью. Сильная президентская власть (как правило, лидера партии) в условиях авторитарного режима тяготеет к неограниченности, что тормозит демократические преобразования. Именно поэтому демократия в арабских

странах есть по существу лишь конституционно отраженный факт, не реализуемый в действительности.

Можно констатировать, что авторитарные политические режимы в арабских странах носят характер диктатур. Другие отличительные черты арабской действительности — преследование инакомыслия, введение запретов на оппозицию и даже репрессии в отношении оппозиционно настроенных кругов, что естественно сопрягается с нарушениями прав и свобод человека, лишаящими смысла демократические преобразования.

В научной литературе (см., напр., [6; 7]) можно встретить утверждения о кризисе демократии в арабском мире. Мы полагаем их не совсем корректными: не может быть кризиса того, чего на самом деле нет. Отсутствие демократических устоев можно объяснить направленностью политики властей на устранение возможностей для иных (оппозиционных) политических сил проявлять активность и влиять на политическое сознание масс. Опираясь на принципы шариата, власти открыто объявляют взгляды сторонников демократических нововведений не только ошибочными, но и вредными заблуждениями. Это особенно касается самой сути демократии как народовластия: в действительности ее подменяет принцип элитарности власти, весьма далекой от нужд и чаяний большинства населения. К тому же сказываются и так называемые двойные стандарты: политические деятели, выступавшие от имени демократически настроенных сил, придя к власти и узурпировав ее, начинают вести совершенно иную политику, идущую вразрез с демократическими принципами и нередко направленную против тех же демократических сил, нейтрализуя которые (путем как вводимых против них ограничений, так и прямого подавления, вплоть

до физического устранения) они вызывают развитие кризиса доверия населения ко всем, кто под различными демократическими лозунгами стремится к власти.

Такая политика, способствуя усилению авторитарных режимов, одновременно приводит к ряду негативных последствий:

а) насилие и политические репрессии по отношению к оппозиционным силам вселяют страх в сознание основной массы населения и резко снижают политическую активность тех, кто на собственном опыте убеждается в попрании прав и свобод личности;

б) цензура ограничивает доступ населения к объективной информации о политических процессах в стране и за ее пределами (действует принцип «все, что не разрешено законом, запрещено»);

в) игнорирование официальными властями насущных проблем населения способствует их отдалению от народа и в отдельных случаях побуждает некоторую его часть примыкать к террористическим группам и организациям, щедро обещающим социально-политические изменения в стране;

г) присутствие различного рода общественных структур (профессиональных, студенческих и др.) не решает проблемы их реального участия в политической жизни, поскольку все они в действительности лишены необходимых полномочий (к тому же в большинстве своем не являются представителями народа) и только обозначают наличие якобы демократических институтов, по сути служа своего рода «демократической ширмой» для официальных властей.

Как мы можем видеть, переход арабских обществ к подлинно демократическим преобразованиям не просто затруднен, но является вопросом весьма отдаленной перспективы вследствие

сильнейшего влияния внеклассовых социальных групп и слоев (каст, кланов, общин, конфессиональных структур и др.), придерживающихся строгих исламских идеологических установок. Иными словами, становление демократических режимов в арабском мире требует длительного переходного периода, предполагающего активную политическую деятельность заинтересованных сторонников демократии.

Препятствий на этом пути много: доминирование традиций ислама, клановые противоречия, нищета, безграмотность и бедность населения, нецивилизованные способы политической борьбы, деятельность террористических организаций и т. д. По справедливому замечанию С. Хантингтона, для демократических преобразований и установления демократических политических режимов в этом регионе еще не созрели объективные условия: «...культурный ареал, где плохо приживается демократия, — это исламский регион. Мусульманская культурная традиция освящает различного рода авторитарные режимы правления... В конце 80-х годов под влиянием экономических трудностей и воздействием демонстрационного эффекта демократизации в других регионах некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше от этой либерализации оказались исламские фундаменталисты, чья приверженность демократии представляется весьма сомнительной» (цит. по: [8, с. 14]).

Неэффективность первой волны демократических реформ можно объяснить рядом обстоятельств.

Во-первых, это *политизация ислама и исламизация политики*. С одной стороны, стремление арабских народов сохранить свою самобытность, традиции и культуру вполне понятно. Им, по нашему мнению, во многом обусловлено противостояние европеизации как

мощному, вплоть до насильственного, воздействию, угрожающему насаждением западных ценностей и культуры во всех сферах жизни арабского общества. С другой стороны, недовольство мусульманского населения и противопоставление идеалов арабского мира западным активно используют исламские фундаменталисты, моделью государства для которых служит арабский халифат, простирающий свою власть на личную и общественную жизнь. Выше Аллаха в таком государстве нет и не может быть никого; его заветы, отраженные в Коране и сунне, воплощены в шариате — незыблемой основе соблюдения божественных предписаний, поэтому никакие иные законы, принятые людьми, не идут в сравнение с установлениями шариата. Следовательно, демократия есть нечто низшее по отношению к исламскому правлению, которое может базироваться только на божественном законе ислама (подробнее см.: [9, с. 16]).

Во-вторых, в общественно-политической жизни арабских государств видную роль играет *армия*, теснейшим образом *связанная с функционированием политических режимов*. Этот социальный институт в арабском мире воспринимается как один из главных борцов за национальную независимость от колониального гнета, а также гарант сохранения (удержания) господствующим классом своей власти и одновременно инструмент всех социально-политических трансформаций. Нельзя не учитывать, что силовые структуры способны как содействовать прогрессивным преобразованиям в обществе, так и тормозить их. Очевидно, что при всей вариативности политического поведения вооруженные силы не могут подменить собой политическую систему общества, сколь бы ни была велика их роль внутри нее: военные с их жесткой организацией и централизацией властных полномочий

всегда будут прибегать к помощи народных представителей, не забывая, однако, и о собственном представительстве в органах государственной власти. Консерватизм и строгая властная иерархия и субординация военных объективно способствуют авторитаризму во власти, вплоть до установления военной диктатуры в отдельных случаях, поскольку авторитаризм сродни системе военной организации. К тому же армия незаменима при необходимости проявления силовых методов во внутривластных отношениях. В результате ее вмешательства устанавливается стиль правления, к которому общество уже привыкло за время нахождения военных у власти (см.: [10]). Взаимосвязь военной бюрократии и функционирующего авторитарного режима в арабских странах всячески препятствует явлениям демократизации. Видимо, демократические преобразования могут произойти лишь при условии ограничения влияния военных кругов на политику в арабских государствах. Одна из первых (если не главных) предпосылок к этому — изменение характера связи армии и общества в решении общенациональных задач. Однако добиться его в условиях малой грамотности населения и соответственно низкой активности политического участия крайне затруднительно. Исторические примеры попыток осуществления этого свидетельствуют, что независимо от типа преобразований (связанных с западным «эталонным либерализмом», как в Тунисе, Ливане или Египте, или с так называемой народной демократией, провозглашенной в Алжире, Ираке, Ливии или Сирии) все они, как правило, оканчивались либо полным, либо частичным провалом.

Анализ политико-демографической составляющей арабских обществ выявил во всех этих странах идентичную дифференциацию населения, как правило, на четыре основные группы.

К *первой* из них относятся те, кто проявляет относительную политическую активность: в большинстве своем они не только следят за происходящими политическими событиями, но и считают необходимым участвовать в них, что в конечном итоге оказывает некоторое влияние на совокупный политический процесс. В основном это люди энергичные, образованные и входящие в состав тех или иных взаимодействующих политических организаций (партий, движений или групп).

Вторая группа включает в себя тех, кто интересуется политическими событиями, но наблюдает за ходом и результатами их развития со стороны.

Третью составляют люди, поглощенные решением собственных проблем повседневной жизни и никак не интересующиеся политическими событиями и политическим процессом в целом.

Четвертая группа объединяет тех, кто ищет удовлетворения своих политических интересов в деятельности экстремистских (в том числе террористических) организаций и всячески ей способствует, преступая закон, распространяя ложные слухи, участвуя в подрывных действиях, политических убийствах и иных антиправительственных политических акциях различного рода.

Вовлечению людей в ряды экстремистов способствуют определенные закономерности. Одна из них — непосредственная связь повышенной эмоциональности молодежи и ее нетерпимого отношения к сковыванию личной свободы с трудностями при поиске работы и достойного места в обществе. Современные средства массовой коммуникации, в первую очередь Интернет, позволяют оперативно получать информацию со всего мира, вследствие чего молодежные круги, узнавая о все большем количестве возможностей, не реализуемых в актуальном состоянии общества, могут быстро перейти от обычного недовольства в состоянии протестной

и следующей за ней экстремистской активности. Другая закономерность — возрастание напряженности в обществе при усилении социально-экономической дифференциации населения и снижении уровня жизни. Политическое сознание большей части неграмотного населения из бедных слоев детерминировано их положением: доведенные нищетой до отчаяния, они готовы на все, чтобы покончить с ней.

У занимающих пассивную политическую позицию инертность является не только (а возможно, и не столько) следствием ухудшения материального положения, но и результатом внутренней политики авторитарных режимов, подавляющих свободу слова, печати и информации и препятствующих формированию политических организаций и оппозиции (или вовсе не допускающих этого). Совокупное экономическое и административное воздействие на граждан объективно ведет к тому, что их политическое участие становится эпизодическим, формальным и часто ограничено простым электоральным поведением. В данном отношении почти все политические системы в арабских государствах несовершенны. Авторитаризм устраняет из политического сознания второй группы населения стремление к демократическим преобразованиям, делая электоральный процесс не просто формальным, но граничащим с политическим фарсом: обман и подлог со стороны официальных властей на выборах в государственные и местные органы власти и в ходе референдумов по важнейшим вопросам политической жизни объективно способствуют политическому отторжению людей, росту недоверия и враждебного отношения к руководству страны. Если демократия априори означает власть народа и предполагает хотя бы его участие в решении государственных и общественных дел, то население арабских стран в большинстве своем

лишено такой возможности, не играет какой-либо роли в политическом процессе, а следовательно, об арабской демократии можно говорить лишь условно. Подтверждение этого — давление на электорат, единственный кандидат на выборах и, как правило, одна правящая партия, исключительно слабая оппозиция, не имеющая достаточных финансовых и материальных средств для проведения эффективной предвыборной кампании и, соответственно, практически никаких шансов на успех.

Все это говорит об отсутствии в странах арабского Востока подлинного участия населения в политической жизни страны и влияния на принимаемые правящими кругами политические решения. Характер политического участия размывается, в действительности представляя собой лишь подготовку к нему как функционирующему в урезанном виде политическому принципу, отражающему суть демократии, но не способствующему ее утверждению. В силу указанных причин вся электоральная кампания сводится к поддержке действующего политического режима и негативного отношения к западной демократии как стремящейся построить всю политическую жизнь в арабском мире по своим стандартам.

Специфически ведут себя представители интеллигенции, которая по определению должна возглавлять политические движения за демократические переустройства и реальное введение демократических порядков. В арабских мусульманских странах она не выполняет этой функции. Как свидетельствуют научные исследования, арабская интеллигенция — это «вещь в себе», озабоченная собственными нуждами и далекая от всей совокупности общественно-политических проблем. Разумеется, некоторая ее часть видит несовершенство политических систем арабских стран и проявляет действительную склонность

к идеям демократии, но не берет на себя просвещение остальной части населения, ссылаясь на невозможность политической деятельности на принципах равенства и справедливости, а на самом деле боясь ответной реакции властей. Наиболее важный результат такого самоустранения из общественной жизни — использование правящими кругами тезиса о единении с интеллигенцией как наиболее передовой частью населения для подавления и ликвидации политических свобод. Следствие всех указанных причин — дальнейшее усиление позиций авторитарных режимов в арабском мире.

Таким образом, идеи демократии пока не могут укорениться в арабском мире, несмотря на то, что в авторитарных политических режимах стран региона присутствуют отдельные ее элементы, позволяющие официальным властям именовать себя «просвещенными», «умеренными», «мягкими», а в отдельных случаях даже «демократическими». Разумеется, это не меняет их сущности, способствует лишь возникновению новых политических клише. Однако было бы неверно однозначно определять авторитарные режимы в арабских странах только как деспотические и попирающие права и свободы населения. Для их характеристики можно взять за основу положения, высказанные отечественным исследователем профессором Ю. Г. Сумбатиным еще в середине 1990-х гг. Он выделил кроме традиционных форм еще три типа авторитарных политических режимов: реакционные, консервативные и либеральные (подробнее см.: [11; 12]). С учетом прошедшего времени предлагаем внести уточнения в классификацию авторитарных политических режимов арабского Востока в начале нового столетия и условно выделить три большие группы. Первая — авторитарные режимы, близкие к военной диктатуре или тоталитаризму

(объединяющая черта — приход к управлению страной представителей военных кругов, обладающих фактически неограниченной политической властью, явно не расположенных к идеям демократии и потому резко замедляющих любые демократические преобразования). Вторая — монархические и республиканские *консервативные монопартийные* и отдельные авторитарные режимы, сохраняющие приверженность традиционным историческим ценностям арабского Востока в государственном строительстве стран (вся полнота государственной власти принадлежит главе государства — монарху или президенту, контролирующему и законодательную, и исполнительную, и судебную ветви власти). Наконец, третья — *либеральные многопартийные* авторитарные режимы, в которых проявляются некоторые тенденции к нововведениям демократического характера (своеобразный синтез авторитаризма и демократии при доминировании первого).

Литература

1. **Почта Ю. М.** Возникновение ислама и мусульманского общества: филос.-методол. анализ. М.: РУДН, 1993. 146 с.
2. **Николаев К.** Ближневосточное НАТО. Арабские государства создают общие вооруженные силы // Новые Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newizv.ru/world/2015-03-30/217306-blizhnevostochnoe-nato.html> (дата обращения: 24.09.2015).

3. Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу (мат-лы VI конф. африканистов, состоявшейся в Москве 16—18 нояб. 1994 г.). М.: Ин-т Африки РАН, 1995. 209 с.
4. **Hudson M. C.** Arab Politics: The Search for Legitimacy. New Haven: Yale University Press, 1977. 434 p.
5. Авторитаризм и модернизация в странах Азии и Африки: реф. сб. / Сост. С. И. Кузнецова, О. Е. Бубнова. М.: ИНИОН РАН, 1994. 123 с.
6. **Гайдукевич Л. М.** «Арабская весна» 2011 г.: демократические преобразования или геополитический передел региона? // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 1. С. 29—34.
7. **Наумкин В.** Снизу вверх и обратно: «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. С. 20—33.
8. Демократия и авторитаризм в третьем мире в конце XX в. (концепция С. П. Хантингтона и отклики на нее): Науч.-аналит. обзор / [Ю. И. Комар]. М.: ИНИОН РАН, 1995. 23 с. (Социальное развитие и культура стран Азии и Африки).
9. **Мунир С. Ф.** Общие черты и характерные особенности политических режимов в Ираке, Сирии и Ливане: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1997. 19 с.
10. **Aquil Shah.** The Army and Democracy. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 416 p.
11. **Сумбатян Ю. Г.** Политические режимы: происхождение, сущность и основные формы // Обществознание в школе. 1998. № 2. С. 17—21.
12. **Сумбатян Ю. Г.** Политология. Авторитаризм как категория политической науки // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6. С. 57—75.

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии (ФиС), декан факультета (института) экономики, управления и права (ИнЭУП) МИЭТ. E-mail: egdek@miee.ru

Бирюков Денис Андреевич — аспирант МГОУ. E-mail: den.a.biryukov@gmail.com

Памятники культуры и культурные ценности в российском и советском законодательстве: понятие, социально-политическая сущность, содержание

Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Прослеживается изменение отношения государства (Руси, Российской империи, советской и постсоветской России) к охране и эксплуатации исторических и культурных памятников в XV — XX вв. **Исследуется соотношение различных функций объектов, имеющих историческую или культурную ценность, в разные эпохи.** Рассматриваются памятниковый и ценностный подходы к определению объекта эксплуатации и государственной охраны. Приведен сравнительный анализ разработанных отечественными искусствоведами и юристами классификаций и типологий памятников.

Ключевые слова: памятники культуры; памятники истории; культурные ценности; государственная охрана культурного наследия; памятниковый подход; ценностный подход.

Первое документальное упоминание об интересе государства к древностям и проблемам их сохранения датируется в Европе XV в., в России — XVII в. (первый нормативно-правовой акт в этой сфере был принят в 1681 г.). В XVIII — XIX вв. в нашей стране не было отдельного института, регулирующего охрану культурного наследия, а сами памятники, как правило, принадлежали частным лицам или организациям, причем одним из основных собственников, «держателей» древностей и исторических ценностей до 1917 г. оставалась православная церковь (см.: [1, с. 5]).

Владельцы памятников истории и культуры, как правило, не проявляли заинтересованности ни в эксплуатации государством их собственности, ни даже в государственной опеке над ней. Первые нормативные акты создавали правовые основания и устанавливали регламент государственного контроля над эксплуатацией или охраной лишь одного или нескольких объектов, имеющих историческую или культурную ценность.

Именно такие функции выполняли указы Федора Алексеевича «Об описи дел в приказах и о подаче государю описных книг и счетных списков» от 9 ноября 1680 г., Петра I — «О сдаче старинных редкостей комендантам» от 13 февраля 1718 г. и «О каменном и деревянном строении в Москве» от 19 января 1722 г., Сената — «О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот» от 20 декабря 1720 г., «О немедленном доставлении в Петербург к светлейшему князю А. Д. Меншикову для пробы раковин и камешков, какие в каких реках явятся» от 21 декабря 1716 г., «О покупке в Сибири курioзных вещей и о присылке оных в Берг- и Мануфактур-коллегию» от 16 февраля 1721 г. и др.

Объектами охраны в этих нормативных актах названы «предметы старины» и «старинные редкости»; применялись и такие определения, как «старый», «необыкновенный», «куриозный», «оригинальный» [2]. Эти эпитеты определяли объекты охраны в нормативных актах периодов царствования Анны Иоанновны

и Екатерины II [2, с. 530—531]. В первой половине XVIII в. законодатели начали использовать и другие определения: «исторические документы» и «исторически ценные изделия», а также «древние строения» (в качестве синонимов «памятников архитектуры») и «древние русские рукописи». В начале XIX в. за памятниками культурного наследия закрепился эпитет «древний» («древние редкости», «памятники древности»), наряду с ним иногда употреблялся термин «достопамятства» [2, с. 532].

Анализ содержания документов XVII — XIX вв. показывает, что в качестве объектов охраны выступали разнорядковые предметы, обладавшие научной, исторической, реже — художественной значимостью для общества и государства. Выдающийся советский историк-краевед И. А. Кирьянов на основе критерия подлинности выделил два вида памятников — «памятник-подлинник» и «памятник-символ», или «памятник-знак», — принципиально различающиеся, по его мнению, тем, что первый есть результат исторического действия, его разрушение ведет к утрате реальных следов исторического события, тогда как второй обычно возводится в память о событии уже после того, как оно свершилось, и может быть изменен, перенесен на другое место и т. д. [3]. В рассматриваемый исторический период интерес, с точки зрения государственной охраны, вызывали почти исключительно памятники-подлинники, а памятники-символы находились вне поля зрения органов государственной власти. Попытки расширить категорию «памятники» предпринимались, главным образом путем введения в объем понятия церковных реликвий (прежде всего культовой живописи — фресок и икон), однако в законодательной практике термин «памятники» до начала XX в. имел узкое толкование (см.: [4]). В нормативно-правовых актах в качестве

его синонимов использовались понятия «древности», «памятники древности», «исторические памятники», но ни один из них не имел четкого кодифицированного определения. Соответственно, по сути не было и никакой системной классификации объектов эксплуатации и государственной охраны. В советский период сохранению и правовой охране историко-культурного достояния стали уделять пристальное внимание, особенно во второй половине XX в. Именно тогда сформировались два основных подхода к определению их объекта: памятникотый и ценностный.

Памятникотый подход. Основным документом, регламентирующим государственную охрану историко-культурного достояния и соответствующую сферу общественных отношений, стал Закон СССР от 29 октября 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [5]. Согласно ему, в качестве объекта государственной охраны выступали «памятники истории и культуры», к которым законодатель относил «сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» [5, ст. 1].

Однако содержание понятия «памятники истории и культуры» этим перечнем не исчерпывалось: закон 1976 г. оговаривал, что к таковым могут быть отнесены и другие объекты, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.

Декларативной целью деятельности органов государственной власти в отношении культурного наследия в этот период выступали охрана и использование памятников «в целях обеспечения их сохранности для нынешнего и будущих

поколений, эффективного использования для научного изучения и пропаганды памятников в интересах коммунистического воспитания трудящихся» [5, ст. 2]. Обращает на себя внимание то, что нормативный документ зафиксировал приоритет *идеологических и пропагандистских целей* в советской политике культурного наследия.

Наряду с термином «памятники истории и культуры» в законодательстве РСФСР и подзаконных актах советского союзного законодательства фигурировал и другой: «культурные ценности». В качестве таковых, согласно ст. 142 ГК РСФСР, выступало «имущество, имеющее значительную историческую, художественную или иную ценность для общества» [6]. Из этого следует, что в политике наследия памятниковый подход превалировал над ценностным. Имущественная (и материальная) сторона в содержании наследия была менее значимой для государства, чем идеологическая.

Отечественные ученые выработали несколько различных подходов к понятию «памятник истории и культуры». Каждый из них в большей или меньшей степени отвечал особенностям проводимой политики, тенденциям развития теории и практики эксплуатации и охраны памятников. В большинстве определений понятия «памятник культуры» перечислялись атрибутивные признаки памятников, их основные типы и виды. Одна часть памятников причислялась к категории «народное достояние», некоторая другая подлежала охране государством как относящаяся к категории «мировое культурное наследие».

В числе подходов к определению памятников истории и культуры выделяется упомянутая ранее методика И. А. Кирьянова, предложившего различать среди них «подлинники» и «символы» («знаки»). Такая классификация вполне методологически продуктивна. В частности,

и памятник-знак, и памятник-подлинник могут быть использованы в качестве источников или ресурсов власти, однако по-разному. Вместе с тем в данной классификации основанием для разделения памятников на две группы служит не сам факт подлинности, поскольку и памятнику-знаку нельзя отказать в наличии этого признака (не фальсифицированности), а их различное происхождение (природа) и назначение. Действительно, как отмечает современный исследователь О. В. Галкова, памятник-подлинник «зарождается и существует некоторое время как любой другой предмет утилитарного назначения. Но в ходе исторического развития этот предмет обретает дополнительное символическое значение, открывается его вторичный семиотический пласт» [7, с. 183]. Так, храм создается в качестве культового сооружения, но, став последним пристанищем выдающегося писателя, превращается в символ его жизни и связанный с его творчеством объект поклонения. В дальнейшем там может быть воздвигнут посвященный ему мемориал, который станет не менее подлинным, чем сам храм, однако будет изначально наделен символическим смыслом.

Смысл противопоставления природы и функций двух различных типов памятников весьма отчетливо отражается в терминах, предложенных Е. В. Михайловским, который обозначает памятники-подлинники и символы как «непреднамеренные» и «преднамеренные» соответственно [8, с. 24]. Нам исключительно важно направление в развитии методологии, избранное А. М. Кулемзиным. Он обратил внимание на то, что два разных типа памятников с разной степенью достоверности транслируют целевой аудитории информацию. Непреднамеренные памятники представляют собой производное от объективной реальности: исторических событий, историко-политического

и культурного процессов, — в связи с чем содержат более объективную информацию, поэтому «знания, полученные чувственным путем, в результате непосредственного ощущения подлинных памятников, являются достоверными, истинными» [9, с. 43]. В противоположность им памятники, сознательно созданные для воздействия на целевую аудиторию, несут в себе заведомо субъективное информационное и чувственное содержание, «они создаются с преднамеренной целью привлечь к себе внимание и передать зрителю то отношение к изображаемому, которое вложил в него художник или заказчик символа... Они создаются с заданной, как правило, далекой от истины целью и не могут претендовать на роль исторической памяти, то есть выполнять функцию памятников в той части, чтобы утверждать в общественном сознании историческую истину» [9, с. 44—45].

Нам близко общее направление данной мысли, однако мы считаем необходимым акцентировать внимание на следующем уточнении: как преднамеренные, так и непреднамеренные памятники не лишены идеологического смысла. Содержательная сторона обоих видов памятников детерминирована рядом общественных факторов, а именно политическими и идеологическими закономерностями, как показала А. Н. Покровская. Здание храма — непреднамеренный памятник — может восприниматься и как символ религиозного мировоззрения, единства церкви и государства. В этом смысле любой памятник есть порождение определенных общественных отношений, отражение общественного бытия посредством специфических художественных средств. Связующим звеном между бытием и содержанием памятника служит искусство. В частности, политическую направленность

(представляющую собой смыкание художественного и политического мировоззрения) и политическую организацию Покровская не без основания называет имманентными чертами социалистических памятников [10, с. 71]. Не отвергая политического компонента в природе памятников, мы тем не менее считаем, что их соотношение с политической сферой жизни общества не столь прямое, каким предстает в концепции Покровской.

Мы полагаем, памятники-подлинники и памятники-символы насыщены политико-идеологическим содержанием не в равной степени. Идеологическая сторона последних выражена более ярко, поэтому памятник-символ можно легко использовать в качестве инструмента пропаганды политической идеологии. Более того, иногда памятники-символы сознательно создаются в целях реализации пропагандистской функции. Как нам представляется, для дальнейшего выяснения содержания терминов «преднамеренный» и «непреднамеренный памятник» необходимо рассмотреть, как соотносятся понятия пропаганды и идеологии.

Политическая идеология — это теоретическая интерпретация всей системы общественных отношений с определенных политических позиций. Приобщение личности к идеологии, соответствующей политической системе государства, гражданином которого она является, происходит в среде, насыщенной памятниками культуры. Основным механизмом, с помощью которого они влияют на формирование политической идеологии, — создание идеала. Политическую идеологию многие исследователи сравнивают с особым типом верования, поскольку ее основу составляют убеждения и вера в социально-политический идеал. Каждая эпоха выдвигает свои общественные и политические

идеалы, преднамеренно или непреднамеренно «кодируемые» в памятниках культуры. Часто в содержании памятника-подлинника довольно явственно выделяется именно политический компонент: политический идеал. Однако фиксация последнего — как правило, не основная причина создания такого памятника, и задача, решаемая его авторами, не сводится к этому. Соответственно, влияние на формирование политической идеологии личности и общества не является главной функцией памятника.

Политическая идеология опирается на определенный институт общества, с помощью которого она функционирует в массовом сознании, при этом основным инструментом внедрения ее в сознание индивидов и общества выступает пропаганда. Ряд идеологий, обслуживающих определенные социально-политические отношения, требуют, чтобы памятник преднамеренно «работал» на конкретные политические силы, пропагандировал одобряемые ими политические идеи и социальное поведение. В некоторых политических системах (особенно тоталитарного типа) памятники могут целенаправленно создаваться в качестве инструментов пропаганды. Памятники имеют рычаги воздействия на каждую отдельную личность, но преднамеренно-пропагандистский памятник рассчитан на массовость результата. В содержании такого памятника идеология выходит на первый план, становясь довлеющей силой, превращаясь в «проклятие общественной жизни, ибо она преобразует политику в отрасль теологии, принося людей в жертву на алтарь догмы» [11, с. 102].

Памятники-символы, как правило, в имманентно-содержательном плане более идеологизированы и политизированы, в силу чего и могут служить инструментом пропаганды идеологии. Однако стоит оговориться: идеологическое

содержание памятника-символа не свидетельствует с неизбежностью о его недостоверности и не снижает его исторической и культурной ценности. Кроме того, связь в одном памятнике преднамеренного и непреднамеренного, несомненно, может придавать ему особый статус, увеличивая возможности его эстетического и эмоционального воздействия.

Ценностный подход был и остается весьма перспективным в осмыслении понятия «памятник культуры». Утверждение этого подхода было связано с возрождением аксиологии в философских кругах, укреплением ее позиций в структуре отечественной философской науки, а также возрастанием интереса к проблеме культурных ценностей в международно-правовых документах.

В 1970-х гг. ценностная характеристика памятников наиболее подробно разрабатывалась в отношении памятников архитектуры. Архитекторы ([12; 13] и др.) и искусствоведы (см.: [14—16] и др.) стремились ответить на вопрос, в чем состоит содержание ценности памятников культуры. Наряду с историко-культурными выделялись материальная (Ю. И. Аренкова) и утилитарная (Е. В. Михайловский, А. С. Шенков) компоненты ценностей, что в итоге дало А. П. Сергееву все основания заключить: в науке, в ее современном состоянии, в понятие «культурная ценность» вкладывается самое различное содержание, что не способствует выработке оптимальных практических решений культуроохранных проблем [17]. В какой-то степени это объясняется многогранностью понятий «культура» и «ценности», обуславливающей разные стороны анализа их содержания. Однако с 1970-х гг. в науке непрерывно множились уровни и аспекты рассмотрения ценности памятников, разрабатывались различные варианты иерархии ценностей, делались

попытки представить разветвленную их структуру по отношению к памятникам культуры [18].

В философском отношении ценность есть то, что имеет значение, вес для человека или социальной группы [19, с. 335]. Наиболее продуктивным применительно к целям нашего исследования является аксиологический подход, в рамках которого ценности рассматриваются как объект, субъективно осмысленный, с точки зрения интересов человека (см.: [20, с. 176]). Синтезируя многие определения, можно в общих чертах принять, что ценность — это осознанная людьми значимость объектов окружающего мира, которая определяется их возможностью удовлетворить те или иные потребности людей. Наиболее инструментальной среди известных классификаций и типологий ценностей мы считаем разработанную В. П. Тугариновым. Он делит ценности на жизненные и культурные. Первые имеют природное происхождение, вторые создаются сообществом людей и в общих чертах представляют собой проявления материальной и духовной культуры, которые осознаются несколькими поколениями людей как значимые с точки зрения способности удовлетворять их потребности.

По мнению А. И. Чудинова, культурными ценностями следует признать любые произведения, являющиеся результатом творческого самовыражения человека в прошлом или настоящем, которые имеют большое значение для науки, истории и образования членов общества и способствуют развитию современной и будущей культуры.

Как отмечает Е. Ю. Егорова, под культурными ценностями следует понимать «формы синтеза материальных и духовных результатов человеческой деятельности, за которыми признано обществом историческое, научное, художественное или иное культурное

значение в силу их уникальности и способности выступать в качестве объединяющего начала для представителей народа одной страны, в том числе, между их различными поколениями» [21, с. 9].

Однако предложенное Тугариновым разделение ценностей при расширенной — философской — трактовке ценностей культуры ставит перед нами существенную проблему: далеко не все культурные ценности могут использоваться и охраняться социальными или политическими институтами. Так, *непосредственными* объектами эксплуатации и охраны невозможно сделать морально-нравственные, религиозные и иные ценности нематериального порядка.

В науке нет единого мнения о том, что именно в числе культурных ценностей может непосредственно эксплуатироваться социальными институтами и подлежит государственной охране. Мы причисляем себя к ученым, видящим путь прояснения методологических сумерек в разделении общепризнанной и политико-правовой трактовки понятия «культурные ценности». При этом последняя должна быть неизбежно и значительно уже первой. В частности, мы согласны с утверждением Ф. Фехнера о том, что объектами правовой охраны и права культурной собственности могут быть только имеющие материальное воплощение [22]. Однако *политически и экономически эксплуатироваться, актуализироваться могут не только материальные, но и нематериальные ценности.*

Нам также близка позиция В. В. Братанова: «Культурные ценности... могут быть определены как особый вид материальных ценностей, способный в той или иной мере удовлетворить духовные и эстетические потребности человека и одновременно имеющий художественную, историческую, научную,

мемориальную или иную культурную значимость» [23, с. 8]. С ним во многом солидарны В. Г. Горбачев, В. Г. Растопчин и В. Н. Тищенко, принимающие данное им толкование с одним уточнением: «...в качестве культурных ценностей могут выступать как движимые, так и недвижимые объекты» [24, с. 106]. Однако уязвимой стороной таких определений неизбежно оказывается их открытость: употребление слов «и иную», «и т. д.» оставляет возможность для расширительной трактовки термина. Кроме того, они не раскрывают самой сути понятия и не связывают его с конкретно-исторической деятельностью людей.

Попытка выявить сущность культурной ценности через ее социальную роль зафиксирована в определении, данном А. П. Сергеевым: «Культурными ценностями являются особо охраняемые правом уникальные вещественные результаты человеческой деятельности, которые, будучи продуктом всеобщего труда, имеют важное историческое, научное, художественное или иное культурное значение для общества, т. е. служат связующим звеном между различными поколениями людей, носят конкретно-исторический характер и выступают как фактор формирования необходимых качеств человека» [25, с. 29]. Его автор выделяет следующие атрибутивные характеристики культурных ценностей:

- 1) это вещественные результаты всеобщего труда: через конкретное производство определенного предмета осуществляется связь между людьми, поколениями, институтами;
- 2) они обладают признаками всеобщности, внешним проявлением которого служит уникальность объектов;
- 3) осознание истинного значения объектов происходит со временем;
- 4) основная функция — формирование необходимого обществу типа личности [25, с. 52].

Однако сущность памятника культуры в концепции Сергеева предельно идеологизирована.

Разработка аксиологической теории памятников продолжается, причем аксиологическое понимание памятников культуры нашло отражение и в нормативно-правовых актах. Законом от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре» культурные ценности определяются как «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [26, ст. 3]. В сущности, это определение не политико-правовое, а философское, оно характеризуется декларативностью и оставляет открытым вопрос о том, каким образом социальные и политические институты могут эксплуатировать и охранять нравственные и эстетические идеалы, диалекты и говоры.

Определение понятия «культурные ценности» содержится также в Законе РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»: это «движимые предметы материального мира, находящиеся на территории РФ», к которым можно причислить исторические ценности, предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок, художественные ценности и др. [27, ст. 6—7].

Приведенная выше дефиниция фактически содержит только перечисление групп предметов, обладающих ценностью для государства. Такой подход оправдан назначением самого закона,

однако возникло противоречие между нормативными актами: «утилитарный» перечень, разработанный для Закона РФ «О вывозе...», не соответствовал предельно широкому толкованию культурных ценностей в «Основах законодательства РФ о культуре». Причем в принятых позднее нормативных актах законодатель ссылается не на это универсальное определение, а на Закон РФ «О вывозе...»¹.

Итак, нормативно-правовые акты не содержат определения, которое бы в ключе, близком аксиологическому подходу, раскрывало сущностные признаки ценностей культуры. С этой точки зрения, политическая практика эксплуатации и охраны культурных ценностей опирается на зыбкие правовые основания, часто обнаруживающие методологическую и аксиологическую пустоту, безосновательность самой практики. В научной литературе, соответственно, справедливо отмечается, что определение исследуемого понятия через перечни бесперспективно в свете необходимости выработки общепринятого, универсального подхода к охранной деятельности (приводится по: [28, с. 23]).

Потребность во введении альтернативного термина для обозначения той группы культурных ценностей, которая может выступать в качестве объекта эксплуатации и охраны социальными институтами, возникла и была осмыслена еще в 1980-е гг. Тем не менее аксиологический подход к определению памятника культуры не утратил своей актуальности и продолжает разрабатываться. В различных определениях, как правило,

отражаются научная, художественная и историческая стороны ценности памятников. Именно эти ключевые ее компоненты чаще всего принимают за основу при определении понятия памятника. Однако нельзя не признать справедливость замечания О. В. Галковой: «...в меняющихся общественных условиях памятники, как правило, утрачивают свою первоначальную значимость, могут быть истолкованы на новый лад в новых общественно-политических условиях» [7, с. 185], и это далеко не всегда отражается в научных дефинициях.

Таким образом, и перед учеными, и перед законодателями всегда стоял вопрос о правомерности и целесообразности использования термина «культурные ценности». Большинству теоретиков сегодня очевидно, что от этого термина не следует отказываться и потенциал его осмысления еще далеко не исчерпан.

Литература

1. Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов / Сост. Г. Г. Анисимов. М.: Советская Россия, 1973. 191 с.
2. *Михеева И. В.* К проблеме формирования понятия «памятник истории и культуры» в законодательстве Российской Империи // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: [мат-лы науч.-метод. семинара, 11—16 сент. 2000 г.: в 2 т.] / Под ред. В. М. Баранова. Нижний Новгород: Нижегород. акад. МВД РФ: Ин-т «Открытое о-во» (Фонд Сороса — Россия), 2001. Т. 1. С. 528—535.
3. *Кирьянов И. А.* Классификация, принципы отбора и выявления памятников трудовой славы советского народа // Памятники трудовой славы советского народа: Тез. докл. к областной науч.-метод. конф. Горький, 1979. С. 5—7.
4. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О сохранении памятников древности в Крыму» от 4 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года: Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года / Под ред. М. М. Сперанского. Т. 38: 1822—1823. СПб., 1830. № 29105.
5. Закон СССР от 29.10.1976 «Об охране и использовании памятников истории и культуры» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44. С. 628—629.

¹ См., например, ст. 3 Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и ст. 4 Федерального закона от 15.04.1998 № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации», содержащие отсылку к ст. 7 Закона РФ «О вывозе...».

6. Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 406.
7. **Галкова О. В.** Понятие «памятник культуры»: современные подходы к интерпретации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 2. С. 182—187.
8. **Михайловский Е. В.** Реставрация памятников архитектуры // Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации / Ред. и авт. предисл. Д. С. Лихачев. М.: Искусство, 1981. С. 15—42.
9. **Кулемзин А. М.** Охрана памятников в России как историко-культурное явление: монография. Кемерово: Кемеровский обл. ин-т усовершенствования учителей, 2001. 328 с.
10. **Покровская А. Н.** Идеологическая целостность социалистической художественной культуры // Социалистическая идеология и художественная культура: филос.-социол. аспекты / [Ред. Е. М. Бабосов]. М.: Наука и техника, 1979. С. 65—72.
11. **Шлезингер А. М.** Циклы американской истории / Пер. с англ. П. А. Разина. М.: Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
12. **Иконников А. В.** Старое и новое в системе города // Памятники архитектуры в структуре городов СССР / А. В. Иконников, Н. Ф. Гуляницкий, Е. В. Михайловский и др.; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1978. С. 7—43.
13. **Щенков А. С.** Аспекты общественной ценности памятника // Современный облик памятников прошлого: историко-художественные проблемы реставрации памятников архитектуры / Под ред. А. С. Щенкова. М.: Стройиздат, 1983. С. 146—151.
14. **Аренкова Ю. И.** За что мы ценим памятники архитектуры? // Охрана и реставрация памятников архитектуры. Опыт работы мастерской № 13. М.: Стройиздат, 1981. С. 38—40.
15. **Михайловский Е. В.** Общественное значение памятников архитектуры // Теория и практика реставрационных работ: сб. 3. М.: Изд-во лит. по строительству, 1972. С. 3—13.
16. **Михайловский Е. В.** Основы современного подхода к реставрации памятников культуры // Методика и практика сохранения памятников архитектуры / Под общ. ред. Е. В. Михайловского. М.: Стройиздат, 1974. С. 31—32.
17. **Сергеев А. П.** Культурные ценности как правовая категория // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. № 4. С. 42—52.
18. **Юркитас В. И.** Регенерация исторических центров городов Литвы (методологический опыт). Вильнюс: ЛитНИИТИ, 1981. 49 с.: 4 л. ил.
19. **Рузавин Г. И.** Логика и аргументация. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1997. 351 с.
20. **Неновски Н.** Право и ценности / Пер [с болг.] В. М. Сафронова. М.: Прогресс, 1987. 246 с.
21. **Егорова Е. Ю.** Государственно-правовая защита культурных ценностей: сравнительный анализ российского и французского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 26 с.
22. **Fechner F.** The Fundamental Aims of Cultural Property Law // International Journal of Cultural Property. 1998. Vol. 7. № 2. P. 376—394.
23. **Братанов В. В.** Хищение культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2001. 30 с.
24. **Горбачев В. Г., Растопчин В. Г., Тищенко В. Н.** Культурные ценности: понятие, порядок приобретения, хранения и обращения: справочное пособие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1989. 275 с.
25. **Сергеев А. П.** Гражданско-правовая охрана культурных ценностей в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 280 с.
26. Основы законодательства РФ о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
27. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 20. Ст. 718.
28. **Богуславский М. М.** Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М.: Юрист, 2005. 428 с.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, профессор кафедры философии и социологии (ФиС) МИЭТ. E-mail: rast-v2012@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ

XV Конгресс по логике, методологии и философии науки (CLMPS 2015)

Одним из наиболее ярких событий лета 2015 г. в жизни мирового философского сообщества стал XV Конгресс по логике, методологии и философии науки, проходивший с 3 по 8 августа в столице Финляндии Хельсинки. Более 700 ученых из 55 стран мира приняли участие в его работе, познакомились с коллегами и поделились с ними своими идеями, узнали много нового и интересного и получили стимул для дальнейшего творчества.

В рамках конгресса состоялась пленарная лекция *«Логика в игре»*. По мнению докладчика Й. ван Бенгема (Johan van Benthem, университет Амстердама), в современной логике обозначились две перспективы развития: общение и аргументация. Эти два подхода совместимы и взаимодействуют, поскольку логика и игра — естественная комбинация, данная человеку от природы. Соответственно развитие мышления может идти в двух направлениях: от логики к игре и от игры к логике. Актуальным на сегодняшний день является второе, причем логик может использовать как подход к исследованию проблемы путем все большего углубления в детали, так и ее изучение «сверху», т. е. рассмотрение в целом.

Большой интерес у участников конгресса вызвала и пленарная лекция *«План действий: как привнести проект в исследовательскую среду»*. Речь в ней шла об эффективности привлечения и сотрудничества ученых из разных стран мира в рамках международных проектов. Докладчик Р. Энкини (Rachel Ankeny, университет Аделаиды, Австралия) сфокусировала внимание слушателей на условиях, которые делают возможным

такое краткосрочное сотрудничество для решения специальной задачи, т. е. для создания относительно стабильного сообщества исследователей на короткий срок при условии привлечения соответствующей материальной и социальной базы. Докладчик отметила, что преимущество таких проектов — в привлечении для решения поставленной задачи ученых, специалистов и лабораторий со всего мира. Вместе с тем подобные планы действий непременно должны содержать привлекательные условия для совместной работы, т. е. должен просматриваться некий стимул для такого рода деятельности.

В один из дней работы конгресса проходила встреча *«Социальная философия науки»*, организованная под эгидой Института философии РАН и Российского научного фонда под руководством заведующего сектором социальной эпистемологии члена-корреспондента РАН И. Т. Касавина. С докладом *«Как допустимость, основанная на философии химии, образует пространство для социальных и персональных факторов в процессе исследования?»* выступил Р. Хэррей (Rom Harré, университет Джорджтауна, США). Он высказал оригинальную идею: люди связаны с внешним миром не посредством языка, а с помощью своей допустимости, т. е. практики в виде действия на основании гибридных материальных систем в специфических ситуациях.

Научный аппарат, его природа и способ функционирования не могут быть извлечены из физических явлений посредством наблюдения, но каждое научное заявление содержит индексрующие знаки, фиксирующие его происхождение. Принимая допустимость

научной работы и связывая ее с концепцией внешнего мира, можно открыть необходимое пространство для социальных и личных рассуждений в научном проекте.

Участники конгресса сделали много других интересных докладов. В целом конгресс показал, что философия науки на сегодняшний день весьма разнообразна и многогранна, занимается

значительным кругом как фундаментальных, так и прикладных проблем, а каждый заинтересованный исследователь способен найти свою нишу, привлечь единомышленников и двигаться к поставленной цели.

*Н. В. Даниелян, доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социологии
(ФиС) МИЭТ*

Книжные новинки

Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / Т. Я. Хабриева, А. В. Федоров, А. А. Каширкина и др.; под ред. акад. РАН Т. Я. Хабриевой, проф. А. В. Федорова. — М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. — 296 с. — ISBN 978-5-9516-0721-8.

Издание посвящено правовым вопросам функционирования Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и ее деятельности в антикоррупционной сфере. Авторы провели комплексный правовой анализ Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, принятой под эгидой ОЭСР, и механизма имплементации ее положений в российское законодательство с учетом особенностей правовой системы России. Подробно исследованы новеллы российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленные на имплементацию и реализацию международных обязательств, вытекающих из Конвенции. Рассмотрены вопросы о юридической природе, специфике и трансформации доктринальных подходов к международным рекомендательным актам, принимаемым под эгидой ОЭСР. Предложены меры повышения эффективности путем использования потенциала актов «мягкого» права ОЭСР, а также рекомендации, направленные на совершенствование имплементационных механизмов реализации антикоррупционных стандартов ОЭСР в Российской Федерации. Книга предназначена работникам органов государственной власти, научным сотрудникам, специалистам в области международного, уголовного и конституционного права, преподавателям юридических вузов и факультетов, аспирантам и студентам.

Беломестнов В. Г. Управление развитием региональной инновационной подсистемы: монография / В. Г. Беломестнов, Д. О. Белов, Н. Э. Шабыкова. — Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2015. — 172 с., ил., табл. — ISBN 978-5-89230-571-6.

Книга посвящена проблеме развития региональной инновационной подсистемы. В ней раскрыта сущность инновационного посредничества в трансфере инноваций, дана оценка потенциала

инновационной подсистемы Республики Бурятия. Рассмотрена политика интеграционного взаимодействия и инновационного инвестиционного развития субъектов.

Воротников В. В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века / В. В. Воротников. — М.: Аспект Пресс, 2015. — 272 с. — (Постсоветские и восточноевропейские исследования). — ISBN 978-5-7567-0808-0.

Представлены результаты исследования внешней политики государств Балтии (Латвия, Литва, Эстония) после 2004 г., а также дается ее историческая ретроспектива. Отдельное внимание автор уделяет отношениям России с прибалтийскими странами и определяющим их факторам. Книга адресована тем, в чью область интересов входит политическое развитие государств постсоветского пространства и Балтийского региона, а также отношения России и Европейского союза.

Гончаренко В. М. Дисбаланс спроса и предложения в условиях неопределенности: монография / В. М. Гончаренко, М. С. Елаева, А. Б. Шаповал. — М.: Форум: НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 88 с. — ISBN 978-5-00091-047-4.

Авторы развивают теорию монополистической конкуренции в условиях неполной информации о спросе. Показано, как в результате неопределенности возникают несовершенства рынка, в частности краткосрочный дисбаланс спроса и предложения. Издание предназначается специалистам по экономическим вопросам (как теоретикам, так и практикам) и изучающим экономическую теорию.

Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / Редкол.: В. С. Автономов (гл. ред.), О. И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д. И. Мельник (отв. секр.) и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 503 с. — ISBN 978-5-7598-1130-5.

Центральная тема данного (восьмого) выпуска альманаха «Истоки» — теоретическое отражение изменений и качественных сдвигов

в экономической действительности и в сфере самого экономического анализа. Статьи российских авторов, подготовленные для этого издания, посвящены вопросам пространственных и временных координат в репрезентации экономической реальности. В работах видных американских экономистов продемонстрированы различия между монетаристским и кейнсианским подходами к проблемам кредитно-денежной политики на примере экономики США второй половины XX в. Завершают альманах материалы, посвященные истории латиноамериканского структурализма — направления анализа экономического развития, основанного на концепции периферийного капитализма аргентинского экономиста Р. Пребиша. Данный выпуск может представлять интерес для специалистов в области экономической теории, истории экономической мысли, экономической истории и обществознания, а также студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей экономических вузов и специальностей.

Резник С. Д. Организационная культура российского студенчества в условиях изменений социально-экономической среды: монография / С. Д. Резник, М. В. Черниковская. — М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. — 176 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-16-010355-6.

Издание подводит итог теоретическим и практическим исследованиям, выполненным в рамках научно-исследовательского проекта «Педагогические технологии формирования организационной культуры студенчества в условиях изменения социально-экономической среды» (№ гос. регистрации 01201273468 (2012—2013 гг.)). В работе освещены вопросы, касающиеся теоретических аспектов формирования и развития организационной культуры, разработаны концепции управления ею в студенческой среде, приведены данные мониторинга практики формирования организационной культуры в студенческой среде вузов г. Пензы, предложена система управления развитием организационной культуры в студенческой среде и обоснованы принципы и механизмы ее реализации. Книга предназначена научным и практическим работникам, преподавателям высших учебных заведений и аспирантам.

CONTENTS

Organizational and Economic Aspects of Innovative Activity

<i>Yu. P. Aniskin, O. A. Grekov.</i> Planning the Activity of Company's Innovative Capacity Use	3
<i>V. V. Myl'nik, A. V. Myl'nik.</i> Industrial Upgrading Based on New Ideas and Innovations and Through Valley of Death	8

Financial and Economic Activity's Corporate Management

<i>T. L. Korotkova.</i> Return on Equity's Rise Project's Destination Model	13
---	----

Marketing and International Business

<i>T. N. Marshova, V. I. Istomin.</i> National Economy Production Potential's Structural Adjustment: Developing Countries Experience and Tasks for Russia	19
---	----

Spiritual and Moral Problems of Existence

<i>V. P. Romanenko.</i> Ethical Dimension of Human Attitude towards Nature in Caucasian Epos and Folklore and in Modern Times	33
---	----

Problems of Social Development and Education

<i>N. P. Knekht.</i> Problem of Existence Unity in Pre-Socratic Philosophy: the Antiquity and the Present	37
<i>A. V. Korjuev, O. E. Backsansky.</i> Text Understanding Adequateness and Contents Interiorization: Academic Writing	53
<i>V. G. Korolev, V. V. Bardushkin.</i> Students and Military Personnel's Physical Preparedness Evaluation Level Standards Equivalence Analysis	63
<i>T. L. Korotkova.</i> Specificity and Factors of Interactive Teaching's Effective Implementation in Tertiary Institution	71
<i>S. K. Haidov, E. V. Apalkova.</i> Narrative Analysis Application in Forensic Psychological Examination at Audio and Video Files Studying	78

Personality. Society. State

<i>L. A. Vasilenko, L. A. Kolesnikova.</i> Scientific Rationality in Social Cognition	81
<i>A. S. Epifanov, T. V. Rastimeshina.</i> Effectiveness of Russian Political Parties' Influence on Political Administration Processes	94
<i>A. A. Yefimov.</i> Japan's e-Government in the Context of State's Domestic and Foreign Policy	101
<i>V. V. Ilyin.</i> Symbolic Objectification: Ontology Institutionalization (Part 2)	108
<i>A. V. Petrov.</i> The Principles of Synergetics in the Study of the Individual's Sociocultural Integration in Society	119
<i>A. I. Pirogov, D. A. Biryukov.</i> Political Regimes' Performance Features in Arab World	123
<i>T. V. Rastimeshina.</i> Cultural Monuments and Cultural Values in Russian and Soviet Legislation: Concept, Social and Political Entity, and Content	132

Information

15 th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science (CLMPS 2015)	141
New Books	143

ABSTRACTS

Organizational and Economic Aspects of Innovative Activity

Planning the Activity of Company's Innovative Capacity Use

Yu. P. Aniskin, O. A. Grekov

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The authors have presented the results of knowledge-intensive enterprises' innovative development's long-term researches, with focus on planning the innovative activity of enterprises participating in development programs. To create the knowledge-intensive companies' innovative activity's balanced planning mechanism the authors did elaborate basic methodic theses the implementation of which should improve efficiency of enterprises' innovative capacity management. Within the scope of innovative capacity management mechanism's formation they systematized the internal and external factors influencing the innovative activity's efficacy and considered the main problems of innovative cycle management.

Keywords: knowledge-intensive enterprise; innovative capacity; balanced planning; managerial interaction adjustment.

References

1. Korporativnoe upravlenie delovoi aktivnost'yu v neravnovesnykh usloviyakh (Economic Activity's Corporate Management in Nonequilibrium Conditions), monografiya, by Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "MIET", Mezhdunarodnaya akademiya menedzhmenta, Mezhdunarodnaya akademiya nauki i praktiki organizatsii proizvodstva, pod red. Yu. P. Aniskina, M., Omega-L, 2015, 299 p., il., Delovaya aktivnost'.
2. Upravlenie investitsionnoi aktivnost'yu (Investment Activity's Management), monografiya, by Yu. P. Aniskin, A. Yu. Budarov i dr., pod red. Yu. P. Aniskina, M., Omega-L, 2002, 272 p., il., Delovaya aktivnost'.
3. Bogdanov A. A. Tektologiya: vseobshchaya organizatsionnaya nauka (Tectology: Overall Organizational Science), [v 2 kn.], Pod red. L. I. Abalkina i dr., M., Ekonomika, 1989, Kn. 1, 303 p., portr.
4. Mitchell R., B. Agle and D. Wood. Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts, *The Academy of Management Review*, 1997, vol. 22, pp. 853—886.

5. Surkov S. A., Boiko Yu. P., Lukashev A. M. Osobennosti motivatsii personala v period provedeniya izmenenii (Staff Motivation's Specific Traits During Period of Changes), *Motivatsiya i oplata truda*, 2005, No. 4, pp. 46—52.

Industrial Upgrading Based on New Ideas and Innovations and Through Valley of Death

V. V. Myl'nik¹, A. V. Myl'nik²

*¹ Moscow Aviation Institute
(National Research University)*

² Self-Regulating Organization Non-Profit Partnership "ESMO", Moscow

The authors considered new ideas and innovations development problems taking into account the so-called valley of death influencing these processes. They did analyze the industrial entity, coaching and time arrow concepts. The innovation and investment projects organization and realization were presented step by step. The authors have studied the causes of resistance to industry innovations and have proposed one of ways to overcome it by building up some temporary creative teams going between corporate CEOs and industrial entity staff.

Keywords: industrial entity; upgrading; valley of death; time arrow; coaching; creative team as new ideas and innovations conduct.

References

1. Golov R. S. Upravlenie innovatsionno-investitsionnoi deyatelnost'yu promyshlennoi organizatsii, avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk (Industrial Entity's Innovative and Investment Activity Management, Economic Doctoral Thesis Synopsis), 08.00.05, M., 2009, 48 p., il.
2. Dauni M. Effektivnyi kouching (Effective Coaching), 2-e izd., M., Dobraya kniga, 2008, 288 p.
3. Toporov V. N. Sud'ba i sluchai (Fate and Chance), *Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur*, Sb. st., by RAN, Nauch. sovet po istorii mirovoi kul'tury, sost. T. B. Knyazevskaya, red. N. D. Arutyunova, M., Nauka, 1994, pp. 39—74.
4. Marks K. Kapital: kritika politicheskoi ekonomii. T. 1 (Capital. A Critique of Political Economy. Vol. 1), M., Eksmo, 2011, 1196 p., Kapital Karla Marksa.

5. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Sinergetika. Nelineinost' vremeni i landshafty koevolutsii (Synergetics. Time Nonlinearity and Co-Evolution's Landscapes), Vstup. st. G. G. Malinetskogo, M., KomKniga, 2007, 268 p., Sinergetika: ot proshlogo k budushchemu.

6. Kono T. Strategiya i struktura yaponskikh predpriyatii (Japanese Enterprises' Strategy and Structure), M., Progress, 1987, 384 p.

7. Berdnik T. Veter peremen (Wind of Changes), *Upravlenie personalom*, 2010, No. 1 (227), pp. 68—71.

Financial and Economic Activity's Corporate Management

Return on Equity's Rise Project's Destination Model

T. L. Korotkova

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

To find the ways to raise the return on equity is one of corporate management's important financial and economic tasks. The best approach to its solution in the modern context is project management. The author proposes an instrument for return on equity's rise and business solvency strengthening based on DuPont model, using it as project's tree of objectives. This model allows deep and veracious analysis of problem under study as well as the organization's financial and business activity improvement's complex project development.

Keywords: corporate management; destination model; DuPont formula; return on equity.

References

1. Blank I. A. Finansovyi menedzhment (Financial Management), 2-e izd., pererab. i dop., Kiev, El'ga, Nika-Tsentr, 2004, 653 p.

2. Managing Successful Projects with PRINCE2, 5th ed., Norwich, Office of Government Commerce, 2009, 342 p., Stationery Office Books.

3. Rukovodstvo k svodu znanii po upravleniyu proektami (Rukovodstvo PMBOK®). 4-e izd. (Project Management Body of Knowledge®

Guide — 4th Edition), M., Project Management Institute, 2010, 496 p.

4. Upravlenie proektami. Osnovy professional'nykh znaniy. Natsional'nye trebovaniya k kompetentnosti spetsialistov (Project Management. Professional Knowledge Basics. Professionals Competence National Requirements), by A. V. Aleshin, V. I. Voropaev, S. M. Lyubkin i dr., M., Konsaltingovoe agentstvo "KUBS Grupp-Kooperatsiya, Biznes-Servis", 2001, 265 p., il.

5. Afanas'eva A. N. Analiz effektivnosti ispol'zovaniya sobstvennogo i zaemnogo kapitala. Rasshirennaya model' "Dyupon" (Owned and Borrowed Capital Utilization Effectiveness Analysis. Expanded DuPont Model), *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2012. No. 8 (44). Web. 15 Sep. 2015. <<http://www.uecs.ru/teoriya-upravleniya/item/1480--lr>>.

6. Korotkova T. L. Issledovaniya v menedzhmente (Research in Management), M., Kurs, INFRA-M, 2013, 256 p.

7. Korotkova T. L. "Kontseptsiya proekta povysheniya rentabel'nosti kapitala na osnove modeli Dyupona: doklad na Mezhdunar. nauch. konf. 'Sovremennye tendentsii intensivnogo razvitiya obshchestvennykh otnoshenii i aktual'nykh metodik ikh effektivnogo regulirovaniya' (26—31 avgusta 2015 g.)" (Concept of Return on Equity's Rise Project Based on DuPont Model: Paper for International Research and Practice Conference "Modern Trends in the Intensive Development of Public Relations and Actual Methods of Their Effective Regulation" Held on August 26 to 31, 2015). *Global International Scientific Analytical Project (GISAP)*. International Academy of Science and Higher Education, n. d. Web. 15 Sep. 2015. <<http://gisap.eu/ru/node/76248/>>.

Marketing and International Business

National Economy Production Potential's Structural Adjustment: Developing Countries Experience and Tasks for Russia

T. N. Marshova, V. I. Istomin

*State Institution "Institute of Macroeconomical Investigations" (IMEI)
of Ministry of Economic Development
of the Russian Federation*

The authors did analyze native industry's production potential's industrial composition that brightly demonstrated the economy's non-negligible orientation towards fuel and primary industry. They have shown that in the modern context the sustainable and successful economic development is only possible on basis of high-tech secondary industry. Taking account of foreign countries' experience in transforming the sectoral structure of industry, the authors have defined main directions of structure transformations in Russia adjusted for production basis in place.

Keywords: industrial composition; production assets; fixed asset formation; investment activity; return on investment; industrial policy.

References

1. Mochizuki K. Ekonomicheskaya politika Rossii i Yaponii: sravnitel'nyi analiz (Russia and Japan's Economic Policy: Comparative Analysis), *Che-lovek i trud*, 2005, No. 7, pp. 76—80.
2. Sistemnyi monitoring. Global'noe i regional'noe razvitiye (System Monitoring. Global and

Regional Development), Ros. akad. nauk, In-t Afriki, Tsentr tsivilizatsionnykh i regional'nykh issledovaniy, otv. red. D. A. Khalturina, A. V. Korotaev, M., LIBROKOM, 2010, 296 p.

3. Mun Heng Toh, Wai Choong Ng. Efficiency of investments in Asian economies: has Singapore over-invested, *Journal of Asian Economics*, 13 (2002) 52—71.

4. Holz C. A. "Measuring Chinese Productivity Growth, 1952—2005". *Social Science Research Network*. Social Science Electronic Publishing, 22 July 2006. Web. 14 Sep. 2015. <<http://ssrn.com/abstract=928568>>.

Spiritual and Moral Problems of Existence

Ethical Dimension of Human Attitude towards Nature in Caucasian Epos and Folklore and in Modern Times

V. P. Romanenko

Union of Writers of Russia

The problem of human relationship with natural environment was marked out practically from the start of civilization development. The perception of environmental friendliness' necessity formed very slowly through nature deity towards first steady ethical norms of interaction with nature. The author was trying to monitor this process, to define to which extent these norms were preserved in our times, and stated that modern market era generated also market relations to nature when human activity is dominated

not by nature preservation ideas but by profit maximization which would inevitably lead to ecological crises and catastrophes.

Keywords: nature; ecology; Caucasian epos; mythology; ethics.

References

1. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. (North Caucasus Peoples' History from Earliest Times to the End of 18th Century), [A. P. Novosel'tsev i dr., redkol. akad. B. B. Piotrovskii (otv. red.) i dr.], Akad. nauk SSSR i dr., M., Nauka, 1988, 543 p., il., karty.

2. Vernadskii V. I. Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya (Earth's Biosphere's and its Environments' Chemical Structure), Otv. red. A. A. Yaroshevskii, 2-e izd., M., Nauka, 1987, 340 p.

Problems of Social Development and Education

Problem of Existence Unity in Pre-Socratic Philosophy: the Antiquity and the Present

N. P. Knekht

National Research University of Electronic Technology, Moscow

The author analyzed the Pre-Socratic classic philosophers' ways to solve the major worldview question. She considered three approaches to the problem of arche, namely material-substantial (divided into mono and poly substantial), material-dynamical, and functional-nomological. The author did estimate the contribution of each direction's most prominent disciples, belonging to ancient Greek philosophy's various schools (Ionic, Eleatic, Pythagorean and the one of Heraclitus), to sciences development in subsequent centuries.

Keywords: existence unity; antique philosophy; arche; Pre-Socratic philosophers; material-substantial approach; material-dynamical approach; functional-nomological approach.

References

1. Kuznetsov V. Yu. Mir edinstva (World of Unity), M.: Akademicheskii proekt, Al'ma Mater, 2010, 207 p., Filosofskie tekhnologii: hic et nunc.

2. Mamardashvili M. K. Neobkhodimost' sebya (The Necessity of Oneself), vved. v filosofiyu, dokl., st., filos. zametki, Sost. Yu. P. Senokosov, M., Labirint, 1996, 431 p., Filosofiya ritoriki i ritorika filosofii.

3. Girenok F. I. Metafizika pata (kosnoyazychie ustalogo cheloveka) (Metaphysics of Stalemate (Tired Person's Tongue-Tie)), M., Labirint, 1995, 202 p.

4. Svas'yan K. A. Fenomenologicheskoe poznanie: propedeutika i kritika (Phenomenological Cognition: Propædeutics and Criticism), Erevan, Izd-vo AN ArmSSR, 1987, 198 p.

5. Bogomolov A. S. Lyubov' i vrazhda. Kosmicheskii tsikl Empedokla (Love and Hatred: Empedocles' Cosmic Cycle), *Dialekticheskii logos: Stanovlenie antichnoi filosofii*, by A. S. Bogomolov, M., Mysl', 1982, pp. 125–135.

6. Rozhanskii I. D. Anaksagor: u istokov antichnoi nauki (Anaxagoras: at the Origins of Classic Science), M., Nauka, 1972, 320 p.

7. Chanyshv A. N. Kurs lektzii po drevnei filosofii (Course of Lectures on Ancient Philosophy), M., Vysshaya shkola, 1981, 374 p.

8. Vainberg S. Pervye tri minuty: sovremenniy vzglyad na proiskhozhdenie Vselennoi (First Three Minutes: Contemporary View of Cosmogony), Per. A. V. Berkov, red., avt. predisl., avt. dop. Ya. B. Zel'dovich, M., Energoizdat, 1981, 208 p., il., graf.

9. Markov M. A. O prirode materii (On the Nature of Matter), M., Nauka, 1976, 216 p.

10. Aristotel'. O dushe (On the Soul), *Sochineniya*, v 4 t., by Aristotel', T. 1, M., Mysl', 1976, pp. 369–450, *Filosofskoe nasledie by AN SSSR, In-t filosofii*, t. 65.

11. Lur'e S. Ya. Demokrit: teksty: perevody: issledovaniya (Democritus: Writings, Translations, Studies), L., Nauka, 1970, 664 p.

12. Losev A. F., Shestakov V. P. Istoriya esteticheskikh kategorii (The History of Esthetic Categories), M., Iskusstvo, 1965, 374 p.

13. Averintsev S. S. Klassicheskaya grecheskaya filosofiya kak yavlenie istoriko-literaturnogo ryada (Classic Greek Philosophy as Phenomenon of Historical and Literary Rank), *Novoe v sovremennoi klassicheskoi filologii*, Pod red. S. S. Averintseva, M., Nauka, 1979, pp. 41–81.

14. Rassel B. Pochemu ya ne khristianin: izbrannyye ateisticheskie proizvedeniya (Why I Am Not a Christian: Selected Atheistic Works), Sost. i avt. predisl. A. A. Yakovlev, M.: Politizdat, 1987, 333 p., B-ka ateisticheskoi literatury.

15. Antologiya mirovoi filosofii: v 4 t. (Anthology of World Philosophy, in 4 Vols), Redkol. V. V. Sokolov i dr., T. 1, *Filosofiya drevnosti i Srednevekov'ya*, ch. 1, M., Mysl', 1969, 575 p., *Filosofskoe nasledie by AN SSSR, In-t filosofii*.

16. Berg L. S. Teorii evolyutsii (Evolution Theories), Peterburg, Academia, 1922, 120 p., *Sovremennaya kul'tura*.

17. Asmus V. F. Istoriya antichnoi filosofii (History of Antique Philosophy), M., Vysshaya shkola, 1965, 320 p.

18. Sukhotin A. K. Paradoksy nauki (Paradoxes of Science), M., Molodaya gvardiya, 1978, 239 p., il., Evrika.

19. Kessidi F. Kh. Ot mifa k logosu (Stanovlenie grecheskoi filosofii) (From Myth to Logos (The Origin of Greek Philosophy)), M., Mysl', 1972, 312 p.

20. Feinman R., Leiton R., Sends M. Feinmanovskie lektzii po fizike (Feynman Lectures in Physics), T. 1, 2, M., Mir, 1976, 439 p., il.

Text Understanding Adequateness and Contents Interiorization: Academic Writing

A. V. Korjuev¹, O. E. Baksansky²

¹ I. M. Sechenov First Moscow State Medical University

² Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Academic writing in pedagogy deals with problem of adequate text contents understanding by readers and with pedagogical works reading's motivational aspects. In the last decade the pedagogical papers' language was filled with terms having general scientific and culturological meaning and with economic-managerial semantic field's lexical structures. The authors discussed the problems of writing pedagogical texts matching the contents understanding adequateness and semantic richness and terminological and logical correctness criteria and motivating the reader to interiorize the meanings put in them.

Keywords: academic writing in pedagogy; living knowledge in pedagogy; semantic richness; terminological and logical correctness; text contexts reflection.

References

1. Zapesotskii A. S. Metodologicheskie i tekhnologicheskie osnovy obrazovatel'noi deyatel'nosti (Educational Operations' Methodological and Technological Basics), Red. I. V. Petrova, SPb., Izd-vo SPbGUP, 2007, 450 p., *Novoe v gumanitarnykh naukakh*.

2. Novikov A. M. Professional'noe obrazovanie Rossii (perspektivy razvitiya) (Vocational Education in Russia (Development Prospects)), M., ITsNPO RAO, 1997, 253 p.

3. Kraevskii V. V., Berezhnova E. V. Metodologiya pedagogiki: novyi etap (Pedagogics Methodology: New Stage), 2-e izd., ster., M., Akademiya, 2008, 400 p.

4. Belkin A. S. Situatsiya uspekha. Kak ee sozdat' (Success Situation. How to Create It), M., Prosveshchenie, 1991, 175 p., *Masterstvo uchitelya: idei, sovery, predlozheniya*.

5. Frank S. L. Ocherk metodologii obshchestvennykh nauk (An Essay of Social Sciences Methodology), M., Bereg, 1922, 124 p.

6. Shpet G. G. Filosofskie etyudy (Philosophical Studies), Vstup. st. M. K. Polivanov, primech. V. G. Kuznetsov, A. A. Mityushin, M., Progress, 1994, 370 p., B-ka zhurnala "Put'".

7. Frank S. Zhivoe znanie (Living Knowledge), Berlin, Obelisk, 1923, 264, [8] p.

8. Zinchenko V. P. Deyatel'nost'. Znanie. Dukhovnost' (Activity. Knowledge. Spirituality), *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2003, No. 5, pp. 81–92.

9. Novikov A. M. Kak rabotat' nad dissertatsiei: Posobie dlya nachinayushchego pedagoga-issledovatelya (How to Work on a Thesis: Textbook for Aspiring Educator-Researcher), 4-e izd., M., Egves, 2003, 104 p.

10. Teorii ucheniya: khrestomatiya. Chast' 1: Otechestvennye teorii ucheniya (Learning Theory: Reading-Book. Part 1: National Learning Theories), Red.-sost. N. F. Talyzina, I. A. Volodarskaya, M., RIO "Pomoshch'", 1996, 139 p.

11. Verbitskii A. A. Aktivnoe obuchenie v vysshei shkole: kontekstnyi podkhod (Active Learning in Tertiary School: Context-Based Approach), M., Vysshaya shkola, 1991, 204 p., il.

12. Korzhuev A. V., Antonova N. N. Poiskovo-issledovatel'skaya deyatel'nost' v pedagogike (Exploratory and Research Activity in Pedagogics), M., URSS, LIBROKOM, 2012, 194 p., Psikhologiya, pedagogika, tekhnologiya obucheniya.

13. Aronov R. A., Baksanskii O. E. Proiskhozhdenie znaniya: istoki i osnovy (Origin of Knowledge: Background and Basics), *Voprosy filosofii*, 2008, No. 4, pp. 98–108.

14. Baksanskii O. E., Gnatik E. N., Kucher E. N. Nanotekhnologii, biomeditsina, filosofiya obrazovaniya. V zerkale mezhdistsiplinarnogo konteksta (Nanotechnologies, Biomedicine, Philosophy of Teaching. In the Mirror of Cross-Disciplinary Context), M., URSS, LIBROKOM, 2010, 222 p.

15. Baksanskii O. E., Chistova M. V. Problemnoe obuchenie: obosnovanie i realizatsiya (Problem-Based Learning: Substantiation and Implementation), *Nauka i shkola*, 2000, No. 1, pp. 19–25.

Students and Military Personnel's Physical Preparedness Evaluation Level Standards Equivalence Analysis

V. G. Korolev, V. V. Bardushkin

*National Research University
of Electronic Technology,
Moscow*

The authors presented data on the National Research University of Electronic Technology second-year students' physical preparedness level received over the 2012 to 2014 period. They employed visual data mining and statistical analysis methods to explore the concordance between curriculum standards for students' physical training and specifications on the physical training in Russian army. The research has allowed establishing the equivalence of standards

for students and for military personnel in strength training and their nonequivalence in endurance level estimation. The recommendations for standards correcting are given.

Keywords: physical preparedness; standards; students; military personnel.

References

1. Zatsiorskii V. M., Bondarevskii E. Ya., Petrovskiy A. M. Sportivnaya metrologiya. Problema otsenki sportivnykh dostizheniy (Sports Metrology. Sporting Achievement Evaluation Problem), Lektsiya dlya studentov, M., GTsOLIFK, 1975, 66 p.

2. "Nastavlenie po fizicheskoi podgotovke i sportu v Vooruzhennykh Silakh Rossiiskoi Federatsii (NFP-2001), Vvedeno v deistvie prikazom Ministra oborony RF No. 631 ot 31.12.2000" (Manual of Physical Training and Sports in Russian Federation Armed Forces (NFP-2001), Put into Effect by RF Minister of Defence Order No.631, Dec. 31, 2000). *Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhnicheskoi dokumentatsii*. ZAO "Kodeks", 2012–2014. Web. 11 Aug. 2015. <<http://docs.cntd.ru/document/901853132/>>

3. Fizicheskaya kul'tura. Obshchesoyuznaya bazisnaya uchebnaya programma dlya vysshikh uchebnykh zavedenii (Physical Education. National Framework Curriculum for Tertiary Education Establishments), M., Gosobrazovanie SSSR, 1990, 22 p.

4. Vukolov E. A. Osnovy statisticheskogo analiza, praktikum po statisticheskim metodam i issledovaniyu operatsii s ispol'zovaniem paketov STATISTICA i EXCEL (Basics of Statistical Analysis, Manual of Statistical Methods and Operations Research Using STATISTICA and Excel LCNs), M., FORUM, INFRA-M, 2004, 462 p., il., tabl., Professional'noe obrazovanie.

5. Matematicheskaya entsiklopediya, v 5 t. (Encyclopedia of Mathematics, in 5 vols.), Gl. red. I. M. Vinogradov, T. 5, Slu — Ya, M., Sovetskaya entsiklopediya, 1984, 1248 p., il., tabl., Entsiklopedii. Slovari. Spravochniki.

6. Korolev V. G., Bardushkin V. V. Otsenka statisticheskimi metodami urovnya i dinamiki fizicheskoi podgotovlennosti studentov-pervokursnikov (Estimation of Level and Dynamics of First-Year Students Physical Preparedness by Statistical Methods), *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, Seriya Ekonomika*, 2010, No. 4, pp. 169–175.

7. Korolev V. G., Bardushkin V. V. Fizicheskaya podgotovlennost' studentov-yunoshei mladshikh kursov i ee dinamika v protsesse obucheniya v tekhnicheskoy universitete (Physical Preparedness of Young Male Students of Junior Courses and its Dynamics in Educational Process in Technical University), *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*, 2011, No. 1, pp. 58–62.

8. Chelyshkova M. B. *Teoriya i praktika konstruirovaniya pedagogicheskikh testov* (Education Tests Design's Theory and Practice), M., Logos, 2002, 431 p., il.

Specificity and Factors of Interactive Teaching's Effective Implementation in Tertiary Institution

T. L. Korotkova

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The author analyzed the factors of interactive teaching's effective use at students training in Management course units and their specificity revealed by practical application. That was done by using in studies the following two models: E. Dale's Cone of Experience and his followers' Learning Pyramid. The effectiveness factors in consideration were combined in 5 groups according to their abstraction level. As a result the author revealed the problems hampering interactive teaching implementation in training process and proposed the ways of their overcoming.

Keywords: management as training course; interactive teaching; Cone of Experience; Learning Pyramid; usage factors and specificity.

References

1. "O professore DEILE, ego 'konuse opyta' i 'piramide obucheniya', predlozhennoi ego posledovatelyami" (About Professor Dale, his Cone of Experience and the Learning Pyramid proposed by his followers). *Otkrytyi urok*. Vyacheslav Mikhailovich Bukatov, cop. 2015. Web. 7 Sep. 2015. <<http://www.openlesson.ru/?p=16822/>>.

2. "Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 38.03.02 Menedzhment (uroven' bakalavriata)" (Federal State Educational Standard for Higher Education, Management Major (38.03.02), Bachelor's Programme). *Pandiaweb.ru*. Pandia, cop. 2009—2015. Web. 9 Sep. 2015. <<http://pandia.ru/text/79/432/3978.php>>.

3. "Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 38.04.02 Menedzhment (uroven' magistratury)" (Federal State Educational Standard for Higher Education, Management Major (38.04.02), Master's Programme). *Portal Federal'nykh obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniya*. Tertiary School Academic Methodological Associations and Research and Instructional Councils Coordination Board, cop. 2015. Web. 8 Sep. 2015. <<http://fgosvo.ru/news/9/1140/>>.

4. Korotkova T. L. *Metody issledovaniy v menedzhmente* (Research Methods in Management), Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012, 307 p.

5. Korotkova T. L. *Praktika vnedreniya interaktivnykh form obucheniya studentov* (Students' Interactive Teaching Implementation Practice), *SCI-ARTICLE.RU*, Elektronnyi nauchnyi zhurnal, 2015, No. 20, pp. 108—113, URL: http://sci-article.ru/number/04_2015.pdf (accessed: 08.09.2015).

Narrative Analysis Application in Forensic Psychological Examination at Audio and Video Files Studying

S. K. Haidov¹, E. V. Apalkova²

¹ *Tula State Lev Tolstoy*

Pedagogical University

² *Municipal Preschool*

Educational Institution (MPEI)

*"Combined Kindergarten No. 7",
Shchyokino town of Tula Oblast*

The concept of narrative analysis was revealed. The authors analyzed the main approaches to narrative issues in psychology and theoretical directions in narrative psychology. The authors' definition of narrative analysis in the frame of forensic psychological examination is given and the possibility of this kind of analysis' application in forensic psychological examination during the analysis of the subject's audio and video testimony in the context of criminal, administrative, civil and arbitration cases is discussed.

Keywords: narrative analysis; forensic psychological examination; audio and video files analysis.

References

1. Kadyrova R. G. *Teoriya narrativa i narrativnyi analiz v psikhologii* (The theory of narrative and narrative analysis in psychology), *Vektor nauki TGU, Seriya Pedagogika, psikhologiya*, 2012, No. 2 (9), pp. 126—128.

2. Trotsuk I. V. *Narrativ kak mezhdistsiplinarnyi metodologicheskii konstrukt v sovremennykh sotsial'nykh naukakh* (Narrative as Interdisciplinary Methodological Construct in Modern Social Sciences), *Vestnik RUDN, Seriya Sotsiologiya*, 2004, No. 6—7, pp. 56—75.

3. Bruner J. *Actual Minds, Possible Worlds*, Cambridge, Harvard University Press, 1987, 222 p., The Jerusalem-Harvard Lectures.

4. Gergen K. J. *An Invitation to Social Construction*, London, SAGE, 1999, 256 p.

5. Fabrikant M. S. *Primenenie narrativnogo analiza v issledovanii bol'shikh sotsial'nykh grupp*

(Narrative Analysis Application in Large Social Groups' Studies), *Psikhologicheskii zhurnal*, ezhekvartal. nauch.-prakt. izd. by BGU, 2010, No. 1 (25), pp. 64–68.

6. Sarbin T. R. The Narrative as a Root Metaphor in Psychology, in T. R. Sarbin (ed.) *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct*, N.Y., Praeger, 1986, pp. 3–21.

Personality. Society. State

Scientific Rationality in Social Cognition

L. A. Vasilenko, L. A. Kolesnikova

*The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration*

The authors discuss basic methodological issues of social studies. New quality of post-nonclassical rationality paradigm involves the object's characteristics of knowledge as well as its values and target structure, taking into account human values' contradictory nature. Value systems are defined by the authors both as well-developed ideological, religious systems and as a set of nonfixed principles that reflect someone's system of understanding of the world, evolving within a particular group of people or subculture. Fractal evolutionary methodological approach, based on the universal laws of life and cognitive processes, serves as a foundation for cross-disciplinary research synthesis. Some reference materials of the authors' sociological studies based on fractal evolutionary approach were also presented.

Keywords: scientific rationality; methodology; principles; social cognition; fractal; fractal evolution theory; cross-disciplinary synthesis; values; theology; nonlinearity; openness; complexity; science's social accountability.

References

1. Kreik A. I. Sinergiya (Synergy), Novosibirsk, NSU, 2002, 70 p.
2. Arshinov V. I., Kazakov N. D. Sinergetika kak model' mezhdistsiplinarnogo sinteza (Synergetics as Cross-Disciplinary Synthesis Model), *Matematika, estestvoznaniye i kul'tura*, sb. obzorov i referatov, Otv. red. i sost. A. Panchenko, M., INION, 1983, pp. 42–62.
3. Vasilenko L. A. Osobennosti primeneniya gibkikh metodov provedeniya sotsiologicheskikh issledovaniy i vozmozhnostei ikh interpretatsii (Peculiarities of Social Researches' Adaptable Methods Application and of Their Interpretation Alternatives), *Sovremennaya sotsiologiya — sovremennoi Rossii*, sb. statei pamyati pervogo dekana fakul'teta sotsiologii NIU VShE A. O. Kryshtanovskogo, M., NIU VShE, 2012, pp. 46–62. 1 CD-ROM.

4. Delokarov K. Kh. Ratsionalizm i sotsio-sinergetika (Rationalism and Socio-Synergetics), *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1997, No. 1, pp. 117–124.
5. Knyazeva E. N. Odisseya nauchnogo razuma. Sinergeticheskoe videnie nauchnogo progressa (Odyssey of the Scientific Mind. Scientific Progress' Synergetic Vision), M., IF RAN, 1995, 228 p.
6. Sel'e G. Ot mechty k otkrytiyu: kak stat' uchenym (From Dream to Discovery: How to Become a Scientist), Per. s angl. N. I. Voiskunskoi, M., Progress, 1987, 368 p., il.
7. Stepin V. S. Stanovlenie norm i idealov postneklassicheskoi nauki (Postnonclassic Science's Norms and Ideals Establishment), *Problemy metodologii postneklassicheskoi nauki*, [Otv. red. E. A. Mamchur], M., IF RAN, 1992, pp. 3–16.
8. Prigozhin A. I. Tseli i tsennosti. Nove metody raboty s budushchim (Goals and Values. New Ways of Working with Future), M., Izd-vo "Delo" ANKh, 2010, 432 p.
9. Stivenzon S. "Zhizn' po ponyatiyam: moral'nye pravila 'real'nykh patsanov" (Live Thug Life: "Badasses" Ethic Rules), by Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge, *YouTube*. Susan Wojcicki, Director General, 3 Apr. 2015. Web. 18 Aug. 2015. <http://www.youtube.com/watch?v=g_HSNps_yi8>.
10. Stivenzon S. A. "Obychnye patsany": ulichnye podrostkovo-molodezhnye kompanii Moskvyy ("Ordinary Guys": Moscow-based Teen and Youth Street Gangs), *Etnograficheskoe obozrenie*, 2008, No. 1, pp. 30–34.
11. Glaser B. G., Strauss A. L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research, Chicago, Aldine, 1967, 271 p.
12. Nait F. Kh. Risk, neopredelennost' i pribyl' (Risk, Uncertainty and Profit), monografiya, Per. s angl. M. Ya. Kazhdana, nauch. red. per. V. G. Grebennikov, M., Delo, 2003, 359 p., il., Sovremennaya institutsional'no-ekonomicheskaya teoriya.
13. Vasilenko L. A., Mironova N. I. Sotsial'naya nespravedlivost': metodologiya sotsiologicheskogo izmereniya i interpretatsii (Social Injustice: Sociological Measurement and Interpretation Methodology), *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2012, No. 1, pp. 47–53.
14. Mironova N. I. Grazhdanskii sotsium v sovremennom gosudarstvennom upravlenii: sotsial'naya dinamika (Civil Social Medium in Modern Public Administration), Chelyabinsk, Poligraf-Master, 2007, 259 p., il.

15. Vasilenko L. A., Kolesnikova L. A., Pisklakova-Parker M. P. Primenenie kontseptsii fraktal'nosti k issledovaniyam destruktivnykh protsessov metodami klinicheskoi sotsiologii (Fractality Concept Application to Destructive Processes Study Using Clinical Sociology Methods), *Chelovecheskii capital*, 2012, No. 9, pp. 62—67.
16. Kolesnikova L. A. Revolyutsiya fraktal'nogo kross-distiplinarnogo sinteza ili estestvennye nachala i voprosy metodologii mezhdistsiplinarnogo dialoga v sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh (Fractal Cross-Disciplinary Synthesis Revolution, or Natural First Principles and Questions of Interdisciplinary Dialog Methodology in Social Sciences and Humanities), *Sotsiologiya. Estestvoznaniye. Obshchestvo*, sb. nauch. statei i mat-lov Vseross. nauch. konf. "Sotsiologiya i estestvoznaniye: mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu sotsial'noi real'nosti" (12—13 dekabrya 2014 g., Moskva), Pod obshch. red. N. E. Pokrovskogo, M., ROO "Soobshchestvo professional'nykh sotsiologov", OOO "Variant", 2014, pp. 13—18.
17. Rozhdestvenskii I. "Vospitatel'naya psikiatriya: Kak rossiiskikh sirot otpravlyayut v psikhbol'nitsy za plokhoie povedeniye" (Educational Psychiatry: How Russian Orphans Are Sent to Mental Ward for Bad Behavior). *Meduza: Nezavisimoe obshchestvenno-politicheskoe setevoe izdanie*. G. Timchenko, Chief ed., 13 May 2015. Web. 18 Aug. 2015. <<https://meduza.io/feature/2015/05/13/vospitatel-naya-psihiatrya/>>.
18. Girard R. Violence and the Sacred, London, N.Y., Continuum, 2005, 352 p.
19. Nort D., Uollis Dzh., Vaingast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki: kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva (Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History), Per. s angl. D. Uzanera [i dr.], M., Izd-vo In-ta Gaidara, 2011, 478 p.
20. Galimov E. M. Fenomen zhizni: mezhdu ravnovesiem i nelineinost'yu. Proiskhozhdenie i printsipy evolyutsii (Life Phenomenon: Between Equity and Nonlinearity. Evolution's Origin and Principles), M., Editorial URSS, 2001, 254 p., graf.
21. Bogatykh B. A. Fraktal'naya priroda zhivogo: sistemnoe issledovanie biologicheskoi evolyutsii i prirody soznaniya (Fractal Nature of Living: Biological Evolution and Mind Nature's System Research), M., URSS, LIBROKOM, 2012, 353 p., il.
22. Lima-de-Faria A. Evolyutsiya bez otbora: avtoevolyutsiya formy i funktsii (Evolution without Selection: Form and Function by Autoevolution), Per. s angl. E. B. Kofmana, N. O. Fominoi, pod red. L. I. Korochkina, M., Mir, 1991, 455 p., il., skhem.
23. Kolesnikova L. A. Vremya chetvertogo sinteza, ili Manifest krossdistiplinarnogo metodologa (Fourth Synthesis' Time, of Cross-Disciplinary Methodologist's Manifesto), *Chelovecheskii capital*, 2012, No. 8, pp. 104—107.
24. Stepanov A. K., Kolesnikova L. A. Do-stizheniya sovremennoi evolyutsionnoi teorii kak estestvennonauchnaya osnova issledovaniy innovatsionnykh protsessov v ekonomike i obshchestve (Contemporary Evolution Theory Achievements as Natural-Science Basis for Innovation Processes Study in Economy and Society), *Sotsiologiya. Estestvoznaniye. Obshchestvo*, sb. nauch. statei i mat-lov Vseross. nauch. konf. "Sotsiologiya i estestvoznaniye: mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu sotsial'noi real'nosti" (12—13 dekabrya 2014 g., Moskva), Pod obshch. red. N. E. Pokrovskogo, M., ROO "Soobshchestvo professional'nykh sotsiologov", OOO "Variant", 2014, pp. 18—24.

Effectiveness of Russian Political Parties' Influence on Political Administration Processes

A. S. Epifanov¹, T. V. Rastimeshina²

¹ *Moscow State Regional University
(MSRU)*

² *National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

The authors connect the administrative power of State that became the most effective corporate governance subject in modern Russia, among other things, to powers and authority concentration in the hands of administrative elite. They focus on accompanying processes, namely democratic transit suspension and political spectrum narrowing. The authors stressed out the necessity for the State to comprehend these processes as the country's political security threat. They have called the political spectrum width optimization one of political security imperatives for modern Russian society.

Keywords: political party effectiveness; administrative elite; authoritarian bureaucracy restoration; party of government; country's political spectrum.

References

1. Rastimeshina T. V. Kul'turnoe nasledie Tserkvi v prezentatsii velikoderzhavnoi modeli istorii i obraza "narodnoi monarkhii" v sovremennoi Rossii (The Church's Cultural Heritage in the History's Great-Power Model and "the People's Monarchy" Image Presentation in Modern Russia), *Vestnik MGADA, Seriya Filosofskie, sotsial'nye i estestvennye nauki*, 2012, No. 5 (17), pp. 76—85.
2. Sulakshin S. S. Politicheskaya i partiinaya sistema Rossii i gosudarstvennoe upravlenie (Russia's Political and Party System and State Administration), *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2010, T. 3, No. 1, pp. 85—103.

3. Politicheskaya i partiinaya sistema sovremennoi Rossii (Modern Russia's Political and Party System), mat-ly Vseross. nauch. konf., 2 okt. 2009 g., Moskva, Tsentr probl. anal. i gos.-upr. proekt., M., Nauchnyi ekspert, 2009, 368 p.
4. Shabrov O. F. Mesto izbrannykh: Korporativnye interesy predstavleny v politicheskoi vlasti luchshe vsego (Position for the Elect: Corporate Interests Have the Best Presentation in Political Power), *Nezavisimaya gazeta, pril. NG-Politika*, 2008, 16 dek., No. 273 (4509).
5. Povestka dnya dlya Rossii: mat-ly kruglykh stolov fonda "Edinstvo vo imya Rossii" za 2003 g. (Agenda for Russia: "Unity in the Name of Russia" Foundation's Round-Table Conferences Papers, 2003), Pod red. V. A. Nikonova, M., Forum, 2004, 588 p.
6. Karapetyan L. M. Politicheskie partii v sud'be Rossii (Political Parties in Russia's Destiny), SPb., Izd-vo R. Aslanova "Yuridicheskii tsentr Press", 2009, 264 p., Konstitutsionnoe, munitsipal'noe i administrativnoe pravo.
7. Bartsits I. N. Reforma gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: pravovoi aspekt (State Administration Reform in Russia: Legal Aspect), M., Formula prava, 2007, 508 p.
8. Kuzyk B. N. Rossiya i mir v XXI veke (Russia and the World in 21st Century), M., In-t ekonomicheskikh strategii, 2006, 639 p.
9. Gosudarstvennaya politika vyvoda Rossii iz demograficheskogo krizisa (Government Policy to Overcome the Demographic Crisis in Russia), V. I. Yakunin, S. S. Sulakshin, V. E. Bagdasaryan i dr., 2-e izd., M., Nauchnyi ekspert, 2007, 888 p.
10. Gosudarstvennaya ekonomicheskaya politika i ekonomicheskaya doktrina Rossii. K umnoi i npravstvennoi ekonomike, v 5 t. (Government Economic Policy and Russia's Economic Doctrine. Towards Smart and Moral Economy, in 5 Vols.), V. I. Yakunin, V. L. Makarov, S. S. Sulakshin i dr., M., Nauchnyi ekspert, 2008.
11. Variativnost' i tsiklichnost' global'nogo sotsial'nogo razvitiya chelovechestva (Humanity's Social Development's Variability and Cyclicity), monografiya, V. I. Yakunin, V. E. Bagdasaryan, V. I. Kulikov, S. S. Sulakshin, M., Nauchnyi ekspert, 2009, 464 p.
12. Dyuverzhe M. Politicheskie partii (Political Parties), Per. s fr., M., Akademicheskii proekt, 2000, 558 p., Kontseptsii.
13. Golosov G. V. Partiinye sistemy Rossii i stran Vostochnoi Evropy (Party Systems in Russia and Eastern European Countries), M., Ves' mir, 1999, 152 p.
14. Ledyayev V. G. Vlast', avtoritet i gospodstvo v Rossii: osnovnye kharakteristiki i formy (Power, Authority and Rule in Russia: Basic Parameters and Forms), *Politicheskaya kontseptologiya*, 2009, No. 4, pp. 61—94.
15. Isakov A. L. "Model' arkhazitsii politicheskogo protsessa na materialakh postsovetsskoi politicheskoi empiriki" (Political Process Archai-zation Model as Exemplified in Post-Soviet Political Empirics). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* 12 (2013): n. pag. Web. 18 Sept. 2015. <http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2013/12/politika/isakov.pdf>
16. Vasil'ev V. I. "Vertikal' " i "gorizontal' ". Pravovye voprosy organizatsii vlasti ('Vertical' and 'Horizontal'. Power Organization's Legal Matters), [sb. st.], M., Yurist, 2006, 363 p., Res cottidiana.
17. Golovchenko V. I. Partiino-ideologicheskii faktor politicheskoi transformatsii sovremennoi Rossii (Modern Russia's Political Transformation's Party and Ideological Factor), Pod red. A. A. Vilkova, M., Nauka, 2009, 236 p.
18. Zotova Z. M. Politicheskie partii i izbiratel'nyi protsess (Political Parties and Electoral Process), M., RTsOIT, 2002, 176 p., Sovremennye izbiratel'nye tekhnologii.
19. Gryzlov B. V. Politicheskie partii i rossiiske transformatsii: teoriya i politicheskaya praktika, avtoref. dis. ... kand. polit. nauk (Political Parties and Russia's Transformations: Theory and Political Practice, Law PhD Thesis Synopsis), SPb., 2001, 20 p.

Japan's e-Government in the Context of State's Domestic and Foreign Policy

A. A. Yefimov

*Center of Interregional Business
Training, Moscow*

The author notes that Japan's priority objectives at e-government implementation were those of macro level, the essential of which was the country's transformation into world absolute leader in the IT development field. He then states that electronic technologies introduction in Japan management's ideology and practice corresponds to the foreign policy imperatives. The author also stresses out that improving the quality, speed and efficiency of interaction between government and citizens is not accentuated as political goal but achieved as an intermediate task of introducing e-government.

Keywords: e-government; foreign policy; domestic policy; state and civil society; e-democracy; informatization; democratization; public services.

References

1. Snitko A. "E-Money. E-Government Yaponiya [Tokio, 06/2010]" (e-Money. E-Government Japan [Tokyo, 06/2010]). *FastForward*. FastForward, 2015. Web. 24 Aug. 2015. <<http://fforward.biz/visits/118-e-money-e-government/>>.

2. Sharko M. V. Yaponskii opyt postroeniya grazhdanskogo obshchestva (Japanese Experience of Civil Society Building), *Natsional'nye interesy* 1 (2007): n. pag. Web. 23 Aug. 2015. <http://www.ni-journal.ru/archive/2007/n_1_2007/047b308a/d458bbf7/cf3010f2/index.htm>.

3. Sharko M. V. Opyt postroeniya grazhdanskogo obshchestva v Yaponii (Civil Society Building Experience in Japan), *Predstavitel'naya vlast' — XXI vek*, 2007, No. 6, pp. 24—27.

4. Iwasaki N. "Stareyushchee obshchestvo i IKT. Novaya rastushchaya otrasl'?" (Aging Society and ICT. New Expanding Industry?). *ITU News Magazine [Russian]*. International Telecommunication Union, 2013. No. 10. Web. 16 Aug. 2015. <<https://itunews.itu.int/ru/Note.aspx?Note=4766>>.

Symbolic Objectification: Ontology Institutionalization (Part 2)

V. V. Ilyin

*Lomonosov Moscow State
University*

Continuing the knowledge's social legitimization problem's study, the author proceeds from the necessity to explore the object's symbolic objectification problem by applying the notion of "phase" that he introduced and substantiated on content-related and formal levels in his previous works. In cognitions objectification's key stages' further consideration the author applies his original methodology to reveal the very core of modern cognitive science. Main conclusions about cognitive synthesis' prerequisites' content were made in paper's end and supported by compelling examples from modern physics.

Keywords: existence hypotheses; intellection forms; cognitive synthesis; transcendental idealism; apriorism; phase; symbolism; authomorphism.

References

1. Il'in V. V. *Filosofiya istorii* (Philosophy of History), monografiya, M., Izd-vo MGU, 2003, 380 p., il.

2. Leibnits G.-V. *Sochineniya* (Works), v 4 t., T. 3, M., Mysl', 1984, 734 p., *Filosofskoe nasledie*.

3. Kant I. *Kritika chistogo razuma* (The Critique of Pure Reason), M., EKSMO, 2007, 736 p., *Antologiya mysli*.

4. Mandel'shtam L. I. *Polnoe sobranie trudov* (Complete Works), T. 4, *Lektsii po kolebaniyam. 1930—1932 gg.* (Lectures on Oscillations, 1930 to 1932), M., Izd-vo AN SSSR, 1955, 512 p.

5. Chupakhin I. Ya., Fatiev N. I. *Sovremennaya modal'naya semantika i kategoriya sushchnosti* (Contemporary Modal Semantics and the Notion

of Essence), *Vestnik Leningradskogo universiteta, Seriya Ekonomika. Filosofiya. Pravo*, 1981, Vyp. 2, No. 11, pp. 100—104.

6. Marks K. K kritike gegelevskoi filosofii prava (A Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right), *Sochineniya* by K. Marks, F. Engel's, 2-e izd., T. 1, M., Politizdat, 1955, pp. 219—368.

7. Laue M. *Istoriya fiziki* (History of Physics), M., Gostekhizdat, 1956, 230 p.

8. Engel's F. *Pis'ma k raznym litsam* (yanvar' 1893 — iyul' 1895) (Letters to Various Persons (January 1893 to July 1895)), *Sochineniya* by K. Marks, F. Engel's, 2-e izd., T. 39, M., Politizdat, 1966, pp. 3—414.

9. Lyubimov N. A. *Iz knigi illyuzii, tain, chudes, otkrytii, dikovinok, kur'ezov, predrassudkov, zabluzhdenii, mechtanii, neveroyatnostei i nevozmozhnostei* (From the Book of Illusions, Secrets, Wonders, Discoveries, Gimmicks, Curiosities, Prejudices, Aberrations, Musings, Improbabilities, and Impossibilities), SPb., Tip. V. V. Komarova, 1888, 4, 72 p.

10. Zaitsev G. A. *Abstraktnye skhemy fiziki i teoriya fizicheskikh teorii. I* (Physics' Abstract Schemes and Theory of Physical Theories. I), *Filosofiya i fizika*, Voronezh, Izd-vo VGU, 1972, Vyp. 150, pp. 5—19.

11. Libsher D.-E. *Teoriya otnositel'nosti s tsirkulem i lineikoi* (Relativity Theory with Compasses and Ruler), Per. s nem. V. E. Markevicha pod red. N. V. Mitskevicha, M., Mir, 1980, 149 p., ris.

12. Feinberg E. L. *Dve kul'tury: intuitsiya i logika v iskusstve i nauke* (Two Cultures: Intuition and Logic in Arts and Science), M., Nauka, 1992, 255 p.

The Principles of Synergetics in the Study of the Individual's Sociocultural Integration in Society

A. V. Petrov

*Moscow City Government
University of Management*

The author discusses the integration of a person (individual) in social environment. He states that effective integration model can serve as positive factor promoting the society's dynamic development. Sociocultural environment alteration consequently leads to changes in the conditions of person's integration into society. Considering the society as self-organizing system the author analyzed the ontological principles defining conditions of personality's effective phased sociocultural adaptation from the point of view of synergetics as a universal model.

Keywords: synergetics; individual; social adaptation; sociocultural integration.

References

1. Kheller A. Interv'yū s Agnes Kheller (Interview with Agnes Heller), Vzyal D. Nikulin, *Voprosy filosofii*, 2001, No. 5, pp. 159–169.
2. Yadov V. A. Sotsial'naya identifikatsiya v krizisnom obshchestve (Social Identification in Recessionary Society), *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov*, khrestomatiya, Sost. L. V. Kulikov, 2-e izd., pererab. i dop., SPb. [i dr.], Piter, 2009, pp. 332–343.
3. Budanov V. G. O metodologii sinergetiki (About Synergetics Methodology), *Voprosy filosofii*, 2006, No. 5, pp. 79–94.
4. Stepin V. S. Tsivilizatsiya i kul'tura (Civilization and Culture), SPb., SPbGUP, 2011, 407 p., il., Klassika gumanitarnoi mysli, vyp. 3.
5. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya (The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge), Avt. vved. i per. E. D. Rutkevich, M., Academia-Tsentr, Medium, 1995, 323 p., Pervye publikatsii v Rossii.
6. Phillips L. Human Adaptation and Its Failures, N.Y., Academic Press, 1968, XIII, 271 p.
7. Flier A. Ya. Sovremennaya kul'turologiya: ob'ekt, predmet, struktura (Contemporary Culturology: Object, Subject, and Structure), *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1997, No. 2, pp. 124–145.
8. Sedov E. A. Informatsionno-entropiinye svoystva sotsial'nykh sistem (Social Systems' Informative and Entropic Properties), *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1993, No. 5, pp. 92–100.

Political Regimes' Performance Features in Arab World

A. I. Pirogov¹, D. A. Biryukov²

¹ National Research University
of Electronic Technology, Moscow

² Moscow State Regional University
(MSRU)

The authors consider the last decade events that have influenced the most countries of Arab East (the Arab Spring in early 2011 and Arab League meeting in March 2015) as the manifestation of contemporary processes transforming this region's political landscape. They have analyzed the causes of Arab countries' political regimes' ill-preparedness for true liberalization and have criticized the concept of democracy crisis in Arab World. The authors also proposed the upgraded classification for authoritarian regimes in countries under study.

Keywords: Arab world; Islam politicization; Islamization policy; army as political actor; authoritarian regimes; liberal reforms; democracy crisis.

References

1. Pochta Yu. M. Vozniknovenie islama i musul'manskogo obshchestva: filos.-metodol. analiz (The Rise of Islam and Muslim Society: Philosophical and Methodological Analysis), M., RUDN, 1993, 146 p.
2. Nikolaev K. "Blizhnevostochnoe NATO. Arabskie gosudarstva sozdayut obshchie vooruzhennye sily" (Middle East NATO. Arab States Create Their Common Armed Forces). *Novye Izvestiya* 30 Mar. 2015. Web. 24 Sept. 2015. <<http://www.newizv.ru/world/2015-03-30/217306-blizhnevostochnoe-nato.html>>.
3. Afrika: problemy perekhoda k grazhdanskomu obshchestvu (Africa: Problems of Transition to Civil Society), mat.-ly VI konf. afrikanistov, sostoyavsheisya v Moskve 16–18 noyab. 1994 g., M., In-t Afriki RAN, 1995, 209 p.
4. Hudson M. C. Arab Politics: The Search for Legitimacy, New Haven, Yale University Press, 1977, 434 p.
5. Avtoritarizm i modernizatsiya v stranakh Azii i Afriki (Authoritarianism and Modernization in Asian and African Countries), ref. sb., Sost. S. I. Kuznetsova, O. E. Bubnova, M., INION RAN, 1994, 123 p.
6. Gaidukevich L. M. "Arabskaya vesna" 2011 g.: demokraticheskie preobrazovaniya ili geopoliticheskie peredel regiona? (The 2011 Arab Spring: Democratic Transformations or Region's Geopolitical Repartition?), *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, 2012, No. 1, pp. 29–34.
7. Naumkin V. Snizu vverkh i obratno: "Arabskaya vesna" i global'naya mezhdunarodnaya sistema (From the Bottom Upwards and Back: Arab Spring and Global International System), *Rossiya v global'noi politike*, 2011, No. 4, pp. 20–33.
8. Demokratiya i avtoritarizm v tret'em mire v kontse XX v. (kontseptsiya S. P. Khantingtona i otkliki na nee) (Democracy and Authoritarianism in Third World in the End of 20th Century (Samuel P. Huntington's Theory and Response to It)), Nauch.-analit. obzor [by Yu. I. Komar], M., INION RAN, 1995, 23 p., Sotsial'noe razvitiye i kul'tura stran Azii i Afriki.
9. Munir S. F. Obshchie cherty i kharakternye osobennosti politicheskikh rezhimov v Irake, Sirii i Livane: sravnitel'nyi analiz, avtoref. dis. ... kand. polit. nauk (Iraqi, Syrian and Lebanese Political Regimes' Common Features and Defining Characteristics: Comparative Analysis, Political Science PhD Thesis Synopsis), M., 1997, 19 p.
10. Aquil Shah. The Army and Democracy, Cambridge, Harvard University Press, 2014, 416 p.
11. Sumbatyan Yu. G. Politicheskie rezhimy: proiskhozhdeniye, sushchnost' i osnovnye formy (Political Regimes: Their Genesis, Essence and Main Forms), *Obshchestvoznaniye v shkole*, 1998, No. 2, pp. 17–21.

12. Sumbatyan Yu. G. Politologiya. Avtoritarizm kak kategoriya politicheskoi nauki (Political Science. Authoritarianism as Political Science's Category), *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 1999, No. 6, pp. 57—75.

Cultural Monuments and Cultural Values in Russian and Soviet Legislation: Concept, Social and Political Entity, and Content

T. V. Rastimeshina

*National Research University
of Electronic Technology, Moscow*

References

1. Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury (Preservation of Historical and Cultural Monuments), sb. dokumentov, Sost. G. G. Anisimov, M., Sovetskaya Rossiya, 1973, 191 p.
2. Mikheeva I. V. K probleme formirovaniya ponyatiya "pamyatnik istorii i kul'tury" v zakonodatel'stve Rossiiskoi Imperii (To the Problem of "Historical and Cultural Monument" Concept Formation in the Russian Empire Legislation), *Zakonotvorcheskaya tekhnika sovremennoi Rossii: sostoyanie, problemy, sovershenstvovanie*, [mat.-ly nauch.-metod. seminar, 11—16 sent. 2000 g.: v 2 t.], Pod red. V. M. Baranova, Nizhnii Novgorod, Nizhegorod. akad. MVD RF, In-t "Otkrytoe o-vo" (Fond Sorosa — Rossiya), 2001, T. 1, pp. 528—535.
3. Kir'yanov I. A. Klassifikatsiya, printsipy otbora i vyavleniya pamyatnikov trudovoi slavy sovet'skogo naroda (Soviet People's Labor Glory Monuments' Classification and Principles of Selection and Revealing), *Pamyatniki trudovoi slavy sovet'skogo naroda*, Tez. dokl. k oblastnoi nauch.-metod. konf., Gor'kii, 1979, pp. 5—7.
4. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie Komiteta ministrov "O sokhranении pamyatnikov drevnosti v Krymu" ot 4 iyulya 1822 g. (Committee of Ministers' Regulation Consolidated by the Imperial Court "On Preservation of Monuments of Eld in Crimea" from July 4, 1822), *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii, s 1649 goda: Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda*, Pod red. M. M. Speranskogo, T. 38: 1822—1823, SPb., 1830, No. 29105.
5. Zakon SSSR ot 29.10.1976 "Ob okhrane i ispol'zovanii pamyatnikov istorii i kul'tury" (Law of the USSR from October 29, 1976 "On Preservation and Use of Historical and Cultural Monuments"), *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, 1976, No. 44, pp. 628—629.
6. Grazhdanskii kodeks RSFSR (Civil Code of Russian Soviet Federated Socialist Republic), *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*, 1964, No. 24, item 406.
7. Galkova O. V. Ponyatie "pamyatnik kul'tury": sovremennye podkhody k interpretatsii (The Concept of Cultural Monument: Modern Approaches to Interpretation), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2009, No. 2, pp. 182—187.
8. Mikhailovskii E. V. Restavratsiya pamyatnikov arkhitektury (Restoration of Architecture Monuments), *Vosstanovlenie pamyatnikov kul'tury: Problemy restavratsii*, Red. i avt. predisl. D. S. Likhachev, M., Iskusstvo, 1981, pp. 15—42.
9. Kulemzin A. M. Okhrana pamyatnikov v Rossii kak istoriko-kul'turnoe yavlenie (Preservation of Monuments in Russia as Historical and Cultural Phenomenon), monografiya, Kemerovo, Kemerovskii obl. in-t usovershenstvovaniya uchitelei, 2001, 328 p.
10. Pokrovskaya A. N. Ideologicheskaya tselostnost' sotsialisticheskoi khudozhestvennoi kul'tury (Socialist Artistic Culture's Ideological Integrity), *Sotsialisticheskaya ideologiya i khudozhestvennaya kul'tura: filos.-sotsiol. aspekty*, [Red. E. M. Babosov], M., Nauka i tekhnika, 1979, pp. 65—72.
11. Shlezinger A. M. Tsikly amerikanskoi istorii (The Cycles of American History), Per. s angl. P. A. Razina, M., Progress, Progress-Akademiya, 1992, 688 p.
12. Ikonnikov A. V. Staroe i novoe v sisteme goroda (The Old and the New in the City System), *Pamyatniki arkhitektury v strukture gorodov SSSR*, by A. V. Ikonnikov, N. F. Gulyanitskii, E. V. Mikhailovskii i dr., pod red. A. V. Ikonnikova, M., Stroiizdat, 1978, pp. 7—43.
13. Shchenkov A. S. Aspekty obshchestvennoi tsennosti pamyatnika (Aspects of a Monument's Collective Value), *Sovremenniy oblik pamyatnikov proshlogo: istoriko-khudozhestvennye problemy restavratsii pamyatnikov arkhitektury*, Pod red. A. S. Shchenkova, M., Stroiizdat, 1983, pp. 146—151.
14. Arenkova Yu. I. Za chto my tsenim pamyatniki arkhitektury? (What Makes Us Appreciate Architecture Monuments?), *Okhrana i restavratsiya pamyatnikov arkhitektury. Opyt raboty masterskoi No. 13*, M., Stroiizdat, 1981, pp. 38—40.
15. Mikhailovskii E. V. Obshchestvennoe znachenie pamyatnikov arkhitektury (Architecture Monuments' Collective Meaning), *Teoriya i praktika restavratsionnykh rabot*, sb. 3, M., Izd-vo lit. po stroitel'stvu, 1972, pp. 3—13.
16. Mikhailovskii E. V. Osnovy sovremennogo podkhoda k restavratsii pamyatnikov kul'tury (Basics of Modern Approach to Cultural Monuments Restoration), *Metodika i praktika sokhraneniya pamyatnikov arkhitektury*, Pod obshch. red. E. V. Mikhailovskogo, M., Stroiizdat, 1974, pp. 31—32.
17. Sergeev A. P. Kul'turnye tsennosti kak pravovaya kategoriya (Cultural Values as Legal Category), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1990, No. 4, pp. 42—52.

18. Yurkshtas V. I. Regeneratsiya istoricheskikh tsentrov gorodov Litvy (metodologicheskii opyt) (Lithuanian Cities' Historic Centers' Regeneration (Methodological Experience)), Vil'nyus, LitNIINTI, 1981, 49 p., 4 l. il.
19. Ruzavin G. I. Logika i argumentatsiya (Logic and Argumentation), M., Kul'tura i sport, YuNITI, 1997, 351 p.
20. Nenovski N. Pravo i tsennosti (Right and Values), Per [s bolg.] V. M. Safronova, M., Progress, 1987, 246 p.
21. Egorova E. Yu. Gosudarstvenno-pravovaya zashchita kul'turnykh tsennostei: sravnitel'nyi analiz rossiiskogo i frantsuzskogo zakonodatel'stva, avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk (Cultural Values' State Legal Protection: Comparative Analysis of Russian and French Legislation, Law PhD Thesis Synopsis), M., 1996, 26 p.
22. Fechner F. The Fundamental Aims of Cultural Property Law, *International Journal of Cultural Property*, 1998, Vol. 7, No. 2, pp. 376—394.
23. Bratanov V. V. Khishchenie kul'turnykh tsennostei: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty, avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk (Cultural Values Theft: Criminal-Legal and Criminological Aspects, Law PhD Thesis Synopsis), Nizhnii Novgorod, 2001, 30 p.
24. Gorbachev V. G., Rastopchin V. G., Tishchenko V. N. Kul'turnye tsennosti: ponyatie, poriyadok priobreteniya, khraneniya i obrashcheniya (Cultural Values: Concept, and Their Acquisition, Storage and Handling Order), spravocnoe posobie. M., VNII MVD SSSR, 1989, 275 p.
25. Sergeev A. P. Grazhdansko-pravovaya okhrana kul'turnykh tsennostei v SSSR (Cultural Values Preservation in USSR Civil Law), L., Izd-vo Leningr. Un-ta, 1990, 280 p.
26. Osnovy zakonodatel'stva RF o kul'ture: utv. VS RF 09.10.1992 No. 3612-1 (Basics of Russian Federation's Legislation on Culture: Approved by Supreme Council of Russian Federation on October 9, 1992, No. 3612-1), *Vedomosti SND i VS RF*, 1992, No. 46, item 2615.
27. Zakon RF ot 15.04.1993 No. 4804-1 "O vyvoze i vvoze kul'turnykh tsennostei" (Russian Federation Law No. 4804-1 from April 15, 1993, "On Cultural Values' Export and Import"), *Vedomosti SND i VS RF*, 1993, No. 20, item 718.
28. Boguslavskii M. M. Kul'turnye tsennosti v mezhdunarodnom oborote: pravovye aspekty (Cultural Values in International Circulation: Legal Aspects), M., Yurist, 2005, 428 p.

Information

15th Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science (CLMPS 2015)

There is brief description of brightest and most interesting events of CLPMS 2015 held in Helsinki on August 3 to 8. One of its participants Naira V. Danielyan, Dr. phil., related the essence of its plenary lectures, special sessions, book exhibitions and meetings with philosophers and scientists from around the globe who presented leading universities

and academies of science. The Congress has shown that world academic community today tends to unite and to face scientific challenge together, so Russian students, postgraduates and researchers not only in natural sciences but also in the humanities should be fully engaged in this process.

New Books

Bibliographical data on new books in print edited by known Russian publishing houses.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 экземпляра номера, в котором будет опубликована его статья.

ВАЖНАЯ ИНФОРМАЦИЯ! Статьи принимаются в редакцию только при наличии договора о передаче авторского права.

Научный журнал «**Экономические и социально-гуманитарные исследования**» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи. Верстка журнала осуществляется в издательской системе, функционирующей в сети IBM-совместимых компьютеров. Журнал имеет формат А4 и изготавливается по технологии цифровой печати.

В редакцию представляются:

- 1) текст статьи, включая аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список, список авторов и сведения о них, подготовленный на компьютере и распечатанный на лазерном принтере на белой бумаге формата А4 с четким и ясным шрифтом;
- 2) электронный вариант статьи на лазерном диске или USB-флеш-накопителе, подготовленный на IBM PC в формате MS Word for Windows (для иногородних авторов допускается передача электронного варианта статьи по e-mail);
- 3) экспертное заключение, рекомендации кафедры, сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций);
- 4) лицензионный договор о передаче авторского права в 2 экземплярах.

Основные рубрики:

- фундаментальные исследования;
- экономические науки;
- экономическая теория;
- экономика и управление народным хозяйством;
- финансы, денежное обращение и кредит;
- математические и инструментальные методы экономики;
- мировая экономика;
- философские науки;
- онтология и теория познания;
- эстетика;
- этика;
- логика;
- философия науки и техники;
- социальная философия;
- история философии;
- исторические науки;

- отечественная история;
- всеобщая история;
- история международных отношений и внешней политики;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- религиоведение, философская антропология, философия культуры; юридические науки;
- история науки и техники;
- проблемы высшего образования;
- социологические науки;
- теория, методология и история социологии;
- экономическая социология и демография;
- политические науки;
- социальная структура, социальные институты и процессы;
- социология культуры, духовной жизни;
- социология управления;
- психологические науки.

Статья должна быть подписана всеми авторами.

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не более 12 страниц текста и 5 рисунков, для краткого сообщения — не более 4 страниц текста и 2 рисунка.

Материал для публикации должен быть собран в один файл с названием **ФамилияИО_Название статьи**.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; название статьи; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; краткая (но не менее 500 знаков, считая пробелы) аннотация на русском языке; ключевые слова. Далее следует текст статьи. Статья должна быть пронумерована насквозь.

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Внимание! Редакция должна быть уверена, что ни представленная работа, ни ее части не были ранее опубликованы и не находятся на рассмотрении в других изданиях. Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат».

Аннотация (предоставляется на русском и английском языках) должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др.

Ключевые слова или словосочетания (на русском и английском языках) отделяются друг от друга точкой с запятой.

В рукописи должна быть **сквозная нумерация** страниц, рисунков и таблиц.

Рисунки (максимальный размер 13 × 21 см, размер шрифта не менее 9) должны быть черными, контрастными, читабельными. Каждый рисунок должен иметь подпись. На все рисунки должны быть ссылки по тексту.

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера, на каждую из них в тексте должна быть ссылка.

Для **форматирования текста** не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—).

Для математических и химических **формул** следует выбирать шрифт 11 кегля. Буквы латинского алфавита набираются курсивом, буквы греческого и русского алфавитов, математические функции *lim*, *lg*, *ln*, *arg*, *const*, *min*, *max* и т. д., а также названия химических элементов — прямым шрифтом. Подстрочные и надстрочные индексы должны стоять строго на своих местах и быть размечены (подстрочные помечаются дугой сверху, надстрочные — снизу). Символ не должен сливаться с надсимвольным элементом.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо давать их расшифровку.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. Список литературы оформляется в порядке ссылок на нее по тексту. Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р.7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Необходимо указать:

— для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Плата за публикацию статьи с аспирантов не взимается.

Статьи направлять по адресу: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ, редакция журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования».

E-mail: esgi.miet@yandex.ru

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно:

- по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» в любом отделении почты России
- на сайте агентства «Роспечать»:
 - ссылка для физических лиц <http://www.presscafe.ru/Subs/?RubricID=22&letter=%DD>
 - ссылка для юридических лиц (корпоративная подписка) http://pressa.rosr.ru/tvr.asp?tvr_code=80114